

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА И ЗВЕРОВОДСТВА
им. проф. Б.М. Житкова
(ГНУ ВНИИОЗ)

В.А. Чашухин

**ЧЕЛОВЕК И ОХОТНИЧЬИ ЖИВОТНЫЕ:
ПРОБЛЕМЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ**

КИРОВ

2012

УДК: 591.557.2

Ч30

Чашухин В.А. Человек и охотничьи животные: проблемы Ч30 сосуществования /ВНИИОЗ, РАСХН. Киров. 2012. 127 с.

Экологические и социальные аспекты современного взаимодействия людей и охотничьих животных. Анализ причин и поиск решений предотвращения конфликтных ситуаций. Оценка последствий не охотничьего воздействия на популяции зверей и птиц. Информация для специалистов в сфере охраны и использования ресурсов охотничьих животных и обеспечения безопасности человека.

УДК: 591.557.2

Фото на обложке: С.А. Иванова (вверху слева и внизу справа), В.Ф. Гиновича (вверху справа), С.И. Минькова (внизу слева).

© Чашухин В.А., 2012

© ГНУ ВНИИОЗ РАСХН, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Охотничьи животные и места их обитания обычно соотносятся с деятельностью охотников. С быстрым ростом народонаселения на планете, с глобальным преобразованием окружающей среды для его проживания и хозяйствования в последние столетия традиционное значение охоты во многом утрачено. Изменилось во многом и отношение к охотничьим животным, одни из которых стали редкими, другие невольно оказались участниками взаимодействия с людьми, не связанного непосредственно с охотничьей деятельностью. Количество инцидентов с участием охотничьих зверей и птиц возрастает по мере того, как трансформируется их естественная среда обитания.

В целом это лишь часть современного глобального процесса сосуществования людей и диких животных на планете. Миллиарды людей настолько потеснили представителей дикого мира, что складывающуюся ситуацию можно образно представить так, как будто бы тем и другим становится действительно тесно, а столкновения при реализации жизненных потребностей становятся просто неизбежными. Обусловленные явно деятельностью людей проблемы могут только множиться, приобретать новые аспекты, становиться все более злободневными. Именно такая тенденция и прослеживается на примере взаимодействия людей и охотничьих животных во многих странах на разных материках.

Развитие такого рода событий не может не представлять интерес для охотничьего сообщества. Нельзя не заметить, что в процессы рассматриваемого взаимодействия с охотничьими животными вовлечено огромное количество не охотников, специалистов разного профиля, использующих для решения возникших проблем новейшие достижения научно-технического прогресса и воспринимающих охотничьих животных совсем не в качестве объектов охоты. В результате такой деятельности происходят изменения в мышлении масс людей, формируется новый уровень интеллектуальной зрелости общества. Вне соответствия формирующемуся миропониманию, без участия в этом глобальном процессе, без принятия адекватных решений охотники с их глубокими историческими традициями, очевидно, утрачивают былые общественные позиции.

ПРОБЛЕМЫ, ПОРОЖДАЕМЫЕ ОХОТНИЧЬИМИ ЖИВОТНЫМИ

Прежде чем начать обсуждение проблем, необходимо определиться с тем, каких животных рассматривать в категории охотничьих. Акцентировать на этом внимание следует потому, что в настоящее множество представителей животного мира планеты включено в самые разнообразные перечни согласно законодательству отдельных стран и международным соглашениям об использовании и охране их ресурсов. Даже сам факт упоминания конкретных видов животных в законодательных документах уже свидетельствует о том, что эти животные имеют непосредственное отношение к человеку как объекты взаимодействия.

С такой точки зрения в данном случае можно сделать некоторые допущения. В частности, не исключать из обсуждения животных, ставших уже редкими или немногочисленными и получивших статус охраняемых природных объектов, а также не следовать существенно различающимся официальным перечням охотничьих животных в разных странах на разных континентах. В принципе интерес представляют наиболее крупные звери и птицы, сосуществование с которыми в настоящее время по многим причинам и в разных ситуациях действительно проблематично. Как правило, все из них были, а многие из них до сих пор остаются желанной добычей охотников.

Из разных подходов к анализу проблем по территориальному, видовому или иному принципу наиболее показательным представляется их рассмотрение по виду причиняемых человеку неудобств и угроз. Это логично и с той точки зрения, что предметом для обсуждения будут именно современные проблемы. Стремление к перечислению наибольшего количества фактов в условиях современного глобального развития информационных технологий, вероятно, излишне. Целесообразно акцентировать внимание лишь на некоторых событиях последних десятилетий, объективно подтверждающих злободневность анализируемых проблем.

На первом месте в таком ряду проблем логично рассматривать угрозы жизни, в частности, нападения разных животных на людей, заканчивающиеся в ряде случаев смертельным исходом.

Внушительна даже перечень таких опасных охотничьих животных. Это слоны, бегемоты, буйволы, львы, тигры, медведи, пумы, волки. Перечисление этим не исчерпывается. При необходимости защиты собственной жизни или жизни потомства на человека нападают даже некрупные звери и птицы. Стресс, а порой и травмы в результате таких инцидентов также оказываются причиной их активного обсуждения даже в средствах массовой информации.

Официального учета таких событий, вероятно, не было, и нет ни в одной стране мира. Это не результаты экономической или общественной деятельности людей, о которых можно найти сведения в разнообразных ныне по всему миру статистических справочниках и отчетах. Однако далеко не единичные факты убедительно свидетельствуют о том, что проблема нападения диких животных на людей не надуманная и исходит из глубокого прошлого.

Она стала широко обсуждаться после опубликования европейцами своих походов и наблюдений в Африке и Южной Азии. Заслуженная по человеческим меркам расправа с львами, тиграми и леопардами людоедами и слонами убийцами стала материалом для неоднократно переизданных книг, авторы которых были очевидцами множества трагических противостояний крупных диких животных и местного населения (Patterson J.H. *The Man-eaters of Tsavo*. 1907; Hunter J.A. *White hunter*. 1939; Corbett J. *Man-Eaters of Kumaon*. 1944).

Называемое этими авторами количество погибших людей измеряется сотнями за непродолжительные промежутки времени до десятка-полутора десятков лет. Причем массовые жертвы нередко рассматриваются результатами нападений конкретных особей львов и тигров, за что их нарекали прозвищами, как правило, в соответствии с местами их обитания и злодейства. Конечно, с позиций современной популяционной экологии в этом можно усомниться, но особых сомнений в описанных многочисленных нападениях диких животных на людей не остается.

Во многом ситуация подтверждается статистическими сведениями, собранными британцами в пределах колониальных индийских владений в начале прошедшего столетия. Датируемая 1903/04–1912/13 гг. информация свидетельствует о том, что в так называемой Британской Индии ежегодно погибало в результате нападений тигров от 698 до 909 человек, а в результате

нападений леопардов – от 253 до 513 человек. Только в 1903 г. из-за нападений этих хищников лишились жизни 1379 человек. Наибольшее число таких инцидентов зарегистрировано в административных Bengal, Bihar, Madras, Orissa (Statistical abstract relating to British India from 1903-04 to 1912-13. London: His Majesty's Stationary Office. 1915. p. 240.)

В связи с этим особый интерес представляет подборка сотрудниками газеты «India Times» современной информации о нападениях этих крупных диких кошек на людей в Индии. Согласно только попавшим в прессу сведениям с начала уже текущего столетия не было ни одного года без такого рода инцидентов. Как и столетие назад, люди регулярно оказываются жертвами нападений тигров и леопардов, при этом смертельный исход таких событий, по-прежнему, обычен и мало удивителен. В течение 2012 г. опубликовано более десятка газетных сообщений о гибели подростков, браконьеров и даже опытных служащих лесной охраны (www.articles.timesofindia.com/keyword/tiger-attack).

Самая высокая плотность населения тигров в пределах современного ареала сохраняется на некоторых участках мангровых лесов по границе Индии и Бангладеш. В пределах этой исключительно удобной для обитания лесопокрытой территории тигры в настоящее время наводят ужас на местное население. Несмотря на широко известную исходящую от тигров опасность и всевозможные меры предосторожности гибель сборщиков меда, рыбаков и прочих любителей щедрых даров тропической природы регистрируется ежегодно. Масштабы трагедии закономерно изменяются в соответствии с количеством посетителей лесов и лишь возрастают с ростом численности местного населения (Montgomery, 2009).

Тигры островных популяций не отличаются от своих континентальных собратьев агрессивным поведением по отношению к людям. На острове Суматра в Индонезии за 20-летний период наблюдений с 1978 по 1997 гг. было зарегистрировано 176 случаев нападений тигров на людей. В результате 146 человек погибли, остальные 30 получили разной тяжести ранения (Nyhus, Tilson, 2004). Не единичны официально регистрируемые и, вероятно, также нескончаемые жертвы амурских тигров среди охотников и прочих лесных визитеров на Дальнем Востоке России (Дунищенко, Куликов, 1999).

Опасными для людей тигры остаются и при содержании в неволе, в частности, в зоопарках, цирках, частных зверинцах. Например, в результате специального обзора доступной информации на эту тему было установлено, что за 1998-2001 гг. произошло 59 инцидентов с тиграми, в результате которых в разных странах люди были убиты или ранены. Более 40% жертв были в возрасте до 20 лет из-за явной недооценки опасности контакта с такими крупными хищниками. Только в США из-за нападений тигров 7 человек погибло и 27 человек получило ранения (Nyhus, Tilson, Tomlinson, 2003). В последнее десятилетие широкую огласку получили инциденты с тиграми в зоопарках Сан-Франциско, Нью-Йорка, Копенгагена.

Примером сильных и скрытных лесных кошек можно признать североамериканскую пуму и южноамериканского ягуара. В последние десятилетия в Канаде, США и Мексике засвидетельствовано более сотни случаев нападения пум на людей. В результате только в Канаде и США 29 человек погибли. Количество раненых исчисляется десятками. Примечательно, что почти половина погибших – дети в возрасте до 13 лет (Mattson, Logan, Sweanor, 2011). В Бразилии официально зарегистрировано лишь одно нападение ягуара в 1992 г., в результате которого также погиб ребенок (Marchini, 2010).

Проблема сосуществования с крупными дикими кошками не утратила своей актуальности с ростом народонаселения в Африке. Развивающийся мониторинг дикой природы сопровождается неизбежным накоплением фактов на эту тему. Например, во всемирно известном национальном парке Крюгера в Южной Африке в течение 45 лет после 1960 г. львы по одной из оценок оказались причиной смерти более 1,6 тыс. человек (Frump, 2006). В Танзании за полтора десятка лет после 1990 г. засвидетельствована гибель 563 человек в результате нападений львов, а 308 человек в таких же инцидентах получили ранения (Packer et al., 2005).

В Кении были проведены специальные исследования с целью выяснения особенностей взаимоотношения местного населения и крупных диких животных за пределами природоохранных территорий. В результате опроса 377 землевладельцев в районе Лайкипии на севере страны выяснилось, что практически все они, за исключением молодых и недавно появившихся собственников без опыта сельской жизни, были очевидцами агрессивно-

го поведения по отношению к людям слонов, львов, буйволов, леопардов, гиппопотамов и крокодилов. Ночные костры, стрельба и другие громкие шумы до сих пор регулярно практикуются ими в критических ситуациях для отпугивания диких животных (Wambuduh, 2007).

Не выделяются из мира дикой природы благосклонным отношением к человеку и медведи в пределах всего обширного родового ареала. Количество регистрируемых конфликтных ситуаций между ними и людьми особенно велико. В подтверждение этому можно обратиться лишь к нескольким примерам. Всего лишь в 2006 г. случаи нападения медведей на людей зарегистрированы в 7 провинциях Канады и 21 штате США (Spencer et al., 2007). В течение 1900-2009 гг. в Канаде и США в результате нападений черных медведей официально зарегистрирована гибель 63 человек. Более половины инцидентов зарегистрировано после 1960 г., когда соответствующая информация стала более доступной для анализа (Неггеро et al., 2011). В Индии в штате Кашмир только в пределах национального парка Дачигам в течение 2007-2009 гг. пострадало 19 человек от нападения тибетских черных медведей (Charoo et al., 2011).

Небезопасны даже устремления запечатлеть уникальные фотоснимки этих красивых животных. В различных журналах мира широко обсуждались причины смерти профессиональных фотографов из Японии, России и США, нарушивших невидимую явно грань возможного приближения к медведям (Баскин, 2010). Камчатка, медвежий край в России, навсегда останется местом памяти такого рода трагичных событий.

С рассматриваемой точки зрения интересна попытка шведских специалистов обобщить доступную информацию о гибели людей в результате нападений хищников за прошедшее столетие (Løe, Röskaft, 2004). По итогам такой оценки самыми опасными для человека хищниками оказались дикие крупные кошки. В частности, авторы приводят сведения о гибели 12 599 человек в результате нападений тигров. Далее следуют леопарды, львы и пумы. Не менее опасны бурые медведи с несколькими сотнями погибших жертв и их черные североамериканские сородичи. Минимум загубленных человеческих жизней белыми медведями логично поясним меньшей вероятностью встреч с этими полярными хищниками. За столетие официально опубликовано лишь о гибели 12 человек на территории Норвегии и Канады.

Это явно заниженные результаты из-за того, что не все случаи гибели людей от хищников в течение целого столетия могли стать предметом для официального обсуждения. Невозможно представить скрупулезную регистрацию таких событий в африканской или азиатской глубинке хотя бы в первой половине истекшего столетия. Логично и полагать, что не все инциденты завершались гибелью людей, в результате количество пострадавших от крупных хищников следует оценивать другими и неоднократно большими числами.

Не менее поразительны случаи нападения на людей самых крупных наземных млекопитающих – слонов. В Африке, например, только в Кении за семь лет на рубеже прошедшего и текущего столетий убиты слонами более 200 человек (Species fact..., 2006). Не уступают человеку в конфликтных ситуациях и азиатские слоны. За период 2003–2009 гг. в Индии жертвами слонов стали 113 человек, в то же время в Непале – 45 человек, в Бангладеш – 41 человек, в Индонезии – 16 человек, а всего в ареале азиатского слона – 226 человек (Doyle et al., 2010). В Шри-Ланке в 2007 г. в результате нападений слонов погибло более 50 человек, в числе которых и жертвы прирученных лесных гигантов (www.elephantsinsrilanka.com/humanelephantconfl).

В одном ряду со слонами можно не без оснований рассматривать такого же типичного фитофага гиппопотама, проявившего себя на реках Африки исключительно опасным для человека созданием природы. Его способность нападать не только непосредственно на людей, но и на плоты и небольшие лодки с людьми, до сих пор обескураживает местное население и любителей попутешествовать по африканским рекам. Многочисленные трагические инциденты с гиппопотами описаны в характеристике этого животного на сайте международного союза охраны природы и природных ресурсов (IUCN)

Современные информационные технологии позволяют засвидетельствовать исходящие от диких животных угрозы не только словесно в виде публикаций, но и представить эти события визуально в виде различных видеоматериалов. Возможности просмотра и обсуждения такой информации с 2005 г. успешно реализуются в рамках видео-хостинга (www.youtube.com) в глобальной информационной сети Интернет. Любителям острых ощущений представлены со всего мира обширные тематические подборки видеосъемок нападений на людей различных живот-

ных в условиях дикой природы, мест отдыха, населенных пунктов, зоопарков, цирков. Типичным примером обобщения такого рода видеоматериалов можно рассматривать рубрику «Untamed&Uncut» на сайте широко известного телевизионного канала «Animal Planet». Это такие же объективные доказательства того, что современное взаимодействие людей с крупными представителями животного мира не лишено проблем, ценой разрешения которых оказываются здоровье и жизнь человека.

Приведенными фактами не исчерпывается сполна обсуждение этой темы, архаичной и до сих пор отчетливо символизирующей контрасты органического мира. Рассматриваемая ситуация во многом драматична и противоречива. К настоящему времени почти все крупные наземные хищники и фитофаги оказались во многих местах планеты в таком меньшинстве, что заполучили от человека статус охраняемых животных. Однако это не повод забывать о том, что они не утратили тех природных качеств, из-за которых человек был и остается их потенциальной жертвой в случае неожиданных для него конфликтных ситуаций. Проблематичность сосуществования с ними отрицать невозможно.

Следующая проблема заключается в том, что многие хищные звери и поныне представляют серьезную угрозу животным, которых человек приручил и даже масштабно размножил. В общих чертах эта проблема понятна и не требует особых разъяснений. Однако из-за отсутствия конкретных методических подходов к определению масштабов этого явления полемику в определении наносимого ущерба скотоводам и владельцам домашних животных следует признать уместной. В оценке достоверности излагаемых фактов остается лишь надеяться на объективность свидетелей такого рода событий.

В первую очередь можно обратить внимание на несколько необычное поведение некоторых хищников. Согласно широко распространенному мнению в качестве первых одомашненных человеком животных рассматриваются собаки. Именно их при любом удобном случае сразу же уничтожают львы, тигры, леопарды, волки. Вряд ли будет ошибочным утверждение о том, что многим заядлым охотникам из российской глубинки известны потери гончих, лаек и собак других пород, обличающих себя в местах обитания волков громким лаем и в целом шумным поведением. Самые дерзкие представители волчьего племени

умудряются и в настоящее время устраивать расправы с собаками во дворе их хозяев.

Такому поведению хищников удивлялись европейские охотники в Африке. Неоднократно было отмечено, как леопарды быстро ретировались перед сворой мелких собак, но и также быстро расправлялись с одиночными собаками вне зависимости от их размеров и проявления ими агрессии (Hunter J.A. White hunter. 1939). В явно намеренном изничтожении собак у местных охотников изобличены амурские тигры (Дунишенко, Куликов, 1999). Хищнические инстинкты не претерпели существенных изменений до настоящего времени. При выявлении проблем жизнеустройства местного населения на севере Танзании выяснилось, например, что наряду с выпасаемым скотом жертвами львов, леопардов и гиен в течение всего лишь полутора лет оказалось 8 собак, специально завезенных для охраны людей и животных (Kissui, 2008).

Африка из-за видового разнообразия крупных хищников до сих пор привлекает внимание ученых, пытающихся разобраться в том, насколько хищничество может сдерживать возможности развития скотоводства среди аборигенного населения. Показательным примером таких исследований можно рассматривать результаты наблюдений на прилегающей к национальному парку Цаво территории в Кении. В 1996–1999 гг. в пределах участка площадью в 690 кв. км было зарегистрировано 312 случаев гибели скота. В 277 случаях это были жертвы львов, в 16 случаях – жертвы гиен и в 9 случаях – жертвы гепардов. Среднегодовой уровень ущерба от хищников определен величиной в 2,6% от валовой стоимости скота (Patterson et al., 2004).

Таким же образом характеризуется поведение крупных хищников в Южной Америке. Например, на территории одной из fazendas площадью около 200 кв. км в центральной части Бразилии с января 1998 г. до декабря 2003 г. пумами и ягуарами уничтожено 309 голов крупного рогатого скота. Если пумы нападали главным образом на молодых животных, то среди жертв ягуаров большее количество взрослых особей. Среднегодовой ущерб определен в пределах 1,5–3,2% от среднегодового производства скота, но проблема также рассматривается в числе неразрешимых (Palmeiraa et al., 2008).

В том, что это действительно не поддающаяся скорому решению проблема, убеждает особое внимание к ней производителей

животноводческой продукции в США. По представленной национальной службой сельскохозяйственной статистики информации только в 2010 г. потери крупного рогатого скота в результате нападений койотов составили 116,7 тыс. голов, в результате нападений пум, ягуаров и рысей - 18,9 тыс. голов, в результате нападений волков – 8,1 тыс. голов. Общее количество жертв хищников среди крупных сельскохозяйственных животных увеличилось со 190 тыс. в 2005 г. до 219 тыс. в 2010 г. (United States Department of Agriculture. National Agricultural Statistics Service. Cattle Death Loss 2005, 2011).

Мелкий рогатый скот в большей мере подвержен нападениям хищников. Актуальность именно этой проблемы, кажется, не меняется со временем. В 2004 г. в США потери овцеводов результате инцидентов с хищниками официально определены величиной около 600 тыс. особей. Более половины из них оказались жертвами койотов. (United States Department of Agriculture. Animal and Plant Health Inspection Service. Sheep and Lamb Predator Death Loss in the United States. 2004).

Такова по официальным оценкам неотвратимая дань американских фермеров хищникам из дикой природы. Если это и выражается относительно современных масштабов скотоводства в стране всего лишь несколькими процентами, то сам факт, что фермеры ежегодно отдают на закланье сотни тысяч подопечных животных, явно свидетельствует о нешуточной проблеме современного сосуществования диких и сельскохозяйственных животных в Северной Америке.

Очень похожая ситуация засвидетельствована недавно на примере одной из европейских стран. В частности, в Норвегии в конце прошедшего столетия насчитывалось до 2,4 млн. овец, из которых 3-5% как ягнят, так и взрослых животных ежегодно становилось жертвами бурых медведей, рысей, волков, росомах и даже орлов (Asheim, Mysterud, 2004). Не удивительно заявление этих норвежских экспертов об отсутствии специализированных овцеводческих хозяйств, которым не был нанесен ущерб обитателями из дикой природы.

О проблеме с охотниками из дикой природы до опекаемых человеком животных в пределах российской территории приведено немало фактов в одном из предыдущих изданий этой серии (Чашухин, 2006). Современных официальных оценок такого рода хищничества нет. Подтверждением вряд ли существенно

поменявшейся ситуации можно рассматривать всего лишь один из результатов деятельности охотничьей общественности. Сотрудники Ставропольского краевого общества охотников и рыболовов, например, специально подсчитали, что только в 2005 г. в 11 из 26 районов края волками было уничтожено 2 783 овцы, 67 коров, 14 лошадей и 120 кур, уток и гусей (Друп, Фрезе, 2008). Волки, по мнению авторов, даже в пределах обжитого людьми Ставропольского края представляют реальную и серьезную угрозу не только сельскохозяйственным, но и диким животным.

В целом важно констатировать не количество гибнущего от хищников одомашненных животных, а сам факт устойчивого существования, казалось бы, неразрешимой проблемы. Отчасти бессмысленно, да и невозможно скрупулезно подсчитывать каждый год количество жертв хищников среди одомашненных животных в сельской глубинке всех стран мира. Однако игнорировать столь широко распространенное и неблагоприятное для человека явление, конечно, нельзя.

В не меньших масштабах наносят ущерб и дикие растительноядные животные. Местом столкновения интересов оказываются поля и плантации культивируемых человеком растений, а история противостояния пожирателям возвращаемых урожаев исчисляется тысячелетиями. Уместно напомнить, что современное развитие земледелия достигнуто за счет вытеснения диких животных с огромных территорий, как правило, с наиболее плодородным почвенным покровом. В данном случае интерес представляют события, главные роли в которых принадлежат охотничьим животным.

Только в 2001 г. ущерб свободно живущими птицами и млекопитающими производителям продукции растениеводства в США оценен в 944 млн. долларов. Примерно три четверти этой суммы приходится на долю производителей зерна, овощей и фруктов (United States Department of Agriculture. Animal and Plant Health Inspection Service. Protecting Agriculture. February 2011). Наиболее вредоносными для фермеров среди охотничьих животных признаны белохвостые олени, еноты полоскуны и канадские казарки, а в целом их перечень включает около десятка широко распространенных объектов охоты.

Оценка ущерба и в этом случае осложнена отсутствием точных способов измерения вредоносных действий со стороны зве-

рей и птиц. Объектами их воздействия становятся высеиваемые семена, появляющиеся всходы, молодые растения и уже готовые к сбору плоды растениеводства. Часто это сопровождается и разрушительным воздействием некоторых животных на почвенный покров. Не вызывают сомнений лишь суждения о том, что масштабы ущерба напрямую зависят от плотности населения вредоносных животных и сроков их воздействия на те или иные органы растений.

С такой точки зрения особого внимания заслуживают даже не млекопитающие фитофаги, а птицы, образующие массовые скопления в период миграций в местах ожидаемого урожая. В перечень характеризующихся таким образом охотничьих птиц в Северной Америке в настоящее время занесена канадская казарка с типичным стайным образом жизни. По разным подсчетам на территории США канадские казарки в местах их скопления ежегодно наносят ущерб в размере до 20 и даже до 60 долларов в расчете на одну птицу. Такие расчеты включают не только потери сельскохозяйственных культур, но и ущерб, наносимый в пределах мест проживания и отдыха населения. Можно представить ситуацию в целом при оценке возросшей к 2010 г. численности этих птиц до 3,5 млн. особей (United States Department of Agriculture. Animal and Plant Health Inspection Service. Estimating the Value of Resident Canada Goose Damage Management. November 2011).

Не трудно вообразить трагизм ситуации, когда на поля и плантации начинают регулярно наведываться слоны. Это не те представители из дикой природы, которых можно просто прогнать шумом, ночным освещением или собаками. Практика обобщения информации о нанесении ущерба дикими фитофагами земледельцам Африки и Азии позволяет произвести некоторые сравнения. Не удивительно, что первыми в списке нежеланных для сельских жителей млекопитающих часто оказываются именно великаны из дикой природы.

Результаты специальных исследований существенно различаются в зависимости от особенностей развития земледелия и видового разнообразия выращиваемых растительных культур. В пределах разных штатов Индии было установлено, например, что дикие слоны могут уничтожать до 14% урожая, лишая ежегодно каждую сельскую семью в среднем на 820 кг ожидаемой продукции растениеводства. В Африке наибольший ущерб за-

регистрирован в Камеруне, что выразилось величиной потерь свыше 31% от ожидаемого урожая, но при этом в числе наиболее вредоносных животных наряду со слонами отмечены бабуины, а также бородавочники, несколько видов местных копытных и даже жирафы. В то же время на примере такого же рода исследований в Уганде среднегодовые размеры ущерба определены всего в пределах 4-7% от предполагаемой стоимости урожая (Distefano, 2010).

Очень подробно вредоносная деятельность слонов исследована в районе национального парка Марсабит в Кении. В частности, на примере 414 хозяйств установлено, что только в августе 2005 г. слонами нанесен ущерб на 5,6 млн. кенийских шиллингов. Слоны в течение одного месяца побывали на посевах и посадках 23 видов выращиваемых местным населением растений, из которых в наибольшей степени пострадали плантации бананов, кукурузы и бобовых культур. Они также сполна продемонстрировали способность к эврифагии, проявив интерес к томатам, манго, авокадо, апельсинам, лимонам и даже к заготовленному для скота фуражу (Ngene S.M. Why Elephant roam. ITC Dissertation № 171. Netherlands. 2010. 195 p.).

Аналогичным образом определены потери урожая из-за диких животных на территориях, прилегающих к национальному парку Тарангире в Танзании. За период наблюдений в 2006–2008 гг. было зарегистрировано регулярное уничтожение посевов и урожая в основном кукурузы и бобовых культур на площади в 660,5 акров. Общий ущерб оценен величиной свыше 55 млн. танзанийских шиллингов, а главными виновниками такого ущерба определены слоны, бородавочники, зебры и антилопы из приведенного перечня 13 млекопитающих африканской фауны (Pittiglio, 2010).

Вполне очевидно, что человеку поневоле и практически повсеместно приходится делиться частью получаемого урожая с дикими фитофагами. Чем доступнее для них такие сельскохозяйственные угодья, тем вероятнее нанесение ущерба. Вопросы об оценке масштабов и стоимости такого ущерба, вопросы о возможности противостояния нахлебникам из дикой природы, вопросы о защите интересов производителей такой сельскохозяйственной продукции остаются и в настоящее время злободневными, а порой и безответными. Трудно поверить в то, что с этим готова смириться сельская часть населения планеты.

Дикие фитофаги вызывают недовольство и той части человечества, которая увлечена экономическими интересами к естественным древесным ресурсам. Вероятно, как только леса стали объектом возрастающих хозяйственных интересов человека, так сразу многие из них стали рассматриваться в числе вредителей леса. Масштабы стравливания ими древесной поросли можно было регистрировать визуально, но нежелательные для упомянутой части человечества последствия этой деятельности становились очевидными лишь через несколько или даже много лет.

Именно с такой точки зрения представляются закономерными нескончаемые дискуссии о деструкции лесорастительного покрова в разных ландшафтах под воздействием диких копытных и некоторых иных фитофагов. Обнаружившиеся проблемы поныне в центре внимания широкого круга специалистов, в интересах которых сохранение, воспроизводство и использование как лесных растительных ресурсов, так и ресурсов диких растительноядных млекопитающих.

Один из крупных фитофагов фауны бореальных лесов северного полушария – лось. Съедаемая взрослым лосем в течение года растительная масса измеряется тоннами. Именно поэтому воздействия лосей на лесную растительность невозможно не заметить. Результаты обследования тысяч экспериментальных площадок в местах обитания этих зверей в Европе и Северной Америке свидетельствуют, что число поврежденных ими растений в пределах некоторых малых по площади территорий может достигать уровня в 80%. Это объективный повод серьезно рассматривать вопросы об оценке наносимого лосями ущерба в случаях искусственного и контролируемого лесовозобновления. Увлеченные этой темой исследователи даже представили доказательства негативного влияния лосей на качество заготавливаемой древесины (Hörnberg, 2001; Härkönen et al., 2009; Bergeron et al., 2011).

Особенно показательны и злободневны такие проблемы для новозеландцев, чьи экономические интересы основательно связаны с разведением оленей и лесоводством. Появление по воле человека на изолированной морскими просторами территории десятков видов растений и животных практически со всех континентов настолько преобразило органический мир и в целом экологическую ситуацию, что потребовало неотложного контроля многих природных и производственных процессов. В

этом объективные предпосылки рассматривать Новую Зеландию своеобразным пионером и уникальным примером искусственного лесовозобновления и разведения оленей из иноземных видов флоры и фауны.

Выводы из многолетних целенаправленных наблюдений за воздействием оленей на растительность в условиях их естественного обитания и контролируемого выпаса удручают всех. В Новой Зеландии леса вне контроля численности этих иноземных фитофагов и при отсутствии потенциальных хищников неотвратимо редуют. Различные расчеты бесспорно свидетельствуют, что современное количество оленей в миллионы особей представляет реальную угрозу как сохранившимся, так и рукотворным лесам новозеландских островов (Husheer et al., 2005; Husheer, 2007; Sweetapple P.J. Costs of deer in Northland. Landcare Research Contract Report. Landcare Research New Zealand Ltd. 2006. 15 p.). Вполне очевидно, что человечество лишь оказалось способным масштабно трансформировать, но не искусно поддерживать процессы, которые естественным образом оттачивались миллионы лет.

Поучительны в этом плане неизбежные последствия устремлений искусственно выращивать в больших масштабах так называемые экономически значимые растения и в других регионах планеты. Некоторые страны Юго-Восточной Азии в настоящее время специализируются на выращивании определенных видов пальм и характеризуются как главные поставщики пальмового масла на мировой рынок. Серьезной помехой в этом деле стали азиатские слоны. В Индонезии, например, только в провинции Риау убытки от повреждений слонами пальмовых плантаций и окружающих их лесов оцениваются до 150 млн. долларов США в год (Species fact..., 2006).

Несовместимость естественных пристрастий крупных растительноядных зверей с интересами лесоводов и лесопромышленников безусловна. Вряд ли можно сомневаться в том, что эта проблема особенно актуальна в пределах урбанизированных территорий, а современные тенденции к высокоэффективному искусственному выращиванию лесов никак не соотносятся с возможностями обитания в них активных фитофагов.

Невозможно не обратить внимания на проблему столкновения диких зверей и птиц с различными транспортными средствами. Жертвами таких инцидентов становятся не только мел-

кие животные, но даже медведи и лоси. Гибель охотничьих животных в течение года в некоторых странах сопоставима с сезонной добычей охотников. Это не удивительно, так как сеть транспортных магистралей по всему миру интенсивно разрастается. К настоящему времени в некоторых странах накоплен огромный статистический материал, не предвзято свидетельствующий о трагизме ситуации.

Сотрудники немецкого охотничьего союза уже около 30 лет отслеживают инциденты с охотничьими животными на дорогах Германии. Результаты таких наблюдений вызывают огорчения не только охотников, но и уже многочисленных поборников охраны животных. Например, с апреля 2010 г. по март 2011 г. жертвами столкновений с автотранспортом стали свыше 205 тыс. косуль, более 25 тыс. кабанов, почти 4 тыс. ланей и около 2,5 тыс. благородных оленей. За предыдущий такой же по срокам период наблюдений участниками дорожных происшествий оказались более 214 тыс. косуль, почти 18 тыс. кабанов, 3,6 тыс. ланей и 2,7 тыс. благородных оленей (Wildunfall-Statistik des Deutschen Jagdschutzverbandes - DJV).

Аналогичная ситуация прослеживается на дорогах Швеции. Согласно обобщаемой полицией информации в начале столетия ежегодно регистрировалось около 4,5 тыс. столкновений машин с лосями. Из-за неожиданного появления этих лесных обитателей на дорогах каждый год трагически погибало по 10-15 водителей и пассажиров легкового транспорта (Seiler, 2005). Дебаты об оценке материального и морального ущерба и о возможностях решения самой проблемы продолжают, а рекомендации ученых по этому поводу не заслуживают всеобщей поддержки.

В США в последнее десятилетие ежегодно около 1,5 млн. оленей становились причиной дорожно-транспортных происшествий. Примерно для 1,3 млн. оленей такие инциденты заканчивались летальным исходом. В результате таких происшествий каждый год свыше 29 тыс. человек получали травмы, более 200 человек погибали из-за полученных травм. Среднегодовая оценка материального ущерба превышает 1 млрд. долларов (Mastro, Conover, Frey, 2008). Ученые, государственные и общественные деятели едины во мнении, что проблема исключительно актуальна, но мало изучена и в настоящее время кардинально не решается.

Угрозы жизни людей возрастают при происшествиях, вызванных дикими животными в случаях столкновения со средствами воздушного транспорта. Можно также ограничиться единственным, но весьма показательным примером специального анализа таких происшествий службами воздушного транспорта США. В частности, в период 1990-2009 гг. федеральной администрацией авиаперевозок зарегистрировано 99 411 инцидентов, виновниками которых оказалось свыше 96 тыс. птиц, более 2,3 тыс. млекопитающих, а также около 400 летучих мышей и 100 рептилий.

В перечне основных виновников более сотни видов птиц. Наиболее массовыми оказались инциденты с птицами морских побережий и ночными хищниками. Из охотничьих птиц отмечено несколько видов гусей и уток. Перечень включает и 45 видов млекопитающих, среди которых как немалые по размерам звери, например, лоси, вапити, карibu, белохвостые олени, так и некрупные фитофаги и хищники – койоты, лисы, еноты-полоскуны, кролики, зайцы (Wildlife Strikes to Civil Aircraft in the United States 1990-2009. National Wildlife Strikes Database. Serial Report Number 16. Washington. 2011. 81 p.).

Наряду с этим небезынтересны также столкновения диких животных с техническими средствами, широко используемыми в сфере энергетики. Если находки погибших птиц под проводами линий электропередач начали датировать с самого начала строительства таких технических сооружений, то в последние десятилетия стали регулярно регистрироваться случаи гибели птиц и летучих мышей в результате столкновений с лопастями электрогенераторов, используемых энергию ветра. Как правило, постоянные ветры приурочены к пограничным зонам водных пространств и суши, к таким участкам рельефа местности, которые во многом совпадают с направлениями массовых миграций птиц и рукокрылых. Такое совпадение ежегодно становится летальным для многих тысяч способных к полету животных (Stewart et al., 2007; Smallwood, Thelander, 2008).

Прогноз таких событий как столкновения зверей и птиц с различными техническими средствами вполне очевиден. С ожидаемым ростом народонаселения на планете, с предполагаемым экономическим развитием так называемых отсталых стран количество таких технических средств и интенсивность их использования будут только возрастать. Вероятно, будут обостряться и

проблемы, от решения которых будет зависеть не только участь многих диких животных, но и благополучие людей.

Совокупность проблем, обусловленных заразными заболеваниями диких и одомашненных животных, а также самих людей кратко охарактеризовать невозможно. В настоящее время количество видов организмов, вызывающих эти болезни, исчисляется многими сотнями. Именно этим предопределяется высокая вероятность распространения инфекционных и инвазионных болезней даже в пределах давно обжитых людьми территорий. Можно в какой-то мере условно допустить, что любой новорожденный ребенок лишен инфекционных и паразитических начал, а все заразные заболевания случайны в постэмбриональный период.

Мера этой случайности в последние десятилетия становится все более известной. Специалисты Всемирной организации здравоохранения (World Health Organization) полагают, например, что около половины такого рода заболеваний во всем мире приходится в настоящее время на туберкулез, малярию и СПИД. Ежегодно регистрируется свыше 300 миллионов заразившихся ими людей, из которых более 5 миллионов умирают. О масштабах последствий другой половины таких заболеваний можно только догадываться.

Определить конкретно роль охотничьих животных в распространении заразных болезней среди людей и опекаемых ими животных сложно. Разнообразие и особенности ситуаций для каждой природной зоны и для каждого континента в целом известны. Частности, вероятно, повседневны и их настолько много, что они официально обобщаются и анализируются лишь в развитых в социально-экономическом плане странах. В том, что это до сих пор обширная и злободневная проблема, можно убедиться на некоторых конкретных примерах.

В США в окрестностях национального парка Йеллоустоун зарегистрировано заболевание разводимого фермерами скота бруцеллезом, естественным переносчиком которого оказались охраняемые в парке копытные, в частности, бизоны (Kilpatrick, 2009). В Великобритании в распространении туберкулеза среди крупного рогатого скота не без оснований заподозрили барсуков (Hone, Donnelly, 2008). В Танзании вирус бешенства выявлен у 12 видов местных плотоядных, что рассматривается причиной регистрации бешенства среди сторожевых собак и пастухов, а в

национальном парке Серенгети неоднократно регистрировалось заболевание сибирской язвой диких копытных и разводимого местным населением скота (Lembo et al., 2008; Hampson et al., 2011).

Типичные для охотничьих зверей болезни регистрируются среди российских граждан. По данным Федерального центра гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора в 2009-2010 гг. выявлено 156 и 163 случая заболевания трихинеллезом, 11 и 17 случаев заболевания бешенством, 495 и 369 случаев заболевания лептоспирозом. В перечнях зарегистрированных в эти годы болезней сибирская язва, бруцеллез, туляремия. Нельзя не заметить, что случаи такого рода заболеваний регистрируются регулярно в пределах всех федеральных округов.

Можно, например, акцентировать внимание на распространении трихинеллеза. Со ссылкой на явное ухудшение в последние десятилетия социально-экономического положения населения констатируется увеличение заболеваемости населения на юге европейской части России. Уровень заболеваемости трихинеллезом, например, в Ростовской области в прошедшем десятилетии возрос семикратно в сравнении с ситуацией конца 80-х гг. истекшего столетия (Твердохлебова и др., 2008). Вероятность заболевания трихинеллезом в результате потребления недостаточно термически обработанного мяса очевидна. Однако вполне очевидно и то, что увеличение заболеваемости людей трихинеллезом не что иное, как свидетельство массовой циркуляции возбудителя заболевания в этом регионе среди диких плотоядных животных.

Окончательного разрешения проблемы противодействия болезням из дикой природы в ближайшее время не предвидится. Ситуация специфична в том, что исключительно широкая циркуляция возбудителей заразных болезней в естественных условиях окружающей человека среды практически исключает возможности их эффективного повсеместного уничтожения. Лишь свойственные части болезнетворных организмов особенности территориального распространения создают объективные предпосылки для организации профилактических мероприятий в отношении местного населения и разводимых им животных. Естественно ожидать решительных и непредсказуемых действий людей, осознающих объективно беззащитность перед множеством такого рода угроз здоровью и даже жизни.

Крупные по размерам млекопитающие способны к разрушению различных построек и сооружений. Один из таких представителей отечественной фауны известен своей назойливостью пчеловодам. Свои способности в добыче меда бурый медведь, как и его лесные американские и южно-азиатские собратья, нередко пытается реализовать в случае появления около пасек. Обычно в темное время суток медведи разбирают ульи и разрушают наполненные медом и расплодом гнезда пчел. Значительные разрушения медведи производят и в местах проживания охотников и туристов, если находят там запасы продуктов.

В США, например, в результате специальных наблюдений на севере штата Монтана установлено, что за 1986-2001 гг. всего лишь на площади в 172 тыс. га медведи 131 раз оказывались на пасеках местных пчеловодов и разрушили 31 заселенный медоносными пчелами улей (Wilson et al., 2005). В расчете на один сезон такой ущерб можно было бы признать и незначительным. Однако все это произошло вопреки надеждам пчеловодов, большинство из которых положило на охрану пасек заборами с электрической защитой и сигнализацией. Притягательность сладкого корма даже в такой ситуации явно превзошла испуг, на который понадеялись авторы охранных устройств и владельцы пчел.

Масштабы бедствий приобретают иное значение в случаях оценки результатов ночных походов слонов. Африканские и индийские слоны признаются опасными не только из-за нападения на людей и уничтожения урожая на полях и плантациях. Для утоления жажды и голода они способны повреждать системы водоснабжения и разрушать склады с заготовленной и переработанной сельскохозяйственной продукцией. Причем совершать это группами, неоднократно и даже после произведенного ремонта. В странах востока и юга Африки наряду с этим слоны изобличены в разрушении жилых помещений и убийстве на водопоях разводимого местным населением скота. Даже единичные случаи такого дерзкого слоновьего разбоя служили причиной для того, чтобы местное население покидало места обитания чрезмерно агрессивных слонов (Parker et al., 2007).

Каждая из обозначенных проблем может быть удостоена отдельного и более детального рассмотрения. Эти проблемы послужили поводом для множества разбирательств порой международного уровня и предопределили целые направления обще-

ственной деятельности и научных исследований. Сведущим в этих проблемах специалистам понятна необходимость формирования и развития обоснованных благоразумных отношений людей и окружающих их диких животных. Контакты с множеством организмов из окружающей людей среды неизбежны. Именно в интересах людей минимизировать и предотвратить возникновение чрезвычайных ситуаций и нежелательных последствий.

В то же время нельзя не отметить, что перечень порождаемых охотничьими животными проблем на этом не исчерпывается. Многообразие видов этих животных и взглядов людей на происходящие с этими животными взаимодействия нереально соотнести в рамках одного короткого обсуждения. В дополнение к приведенным фактам и суждениям можно акцентировать внимание на тех ситуациях, которые не логично рассматривать в категории конфликтных или угрожающих по отношению к людям.

Разные звери и птицы часто оказываются неожиданно замеченными людьми вблизи и даже в местах их проживания. Некоторые пришельцы из дикой природы ухитряются даже проникать в их жилища. Каждая близкая встреча с дикими животными, впервые происшедшая во время дальних странствий и даже в пределах жилых зон, всегда необычное и впечатляющее событие, порой даже для человека с солидным охотничьим стажем. Именно в таких ситуациях часто возникают вопросы, на которые невозможно сразу же ответить.

Это вопросы о собственном поведении, а в случаях с крупными животными даже о собственной безопасности. Это вопросы о причинах и последствиях появления животных вне обычных мест их обитания. На первый взгляд, например, безобидные и некрупные по размерам белки в парках многих европейских и американских городов не вызывают особого удивления, а порой даже и интереса. Однако встречи небезопасных по обыденным меркам животных, в отношении которых возникает явная необходимость их устранения с нетипичной для них территории, не могут не вызывать чувства смятения или тревоги.

В некоторых странах такого рода инциденты регистрируются органами, ответственными за соблюдение общественного порядка и защиту граждан. В качестве примера можно обратиться к практике деятельности сотрудников одного из департаментов (Department Fish & Wildlife) штата Вашингтон на северо-западе

США. Например, в 2011 г. сотрудники этого департамента оперативно отреагировали на более полу тысячи сообщений граждан, связанных с появлением в пределах жилых зон пум и волков. Вряд ли будет излишним заметить, что это всего лишь продолжение традиции, сложившей еще в прошлом столетии в Северной Америке.

Доказательством могут послужить также факты, специально обнародованные министерством защиты окружающей среды канадской провинции Британская Колумбия. В частности, с целью предотвращения нежелательных ситуаций с дикими животными констатируется, что за последние двадцать лет прошедшего столетия количество встреч местных жителей только с медведями и пумами в этой провинции удвоилось. В первые годы наступившего столетия службы охраны получали, как и прежде, по 15-17 тыс. телефонных обращений граждан, поводом для которых были дикие животные. Результаты анализа деятельности сотрудников служб охраны свидетельствовали, что в среднем за год ими совершалось более 4 тыс. выездов к местам происшествий и проводилось соответствующее количество разного рода разбирательств (British Columbia Ministry of Water, Land and Air Protection. Wildlife-Human Conflict Prevention Strategy. 2003. 30 p.).

Обсуждаемая тема, несомненно, значима с практической точки зрения, так как почти повсеместно затрагивает интересы очень широкого круга лиц. Однако даже краткий обзор накапливающейся информации побуждает к критическим замечаниям. Невозможно не заметить, что немалое число инцидентов с охотничьими животными в первую очередь становится предметом обсуждения в средствах массовой информации в виде газетных и журнальных публикаций, а в последние десятилетия и в виде зрелищных видео сюжетов. Во многих случаях события представляются казусными или экстраординарными, без необходимости для объективного понимания оценки.

Серьезным препятствием к более глубокому анализу этих проблем можно признать недостаток общепризнанных методов исследований, а также нередко возникающие сомнения в достоверности первичного материала. Однако в настоящее время уже сложно отрицать целесообразность таких исследований. Об их актуальности свидетельствует четко выраженная заинтересованность к обсуждаемым проблемам со стороны общественных региональных и международных организаций. На это же указы-

вают обобщение, анализ и опубликование соответствующей тематической информации по инициативе государственных служб в некоторых странах мира.

Несмотря на критические рассуждения едва ли остаются сомнения в основном заключении. Современное сосуществование с охотничьими животными действительно не лишено проблем, разрешение которых требует неотложных и адекватных действий. Необходимость совершенствования взаимоотношений с дикими животными неизбежна не только в настоящее время, но и в ближайшем будущем. Люди не могут быть безучастными к тому, что потенциально опасно для их здоровья и жизни, неожиданно затрагивает их материальные интересы и моральные устои. Именно от их рассуждений и действий зависит разрешение конкретных конфликтных ситуаций и проблем, а в итоге и вероятность дальнейшего существования этих животных.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ С ОХОТНИЧЬИМИ ЖИВОТНЫМИ

В целом действия людей по отношению к охотничьим животным объединены единым замыслом удовлетворения и защиты собственных интересов. Однако интересы к охотничьим животным разных представителей современного человеческого сообщества во многом не совпадают, а оценку их проявления без учета правовых и моральных аспектов нельзя признать объективной. Это существенно затрудняет анализ связанных с охотничьими животными действий, которые даже в настоящее время сложно представить в какой-то единообразной системе.

Именно поэтому в данном случае логично сместить акцент на проблемы, главные действующие участники которых люди, а охотничьи животные - лишь факторы возникновения этих проблем. Логично даже отказаться от рассмотрения проблем, связанных с официально признанными охотничьими действиями. Со ссылкой на то, что современное охотничье законодательство служит исторически сложившейся основой, ориентирующей на решение задач разумного использования и сохранения ресурсов охотничьих животных. Охотничья практика с сопутствующей ей полемикой между охотниками широко и активно позиционируется на страницах многочисленных журналов и книг во многих странах.

В связи с этим большего внимания заслуживает проблема, истекающая из незаконных охотничьих действий, именуемых обычно браконьерством. Из-за масштабов проявления и последствий это в полном смысле слова злободневная проблема современного сосуществования человека и охотничьих животных. Предпосылки браконьерства многообразны и типичны для разных народов, но в основном очевидны. Объективная естественная предпосылка заключается в наличии доступных для использования ресурсов охотничьих зверей и птиц. Практически все социальные предпосылки объединены сохранившейся до настоящего времени исторической подоплекой – изначально преваляющая часть действий людей по отношению к диким животным определялись возможностью их добычи с целью пропитания или иной материальной выгоды. Добычи, изначально не обремененной особыми общественными ограничениями.

Истоки браконьерства логично соотносить с началом становления собственнических взглядов на естественные богатства. Если представить, например, что первобытным племенам было присуще разграничение территории для проживания, то в намеренной добыче животных в пределах чужой территории уже можно усматривать своеобразные первобытные проявления браконьерства. С формированием общественного признания собственности на землю, на имущество, со становлением и разграничением прав в реализации материальных и духовных потребностей охотничьи животные и даже среда их обитания не могли не приобретать все большую материальную ценность. С самого начала это не было лишено проблем их использования и сохранения, цена разрешения которых включала уже не только жизни диких животных, но и жизни людей.

Чтобы не увлечься экскурсом в прошлое, достаточно обратиться к некоторым фактам, приведенным в статье о браконьерстве в Энциклопедическом словаре, публиковавшемся в России акционерным обществом «Ф.А. Брокгауз - И.А. Ефрон» на рубеже прошлого и позапрошлого столетий. «Во Франции, например, в 1844 г. было совершено 6 231 охотничье преступление, а в 1878 году — 24 445. Отношения между сторожами и браконьерами до того обострились, что в последнее время все иностранные охотничьи журналы, особенно немецкие, только и наполнены, что сведениями о столкновениях между оберегателями охотничьих угодий и дичекрадами. Ежегодно десятки сторожей делаются жертвами своего долга. В одной Бельгии, например, за 11 последних лет было убито браконьерами 135 сторожей». Комментировать цитату из написанного более столетия назад, может быть, не имеет смысла, но на фоне таких исторических событий вопросы о проявлении браконьерства в настоящее время никак не излишни.

Многоликость браконьерства в социальном плане, скрытность проявления и неравнозначность противодействия ему в разных странах не позволяют исчерпывающе ответить на вопросы о его современных особенностях и масштабах. Именно в этом, вероятно, кроются причины отсутствия современных обобщений на эту тему международного уровня. В то же время, если сопоставить информацию на примере некоторых стран, то ответы на многие общие вопросы о браконьерстве представляются не настолько безвестными. Содействуют этому позна-

нию и результаты соответствующих усилий некоторых международных природоохранных организаций.

В целом о масштабах браконьерства можно судить по количеству официально регистрируемых случаев незаконной охоты. Вполне очевидно, что не всякая нелегальная добыча зверей и птиц пресекается органами надзора и становится общеизвестной. Повсеместно контролировать этот процесс на огромных пространствах обитания охотничьих животных в разных странах и на разных материках, конечно, нереально. Однако информация даже из отдельных стран позволяет сформулировать однозначное заключение о том, что браконьерство и в настоящее время остается массовым явлением.

Достаточно обратить внимание на число такого рода правонарушений в ФРГ. Например, в 2010 г. сотрудниками правоохранительных органов рассмотрено 1 016 случаев браконьерства, в том числе 265 случаев с применением огнестрельного оружия. Задержано для выяснения обстоятельств правонарушений 386 подозреваемых, среди которых 349 мужчин и 37 женщин. В предыдущем 2009 г. было расследовано 1 048 случаев браконьерства. Ситуация не намного изменилась в сравнении с периодом 2004-2005 гг., когда случаев браконьерства было расследовано больше — 1 124 и 1 131 (Polizeiliche Kriminalstatistik 2005, 2010. Bundesrepublik Deutschland).

Далеко не единичны факты задержания браконьеров и в соседней Австрии. В 2005 и 2006 гг. разбирательством правоохранительных органов оказались, соответственно, 388 и 358 случаев незаконной добычи дичи и рыбы. Примечательно, что среди браконьеров задержаны иностранные подданные, в частности, из Китая и Сирии (www.st-hubertus.at/...wilderei...).

Впечатляют результаты работы правоохранительных органов Испании. Сотрудниками департамента охраны природы гражданской гвардии (SEPRONA) в 2002, 2004 и 2006 гг. установлено 2 914, 3 780 и 3 655 правонарушений только при добыче крупной дичи. Количество правонарушений при охоте на мелкую дичь зарегистрировано многократно больше, в частности, 23 863, 23 365 и 18 417 случаев. В течение тех же трех лет произведено разбирательство в отношении 3 782 инцидентов с особо охраняемыми видами животных.

Нелегальная добыча зверей и птиц широко практикуется в Италии. В 2008 г. только детективами лесной полиции государ-

ственного департамента лесного хозяйства было зарегистрировано 1 738 случаев браконьерства и установлено 5 587 правонарушений в сфере использования ресурсов животного мира (www.tutelafauna...caccia-brasconaggio). Наибольшее число случаев браконьерства зарегистрировано в областях Апулья (221), Лацио (180), Кампания (170), Ломбардия (140) и Калабрия (123). По информации сотрудников итальянского отделения Всемирного фонда охраны природы (WWF), например, в 1997-1999 гг. только в провинции Брешиа области Ломбардия было официально расследовано 303 случая браконьерства и конфисковано 115 ружей, обнаружено и изъято свыше 15 тыс. различных ловушек, установленных для добычи диких зверей и птиц.

До настоящего времени остается привлекательной для браконьеров нелегальная добыча птиц на путях миграции. Например, на Кипре за период 2000-2010 гг. зарегистрировано 3 264 случаев такого рода браконьерства, в 1 511 из которых были использованы самоловные устройства. В целом же масштабы нелегальной добычи перелетных птиц местным населением оцениваются неоднократно большими значениями (European Conference on Illegal Killing of Birds. Cyprus National Reports. Larnaca, Cyprus. 2011. p. 13-14.).

Незаконная добыча диких животных местным населением распространена и на Британских островах. Например, только в Шотландии в 2008-2009 гг. расследованию подверглось 176 инцидентов с незаконной охотой на оленей и 215 – с нелегальной добычей зайцев. В целом же количество так называемых преступлений против дикой природы по информации национального союза защиты дикой природы (UK National Wildlife Crime Unit) в начале текущего десятилетия превысило уровень в 5 тыс. в год.

Примечательны случаи регистрации незаконной добычи хищников в Швеции. В результате многолетнего мониторинга активности медведей сотрудниками Всемирного фонда охраны дикой природы (WWF) выяснилось, например, что за период 1984-2010 гг. из 305 помеченных радио-метками хищников в разные годы от 4 до 58% становились объектами нелегальной добычи. На примере 216 помеченных таким же образом рысей максимальный годовой уровень нелегальной добычи зафиксирован в 79%. Аналогичные результаты получены в случае наблюдений за росомахами. Даже из помеченных радио-метками 123

волков в 1998-2011 гг. 80 хищников исчезли из поля наблюдений в Швеции и Норвегии. Точно установлено только 5 случаев незаконной добычи помеченных волков, предположительно же ее размер оценен в 19 особей (Illegal jakt – på stora rovdjur I Sverige. WWF rapport. 2011. 65 p.)

В Канаде в конце прошедшего столетия неофициально насчитывалось до 1,5 млн. браконьеров. В Британской Колумбии, например, незаконная добыча черного медведя оценивалась в пределах 1-2 тыс. особей в год (Gregorich, 1992). События на рубеже столетий лишь подтверждают хронический характер этого явления. В частности, по представленной министерством охраны природных ресурсов Онтарио (Ontario Ministry of Natural Resources Conservation) информации в период 1997 – 2002 гг. только на северо-западе этой провинции было выявлено 793 случая незаконной добычи лосей.

В США одним из преуспевающих в плане организации охоты и использования охотничьих ресурсов давно признается штат Пенсильвания. Возможно, именно из-за хорошо организованной охотничьей деятельности только в 2010 г. на территории этого штата официально зарегистрировано 1 656 случаев незаконной охоты (Annual Report and Growing Greener II Update 2010. Pennsylvania Game Commission. Harrisburg. 2011. 104 p.). Показательна ситуация, регистрируемая в пределах малых территорий. В частности, в небольшом по площади округе Блаунт штата Теннесси в сезон охоты 2005 г. выявлено 24 случая нелегальной добычи черных медведей. Такая информация не только регулярно публикуется региональными отделениями службы рыбы и дичи ((US Fish & Wildlife service), но и во многих случаях предаются известности фамилии браконьеров и принятые меры наказания. Общественная реакция на браконьерство в этой стране заслуживает особого внимания.

Более конкретные масштабы браконьерства вскрываются в результате специальных операций правоохранительных органов. Например, в штате Нью-Йорк осенью 2009 г. перед началом охоты на оленей было организовано патрулирование территорий вдоль границы с Канадой. Всего лишь за шесть недель было выявлено 187 правонарушений, задержано 107 браконьеров, у 27 из которых изъяты незаконно добытые олени. Ночные наблюдения позволили выявить 48 случаев незаконной охоты с использованием искусственного освещения. Отчет об этой успешной

операции размещен в январе 2010 г. на сайте нью-йоркского департамента охраны окружающей среды (New York State Department of Environmental Conservation).

Небезынтересна в рассматриваемом плане ситуация, зарегистрированная даже в стране без сложившихся охотничьих традиций. Распространившаяся практика использования иностранных рабочих оказалась проблемной для специалистов по охране окружающей среды Израиля. В начале столетия в этой стране насчитывалось около 22 тыс. рабочих из Таиланда, которые были задействованы в основном на сельскохозяйственных предприятиях. Эмигранты практически повсеместно стали широко использовать самодельные ловушки и практиковать известное с глубины веков собирательство доступных растений и животных. В результате зарегистрирована незаконная добыча ими 28 видов млекопитающих, 25 видов птиц, 7 видов рептилий, 3 видов земноводных и немалого количества видов моллюсков и прочих беспозвоночных. Численность животных некоторых видов локально была сведена до минимальных для выживания размеров, что вызвало серьезную полемику о правовых возможностях решения неожиданно возникшей проблемы (Yom-Tov, 2003).

Браконьерство в Африке – тема для специального обсуждения. В данном случае можно остановиться лишь на примерах с крупными млекопитающими, представляющими особый экономический интерес для браконьеров. Бивни слонов и так называемые рога носорогов до сих пор высоко ценятся на мировом «черном рынке», по-прежнему служат причиной массовой гибели этих африканских гигантов.

По представленной в 2010 г. на сайте MIKE (Monitoring the Illegal Killing of Elephants – www.cites.org/eng/prog/MIKE...) информации в 1979 г. численность африканских слонов примерно оценивалась в 1,3 млн. особей. К 1989 г. в Африке осталось лишь около 600 тыс. этих лесных гигантов. Потеря более полу-миллиона особей за десятилетие вызвана в основном убийством ради получения слоновой кости. К 2010 г. в Африке насчитывалось примерно 470 тыс. слонов. В предыдущее десятилетие около 38 тыс. слонов погибало ежегодно в результате незаконной добычи из-за продолжающейся торговли слоновыми бивнями.

По информации регионального подразделения Всемирного фонда охраны природы (WWF) только в 2010 г. в Южной Африке зарегистрировано 333 случая браконьерской добычи носоро-

гов. Несмотря на принимаемые меры охраны ситуация не изменилась и в следующем году, когда только до сентября 2011 г. было выявлено почти 300 случаев нелегальной охоты на этих животных. Вполне очевидно, что в целом в пределах африканского ареала носороги ежегодно гибнут сотнями, а современные меры противодействия их незаконной добыче мало эффективны.

Браконьерская добыча крупных и редких видов зверей характерна для стран южной Азии. Например, по данным общества защиты дикой природы Индии (Wildlife Protection Society of India) за период 1994–2010 гг. уровень незаконной добычи тигров варьировал от 27 до 121 особи в год, леопардов – от 69 до 180 особей в год, а за пятилетие 2006–2010 гг. нелегально было убито 142 слона.

Возникающие на этом фоне вопросы о браконьерстве в России могут остаться безответными. Сведения об этом явлении, вероятно, отражаются в статистических сводках и отчетах соответствующих ведомств, но не предаются широкой огласке для неопределенного круга лиц. Рядовой россиянин может довольствоваться лишь региональной информацией от третьих лиц в газетных и журнальных публикациях и интернет-сообщениях. Ответ на вопрос, что за тайну в этом государстве представляют незаконная охота и ее участники, не могут узнать ни владельцы охотничьих угодий, ни добросовестные российские охотники.

В целом современную ситуацию можно представить по скупой информации из так называемых центральных изданий, например, из специального выпуска «Охота и охотничьи ресурсы Российской Федерации 2011». В России в 2008 и 2010 гг. официально зарегистрировано 1 186 и 1 540 преступлений в виде незаконной охоты, в которых фигурировало 520 и 697 человек (Желваков, 2011). Представление дальнейшего развития этих событий не поддается никакой логике, если учесть приведенные в этом же издании следующие факты. В 2008-2009 гг. в Московской области сотрудниками государственного охотничьего надзора направлено 47 заявлений в правоохранительные органы для возбуждения уголовных дел по поводу незаконной охоты. В результате лишь по двум заявлениям осуждены два человека. По остальным заявлениям отказано в возбуждении уголовных дел, дела были прекращены или по ним не было принято решений (Вачугов, 2011).

Полемика о том, людей или зверей предпочитают в России охранять современные служители Фемиды, не имеет смысла по очень простым причинам. Для того чтобы зарегистрированный случай незаконной охоты стал объектом рассмотрения в суде, требуется такое количество улик и доказательств, которое в условиях дикой природы во многих случаях невозможно собрать. Простейшая задача задержания браконьера, досмотра оружия и объектов незаконной охоты процессуально невозможна работниками и даже владельцами охотничьих хозяйств. По действующим законам это возложено лишь на государственных представителей, в качестве которых выступают сотрудники министерства внутренних дел и работники государственных органов управления охотничьей отраслью. Для судебного разбирательства требуются показания свидетелей или понятых, которых вдали от населенных пунктов попросту нет.

Потому и не удивительно, что судебная практика рассмотрения заявлений по поводу незаконной охоты не пополняет числа наказанных браконьеров. Очевидно, как и во всем органическом мире в человеческом сообществе такие процессы протекают по принципу наименьших затрат. Судьям проще вынести вердикт о недостаточном материале для судопроизводства, отказаться от разбирательства и не принимать никаких решений, чем упорствовать в объективном разбирательстве преступных деяний. Не без иронии можно образно заметить, что за незаконно убитого зверя не встанут за защиту справедливости его собратья по лесной жизни, не наймут адвоката, а на стороне браконьера широкий набор известных в российском обществе уловок избегать расследования и наказания. В этом убеждает пополняющаяся практика судебных дел в сфере российского охотничьего хозяйствования (Слободенюк, 2006, 2010).

О масштабах браконьерства можно судить не только по выявленным фактам незаконных охот. Не менее объективна в этом отношении информация о регистрации попыток нелегальной торговли шкурами и различными органами особо охраняемых животных. Например, в течение ряда лет российскими сотрудниками Всемирного фонда охраны природы (WWF) на Дальнем Востоке анализировались доступные сведения о действиях местного населения, истекающих из браконьерской добычи амурских тигров и дальневосточных леопардов. Результаты удручают. В 2001-2005 гг. правоохранительными, таможенными

и природоохранными службами было зарегистрировано 37 случаев, связанных с тиграми, и 8 случаев, связанных с леопардами (Ляпустин, Фоменко, Вайсман, 2007). Сколько же в действительности тигров и леопардов пострадало от рук не добропорядочных сограждан, так и осталось неизвестным.

Амурский тигр и дальневосточный леопард - виды из Красной книги России. Это дикие кошки, выживание которых на российской территории во многом зависит от отношения к ним людей. Их природная уникальность и редкость послужила доводом для организации в прошлом веке дальневосточных заповедников и заказников. На фоне нелегальной добычи даже таких зверей уже не удивительны многочисленные случаи криминального оборота шкур и органов других дальневосточных охотничьих животных, среди которых медведи, кабарга, соболь, а в числе участников преступных сделок граждане Китая, Японии, США.

Дальнейшее перечисление фактов может перерасти в бесконечную хронику событий противозаконного отношения к охотничьим животным. Это весомый довод для толкования браконьерства как хронического социального недуга мирового масштаба. Множественность и многоликость его проявления не должны обескураживать, наоборот, именно эти особенности его проявления побуждают к наиболее серьезной оценке наносимого в итоге вреда окружающим естественным ценностям и в целом человеческому сообществу.

В общих чертах обрисовывается ситуация, которую уже невозможно игнорировать из-за пагубных социально-экономических последствий. Проблема нелегального использования ресурсов органического мира серьезно обостряется тем, что незаконная добыча оказывается востребованным объектом купли-продажи для неопределенного круга лиц. Цены измеряются в долларах и со временем повышаются, а браконьеры, их пособники и покровители вовлекаются в криминальный оборот неучтенной и не облагаемой налогами продукции международного масштаба.

Результаты одного из последних анализов этой проблемы представлены в специальном докладе конгрессу США в 2008 г. (International Illegal Trade in Wildlife: Threats and U.S. Policy. CRS Report for Congress. Order Code RL 34395. 2008. 51 p.). Имеющие непосредственное отношение к этой проблеме специалисты констатировали, что мировой оборот продукции от неле-

гальной добычи млекопитающих, птиц, рептилий, земноводных, рыб и множества видов беспозвоночных животных достиг среднегодового уровня примерно в 5 млрд. долларов США. В то же время не было отвергнуто и предположение о том, что в действительности мировые масштабы торговли незаконно добываемыми объектами животного мира планеты могут составлять до 20 млрд. долларов в год.

Это не удивительно, когда цены за 1 кг слоновых бивней поднимались в отдельных случаях до 900 долларов, а за 1 кг так называемых рогов носорога – до 50 тыс. долларов. Шкуры тигра, снежного барса, ягуара скупались за 20 тыс. долларов, комплект тигровых костей – за 7 тыс. долларов, а медвежья желчь – за 8,5 тыс. долларов. За пару экзотических тропических птиц можно было выручить до 20 тыс. долларов, а за живого орангутанга – до 50 тыс. долларов. Это не только цена на нелегальную продукцию, но и своеобразная мера угроз даже исчезающим представителям животного мира планеты.

Последствия масштабного браконьерского использования ресурсов животного мира справедливо усматриваются не только в возможностях их оскудения, угрозах биологическому разнообразию, в нежелательном распространении чужеродных организмов и заболеваний. Непредсказуемо формирующиеся неконтролируемые финансовые потоки – почва для поддержания и расширения самых разных форм организованной преступности, в том числе криминального оборота наркотиков и даже терроризма. На уровне отдельных государств обостряются проблемы охраны границ, работы таможенных служб, коррупции в среде государственных служащих. Все это действительно истекает из современных проблем сосуществования людей с миром дикой природы.

Обладающая значительными естественными ресурсами Россия не может быть исключением из рассматриваемой ситуации. На фоне социально-экономических перемен последних десятилетий проявились нюансы, которые нельзя специально не отметить. Вряд ли беспочвенны подозрения в том, что преступность, лишь окрепшая на нелегальном, не облагаемом налогами обороте продукции из дикой природы, стала вращаться в природоохранные и правоохранительные ведомства, втягивать в свои интересы региональную законодательную и исполнительную власть (Вайсман, 2009). Может быть, именно в этом кроются основные

причины замалчивания масштабов незаконных охотничьих действий в России, нежелания обсуждать проблемы разграбления естественных российских богатств. Может быть, именно в такой безответственной социальной позиции причина низкой численности многих охотничьих животных.

Современные масштабы проявления браконьерства убедительно свидетельствуют, что человечество до сих пор так и не нашло действенных мер его искоренения. Неразрешимость проблемы логично соотносить с продолжающимися глобальными процессами. Суть происходящего сполна сообразуется с непрекращающейся потребительской трансформацией человечеством окружающей его природной среды. Всеобщее осознание несправедности и необходимости разумно и решительно действовать наступает, очевидно, лишь тогда, когда явно приближается грань, которую уже бессмысленно преступать. Трудно смириться с мыслью о том, что это противоречие с исторически глубокими корнями сможет разрешиться лишь с исчезновением охотничьих животных.

Почти все порождаемые охотничьими животными проблемы побуждают к действиям немало людей, не имеющих порой непосредственного отношения к миру дикой природы. Разрешение масштабных проблем невозможно в одиночку. Ответная реакция людей приобретает коллективный характер, требует четкой организации и технических решений, иногда совершенно новых. Это хорошо демонстрируется на проблемах, которые в числе первых рассмотрены в предыдущей главе.

Нападения на людей, на вскормленных ими животных, любые неожиданные беспокойства и разрушения вызывают, как правило, острую общественную реакцию. Логично и возникающее желание отмщения за нежданное злодейство. К настоящему времени ответы на такие исторические вызовы дикой природы своеобразно отработаны. На первый взгляд, проблема решается очень просто. Виновников необходимо обнаружить и изолировать от людей во избежание повторения нежелательных событий.

Если же рассмотреть подробно последовательность действий, то станут очевидными следующие обстоятельства. Выслеживание и обнаружение зверя невозможно без профессиональных охотничьих навыков, следовательно, общество должно позаботиться о профессиональной подготовке таких специалистов.

Наиболее надежный способ изоляции общества от убийцы из дикой природы – это его уничтожение. Самое простое и эффективное решение – применение огнестрельного оружия. Владение и использование огнестрельного оружия сопряжены с выполнением массы юридических норм в любом цивилизованном обществе из-за вероятного криминального его использования. Это уже другая, иная по смыслу социальная проблема. Однако в данном случае без официально и специально подготовленного вооруженного человека не обойтись.

Даже в случае уничтожения проблемного животного возникает надобность его утилизации. Это продолжение физических и материальных затрат. Нельзя также не заметить, что этот явно неординарный случай должен быть запротokolирован или как-то официально означен со всеми бюрократическими издержками. Даже не чиновнику не трудно представить, насколько длинной и затратной может оказаться цепочка причастных к решению неожиданной задачи лиц.

В Северной Америке официально отстрелу подлежат, например, медведи и пумы, нападавшие на людей и домашних животных. В Африке отстреливают проблемных для сосуществования с людьми слонов и львов. В некоторых случаях удается совместить отстрел таких животных с удовлетворением интересов любителей трофейной охоты. С животными небольшого размера, в частности, с волками и койотами удастся разобраться с помощью рядовых охотников. В официальном случае это специально организованные действия под надзором различных государственных ведомств.

Наряду с этим противодействие особо проблемным животным не обходится и без нелегальной их добычи. Как правило, в роли такого рода защитников-браконьеров оказываются отчаявшиеся личности из местного населения, а среди убитых ими животных и львы, и тигры, и даже слоны. Информация об этом лаконична, но регулярна в различных докладах и отчетах сотрудников природоохранных организаций, в частности, Всемирного фонда охраны природы (WWF) и Международного союза охраны природы (IUNC). Не безынтересны в связи с этим результаты опроса местного населения области Лайкипии в Кении. Из доверительных бесед с членами 80 сельских семей выяснилось, что 58 семей до сих пор практикуют запрещенные методы противодействия диким животным, причастным к уничтожению урожая

и нападениям на скот. Наиболее широко ими используются ловчие ямы, капканы, яды и стрельба отравленными стрелами (Sifuna, 2011)

Развитие идей гуманного отношения к животным в последнее столетие поспособствовало разработке способов противодействия проблемным представителям животного мира, исключаящих их летальный исход. В настоящее время широко используются отлов и перемещение проблемных животных в среду их обитания вдали от мест конфликтов с людьми. В целом это не менее сложная и затратная процедура.

Если некрупных животных можно отловить с помощью объемных ловушек, то с животными крупного размера так поступить невозможно. Однако и эта задача решена посредством использования различных обездвиживающих средств. Транквилизаторы, шприцы, специальное оружие для стрельбы такими снарядами, транспортные клетки, транспортные средства и целый ряд специалистов, включающий ветеринарных врачей, представителей государственных природоохранных организаций, а также технический персонал. Каждый термин в этом перечне отражает не что иное, как целое направление деятельности ученых, фармацевтов, врачей, инженеров, юристов и немалого числа рабочих рук, изготавливающих и собирающих в действующее целое множество деталей.

Небезынтересно заметить, например, что разработан целый арсенал нестационарных ловушек для животных немалого размера, таких как лесные медведи, ягуары и леопарды. Некоторые из них используются после отлова животных и в качестве транспортных клеток. Возникшая необходимость изготовления веществ и оборудования для обездвиживания животных разных видов и размеров оказалась новым стимулом для организации производственных фирм в разных странах мира. Совершенствование препаратов и технических средств достигло уровня защиты авторских прав на интеллектуальную собственность.

Искусственное перемещение животных побудило к решению других интересных задач. Отловленных зверей стали не просто метить специальными метками. Ошейник с радиопередатчиком позволил контролировать их передвижение, наблюдать за ними с наземных и воздушных транспортных средств и даже со спутников с околоземной орбиты. Появились возможности предотвращения повторных инцидентов, избегания новых конфликтов

ных ситуаций. В результате даже невозможно точно подсчитать, какое количество людей и технических средств оказалось вовлеченным в решение проблемы сосуществования с проблемными дикими животными.

Несколько впечатляющих фактов на рассматриваемую тему. В США, например, практика отлова и перемещения в другие места обитания так называемых проблемных черных медведей исчисляется уже десятками лет. Очень показателен объем такого рода работ специалистов департаментов сельского хозяйства и природных ресурсов штата Висконсин (Wisconsin Department of Agriculture /Wildlife Services/; Wisconsin Department of Natural Resources). В 1990-2010 гг. в 25 округах штата ими было отловлено и перевезено 11 075 черных медведей. Только в 2010 г. изменились места обитания 810 таких возмутителей спокойной жизни местного населения. Еще в прошлом столетии персоналом национальных парков США отработана практика превентивного повторного отлова помеченных радио-метками черных медведей в случае возвращения их к местам конфликтной деятельности (Clark et al., 2003).

Уникальный по масштабам эксперимент был осуществлен в 2005 г. в Кении. В течение всего лишь сентября того года из заповедника Шимба Хилс в национальный парк Западный Цаво было перемещено 150 слонов. Среднее расстояние транслокации животных около 160 км. Масштабность и сложность этой операции не очевидцу трудно представить, но именно таков исход разрешения конфликтной ситуации между людьми и исполинами африканской фауны (Pinter-Wollman et al., 2009).

В Индии на рубеже столетий ежегодно отлавливалось и перемещалось в пределы природоохранных территорий десятки леопардов, в некоторые годы количество переселенных таких образом хищников даже превышало уровень в 100 особей (Athreya, 2006). В Австралии по инициативе ученых в 1997-2007 гг. было отловлено, хирургически стерилизовано и переселено более 3 тыс. коал. Эти знаковые для Австралии животные во многих случаях вызывают недовольство местных фермеров, что и служит основной причиной их вынужденного непрекращающегося переселения (Whisson, Holland, Carlyon, 2012).

Можно не углубляться далее во множество такого рода фактов, но нельзя еще раз не подчеркнуть, насколько, в сущности, трансформировалась практика отношений людей с дикими жи-

вотными. Разрешение проблем и противоречий и в данном случае – это путь прогресса в развитии социально-экономических отношений. Это новые научно-технические достижения, новые рабочие места, налоги в региональные бюджеты. Это новые грани сотрудничества ученых и поборников охраны природы, в том числе и на международном уровне.

Решение одной из проблем, вероятно, исстари вызывало общественный резонанс. За соседство с человеком, за нападения на сельскохозяйственных и домашних животных хищники уже заплатили немалую цену. Ареалы и численность популяций многих из них существенно сократились там, где конфликт был категорично разрешен в пользу человека. На его стороне был солидный арсенал огнестрельного оружия, ловушек, ядов, а главное - стимул к избавлению от обидчиков из дикой природы. Однако в целом ситуация так и остается до настоящего времени неразрешимой.

Например, в период 1939-1998 гг. в США с целью защиты овец от хищников, в основном от койотов, потрачено 1,6 млрд. долларов. Примечателен не ординарный отклик бюрократов и экономистов на решение проблемы. При непрекращающемся до сих пор хищничестве и обвинениях фермеров в халатности федеральные инвестиции в защиту овцеводства неоднократно предлагалось рассматривать нецелесообразными (Berger, 2006).

В связи с этим интересно напомнить об одном подсказанном самой природой решении. Серьезной помехой для некоторых хищников, повадившихся нападать на пасущийся скот, были и остаются специально обученные собаки. Отличное чутье и понимание исходящей от хищников опасности ставят пастушьих собак в число особых охранников, в большинстве случаев, вероятно, незаметно предупреждающих нежелательные инциденты с дикими животными.

Во многих регионах исторически сложилась практика использовать с такими целями собак определенных пород, а наиболее впечатляющие результаты получены на примере выпаса мелкого скота, в частности, овец. Широко известных пород пастушьих собак насчитывается почти полтора десятка. Нельзя не заметить, что продолжают совершенствоваться их дрессировка и породные качества, обновляются руководства по их воспитанию, содержанию и практическому использованию (Enzlin, 2008; Renna, 2008).

Самое же эффективное решение было изначально простым и стало исключительно универсальным. Вероятно, все начиналось с использования естественно защищенного пространства в виде больших пещер и глубоких ущелий, а затем появились простейшие изгороди из дерева или камня. Вполне очевидно, что стены появившихся первобытных жилищ не в последнюю очередь выполняли функцию искусственного ограждения от диких животных. Соответствующее замыслу сооружение в виде забора до настоящего времени в целом эффективно решает проблему защиты людей, опекаемых ими животных и выращиваемых растений.

Можно написать солидную, энциклопедического плана историю забора, где со всех сторон скрупулезно описать, как человечество в полном смысле слова отгораживалось от неприятностей окружающего мира. Древняя идея физического препятствования приближению к человеку и объектам его хозяйствования нежелательных животных остается, в принципе, базовой и очень перспективной. Она постоянно дополняется уникальными достижениями научно-технического прогресса, в частности, возможностями совершенствования конструкции ограждений и использования новых материалов для их сооружения. Уже не удивительно широкое оснащение заборов электрическими устройствами для наблюдения, регистрации и отпугивания самых разных животных.

С рассматриваемой точки зрения первоочередного внимания заслуживают масштабы защитных сооружений. Ограждения малых по площади территорий, например, загонов для ночного содержания скота, специально обустроенных мест для содержания птиц, кроликов, пушных зверей, медоносных пчел обычны по всему миру. Эта ситуация уже давно не вызывает особого интереса и не требует пояснений. Примеры же сооружений большой протяженности заслуживают отдельного представления.

Очень показательный эпизод – строительство так называемого собачьего забора в Австралии. Оно начато в конце позапрошлого века с целью защиты многочисленных стад овец от диких собак динго, а также защиты пастбищ от диких травоядных животных. Почти за столетие это сооружение достигло длины в 8,5 тыс. км, отделило наиболее пригодные для земледелия и животноводства юго-восточные территории Австралии от засушливых

северо-западных территорий. На обслуживание этой эффективной преграды для диких животных в штатах Квинсленд, Новый Южный Уэльс и Южная Австралия ежегодно затрачивается около 15 млн. австралийских долларов. Не менее был примечателен и аналогичный забор длиной более 3,2 тыс. км в штате Западная Австралия, построенный в начале прошедшего столетия для защиты от кроликов пастбищ и посевов различных сельскохозяйственных культур. Остатки такого грандиозного сооружения можно увидеть и в настоящее время (Woodford, 2004).

Именно заборами, как универсальными средствами защиты от диких животных испещрены огромные территории Европы, Северной Америки, Африки, Австралии и Новой Зеландии. Функция защитных ограждений распространяется и на охраняемых диких животных. Забор не только защищает их, например, от хищников, но и препятствует их передвижению в нежелательном направлении. Контроль перемещения животных по территории обязателен в любом случае искусственного разведения диких копытных, типичным примером чего можно рассматривать возрастающее в мире поголовье оленей под опекой человека (Vercauteren et al., 2006; Somers, Hayward, 2011).

Таким же образом решается проблема столкновений различных транспортных средств с дикими животными. Многие тысячи километров ограждений вдоль интенсивно используемых автомобильных и железных дорог типичны для стран Европы и Северной Америки. В данном случае требования к строительству таких преград для диких животных существенно повышаются. Специалисты по охране окружающей среды постоянно отслеживают и анализируют различные ситуации (Harrington, Conover, 2006; Karhu, Anderson, 2006; Fahrig, Rytwinski, 2009). Регулярно обновляются различные руководства и рекомендации относительно экологических аспектов такого рода трансформации среды обитания животных (Paige, 2008; Hanophy, 2009; Holman, 2010). Учитываются даже очень незначительные детали, в частности, цвет, величина и размещение цветных и отражающих свет виниловых меток.

Такое решение проблемы, на первый взгляд, спасительное для диких зверей и птиц все-таки оборачивается многими негативными последствиями для них и в целом для мира дикой природы. Появляющиеся непреодолимые препятствия разрушают

пространственную структуру популяций диких животных, одно из главных условий естественного возобновления их ресурсов. Это одна из серьезных проблем изменения среды обитания охотничьих животных, которая только начинает решаться искусственным образом, практически вслепую, избирательно лишь для наиболее ценных для людей представителей органического мира.

Необходимо обратить внимание на масштабность этой проблемы. Она не в меньшей мере актуальна уже для миллиардов людей, жизнь которых неразрывно связана с использованием различных транспортных средств. Как следствие, развивается целое направление экологических исследований, анализируются обоюдосторонние аспекты взаимодействия людей и диких животных (Forman, 2003; Robertson, 2008; Safe Passages..., 2010).

В данном случае необходимо также заметить, что строительство любых, а особенно эффективных ограждений, исключительно затратное и дорогое мероприятие. От проекта до его воплощения в материальный мир – длинная цепочка расчетов, рабочих рук и сложных производственных процессов. Возникшая естественным образом необходимость породила целую индустрию, которой свойственны все аспекты современного технического прогресса. Решение проблемы не заканчивается только строительством, любое сооружение требует регулярного обслуживания. Это тоже немалые материальные и физические затраты, изначально истекающие из проблем сосуществования с миром дикой природы.

Привлекательны попытки заменить дорогостоящие деревянные, металлические и пластмассовые ограждения на невидимые препятствия из отпугивающих диких животных веществ. Мир вызывающих чувство страха запахов естественного происхождения дополнен арсеналом искусственных химических соединений. Изначально так называемые репелленты широко использовались для противодействия различным беспозвоночным, например, для защиты от укусов кровососущих насекомых. Позднее проведено множество экспериментов, участниками которых оказались фитофаги от мелких грызунов до оленей.

Как следствие, ассортимент и масштабы производства репеллентов значительно расширились. В то же время эффективность использования тех или иных репеллентов в отношении разных видов животных до сих пор вызывает дискуссии ученых, лесо-

водов, фермеров и даже чиновников (Hedlund, 2003; Ware, 2005; Ward, Williams, 2010).

Для повышения эффективности репеллентов предложено использовать различные световые эффекты, рефлекторы, звуковую сигнализацию. Однако и такие комбинации средств противодействия, например, оленям со временем оказываются недостаточными для решения проблемы. Звери регулярно обследуют места обитания и, конечно, в течение небольшого промежутка времени точно распознают, насколько опасны для них различные средства отпугивания.

Наиболее сложным представляется ответ на исходящую из дикого мира угрозу распространения опасных для человека заболеваний. Профилактика, используемая в человеческом сообществе мера противодействия болезням, например в виде всеобщей вакцинации и даже просто соблюдения гигиенических норм, в отношении диких животных во многом проблематична. Необходимость же изучения инфекционных и паразитарных заболеваний очевидна. Ученые всего мира обмениваются информацией о новых результатах исследований на страницах специализированных журналов. Типичный пример такого издания (*Journal of Wildlife Diseases*) уже имеет более чем полувековую историю. Необходимость взаимодействия с дикими животными открыла множество новых рабочих мест и направлений деятельности для ветеринарных специалистов по всему миру.

Однако до сих пор даже в развитых странах мира преимущественно обсуждаются лишь возможности решения проблемы. Типичный пример ее неразрешимости – почти полувековая история синхронной диагностики бруцеллеза и туберкулеза в популяциях бизонов и белохвостых оленей и у крупного рогатого скота в США. Учеными разных стран предлагаются модели возможного управления такого рода процессами в окружающей среде, модели минимизации рисков, рекомендуются стандарты процедур взаимодействия с дикими животными (Chapman et al., 2005; Decker et al., 2006; Delahay et al., 2009).

Это одна из немногих сторон взаимодействия людей с миром дикой природы, где на основании уже познанного предстоит еще очень много узнать и сделать, вероятно, не без достижений и ошибок, не без возникновения новых проблем. Нельзя забывать, что явный прогресс в объективном осознании рассматриваемых процессов произошел недавно. Лишь в прошедшем столе-

тии появились надежные средства диагностики заболеваний, определились возможности во многих случаях быстро и объективно ориентироваться в ситуации, принимать адекватные меры препятствования распространению недугов из окружающего органического мира.

Вряд ли вызовет возражения суждение о том, что человечество уже заплатило и продолжает дорого уплачивать за выделение из мира так называемой дикой природы. Чем больше оно стремится создать удобное для себя окружение, тем больше затраты на решение проблем взаимодействия с окружающими дикими животными. Среди них наиболее проблемными остаются многие виды крупных по размерам млекопитающих и птиц. Именно они еще недавно были в многочисленных перечнях охотничьих животных. Многие из них уже в перечнях особо охраняемых и исчезающих животных. Именно они вызывают неподдельный интерес как у не законопослушной части человечества, так и у той его части, которая стремится остаться в естественной гармонии с окружающим органическим миром, сохранить его разнообразие и обилие.

Не будет преувеличением и утверждение о том, что для решения проблем сосуществования с дикими животными задействованы огромные человеческие и материальные ресурсы. Это элементарно предопределяется неизбежностью их происхождения и необходимостью их решения. Множество инцидентов, множество причастных к ликвидации их последствий лиц, множество механизмов и сооружений, множество физических и моральных издержек. Это своеобразный и неотвратимый социально-экономический взнос, плата за построение мира искусственного движения материи по волеизъявлению человека. В связи с этим нельзя особо не заметить, что преимущественно решение рассмотренных проблем происходит без упоминания и без участия охотников, той части общества, для которой охотничьи животные издавна представляли первостепенный интерес.

ИНИЦИИРОВАННЫЕ ЧЕЛОВЕКОМ ПРОБЛЕМЫ

В становлении цивилизации, как правило, рассматривают достижения людей, связанные с тем, чем они в наибольшей мере стали отличаться от мира дикой природы. Земледелие, скотоводство, совершенствование орудий труда, организация коллективной деятельности, увеличение численности населения. Все это не было бы возможным без производимых людьми изменений в окружающей среде, в частности, без постоянного и возрастающего отторжения территории для своей деятельности. Современное следствие этого процесса очевидно. Человек – самое широко распространенное и, вероятно, самое многочисленное млекопитающее планеты, во многом изменившее облик около половины ее наземной территории.

В этой истории свои закономерности. Уничтожение лесов, расширение масштабов земледелия и скотоводства, использования ресурсов животного мира, опустынивание огромных территорий. Все это изначально сопровождалось исчезновением среды обитания и сокращением численности диких животных. Многие виды исчезли совсем, многие виды оказались на грани вымирания, ареалы многих видов изменены до критического для выживания уровня. На огромных территориях изменилась структура населения диких животных, уничтожены хищники, завезены чужеземные птицы и млекопитающие. Анализ этих процессов на примере охотничьих животных представлен ранее (Чашухин, 2006, 2010).

Современные тенденции во взаимодействии с охотничьими животными во многом приобретают иной характер. Главное отличие в общественном признании необходимости сохранения оставшихся ресурсов. Утверждается и важный принцип – это недостижимо без контроля и управления этим процессом. В результате именно благодаря организованным охотничьим действиям процветают популяции многих видов копытных зверей и водоплавающих птиц. Некоторые виды охотничьих зверей и птиц стали объектами так называемого дичеразведения. Для многих видов охотничьих животных создается и поддерживается искусственная среда обитания. И все-таки это не стабильный процесс, происходят изменения, на первый взгляд, незначительные. С течением времени становится очевидным, что это иници-

ированные человеком трансформации. Причиной некоторых из них оказываются действия самих охотников.

Одним из показательных и в то же время отчасти противоречивых примеров влияния на популяции охотничьих животных можно рассматривать так называемую трофейную охоту. Добыча наиболее крупных зверей и птиц или с наиболее выдающимися по размерам или массе рогами, клыками и иными естественными образованиями издавна признавалась охотничьим достижением. До настоящего времени традиции такой охоты не изменились в сущности, но приобрели новые нюансы. Трофейные охоты стали более организованными и целенаправленными как по категориям охотников, так и по видам животных. Появились официальные и неофициальные сообщества охотников по интересам, правила проведения трофейных охот и оценки трофеев. Вероятно, по сугубо экономическим соображениям пристрастия таких охотников пытаются удовлетворить практически повсеместно, где сохранились популяции охотничьих животных с трофейными качествами.

Особого внимания заслуживают последствия таких охот на наиболее привлекательных зверей. Из них одно из самых показательных – исчезновение крупных африканских слонов на фоне сокращения размеров ареала и уменьшения их численности. Можно предполагать, что наиболее крупные бивни слонов, добытых официально охотниками, а не браконьерами в погоне за так называемой слоновой костью, стали достоянием охотничьей и научной общественности. В подтверждение этого можно обратиться к нескольким фактам.

В 1900 г. в Париже был выставлен на всеобщее обозрение бивень африканского слона, добытого в пределах территории современного Бенина, массой в 117 кг. В настоящее время два бивня массой в 102 и 107 кг являются экспонатами музея естественной истории в Лондоне. Их происхождение – окрестности горы Килиманджаро в восточной Африке. Аналогичными выдающимися экспонатами обладает также музей естественной истории в Нью-Йорке. Это пара бивней длиной в 335 и 349 см слона, добытого на территории бывшего Восточного Конго. Именно эти предельные значения длины и массы бивней со ссылкой на соответствующие источники информации приведены в зоологической характеристике вида (Laursen, Bekoff, 1978). Следует лишь напомнить об историческом происхождении экспонатов.

В настоящее время редкие охотники за бивнями довольствуются в Африке трофеями с массой в 100 фунтов или примерно в 45 кг. Бивни с массой в 32 кг уже рассматриваются в качестве достойного трофея. Правила оценки бивней в качестве охотничьего трофея пересматривались неоднократно в течение прошлого столетия (www.scirecordbook.org/african-elephant). Вполне очевидно, что в пределах проведения трофейных охот на слонов в Африке уже не осталось особей, которые могли бы потеснить известные музейные экземпляры своими естественными достоинствами.

Утверждать о том, что это уже необратимые изменения в генетической структуре популяций африканских слонов, вряд ли есть серьезные основания. Основная причина наблюдаемой деградации популяций более логично усматривается в неблагоприятном для слонов масштабном изменении условий их обитания. В том, что именно условия обитания предопределяют возможности развития отдельных особей, убеждают некоторые современные факты.

В частности, можно обратиться к результатам наблюдений за слонами в пределах природоохранных территорий. Показательный пример – история отслеживания жизненного цикла наиболее крупных особей в национальном парке Крюгера в Южной Африке. Их естественный летальный исход позволил произвести морфометрические обследования, в результате которых неоднократно зарегистрирована длина бивней самцов свыше 3 м (www.krugerpark.co.za/africa_elephant). Это объективный довод признать трофейные охоты исключительно действенным фактором влияния на популяции африканских слонов.

О возможностях такого рода последствий свидетельствуют результаты и иных специальных наблюдений. В Зимбабве, например, в пределах охотничьей территории Matesi Safari Area в период 1983-2004 гг. регулярно оценивались трофейные достоинства добытых львов. По ежегодным выборкам из пяти самых крупных львиных черепов отчетливо проявилась тенденция уменьшения суммы промеров их длины и ширины с 648 мм до 624 мм (Loveridge et al., 2009). В целом это не повлияло на коммерческую привлекательность охот, но вызвало серьезное беспокойство владельцев охотничьих территорий. Возможности возврата к былым достижениям не были столь очевидными при продолжении такого рода деятельности.

Рассматриваемая ситуация, очевидно, оказалась типичной для территорий, где охота за трофеями ранее не имела столь выраженного целенаправленного характера. А.А. Данилкин (2010), ссылаясь на устные сообщения специалистов охотничьего хозяйства Казахстана и Киргизии, приводит следующие доказательства такого рода последствий избирательного отстрела горных копытных. В Киргизии устроителями трофейных охот на архара было замечено, что доля самцов старше десяти лет в эксплуатируемых таким образом популяциях снижалась в 12-18 раз. В Казахстане первые трофейные охоты завершались добычей козорогов с длиной рогов почти до полутора метров. Как только трофейная охота приобрела масштабный характер, охотники стали довольствоваться трофеями с длиной рогов чуть более метра.

Поучительна с такой точки зрения история европейских трофейных охот. На рубеже столетий с целью систематизации многочисленных достижений охотников был издан оригинальный обширный каталог (Hromas, Nolens, 2000). В результате появилась возможность заметить, что самые выдающиеся трофеи благородного оленя и серны датируются давними годами и значительно отличаются в оценке от последующих по списку трофеев. В то же время многие высокие трофейные оценки кабанов, ланей, муфлонов датируются всего лишь последними десятилетиями. Однако в этом не следует усматривать существенных противоречий.

Вполне очевидно, что именно кабаны, лани и муфлоны легко адаптировались к обустроенной человеком искусственной среде обитания. В такой ситуации представилась возможность не только отслеживать развитие отдельных особей в течение многих лет, но и целенаправленно содействовать этому развитию. Подкормка, отсутствие хищников, селекционный отбор «популяционного шлага» приводят в итоге к ожидаемым результатам. Трофейные качества многих зверей определяются еще прижизненно, что позволяет планировать трофейные охоты и во многом предопределять их итоги.

Предоставить лучшие искусственные условия обитания для серн и благородных оленей европейцам не удалось, а соблазн добычи наиболее крупных особей так и не иссяк. Последствия можно признать закономерными. По этому поводу сторонники трофейного дела часто ссылаются на интересный исторический

факт местонахождения самых крупных рогов европейского благородного оленя в замке Морицбург на востоке современной Германии, чему есть логическое объяснение.

Строительство этого охотничьего по замыслу замка началось в первой половине XVI века в курфюршестве Саксония. Согласно историческим источникам идея принадлежит курфюрсту Морицу, в честь которого и назван замок. Традиционно охоты на оленей в окрестностях замка проводились в течение почти трех последующих столетий, за что замок часто называли оленьим, а в его убранстве рога оленей стали занимать далеко не последнее место. Именно среди появившейся таким образом обширной коллекции и были обнаружены столь выдающиеся экземпляры рогов. Следует лишь заметить, что из-за отсутствия авторства, даты и места происхождения они так и не признаются в качестве охотничьих трофеев.

В настоящее время посетителям замка Морицбург, расположенного недалеко от Дрездена, показывают также большие рога оленя. Примечательна ссылка на то, что они подарены российским императором Петром I. Факт этот подтверждает, насколько владельцы замка были преданы охотничьим традициям. Если не отрицать, что каждый выдающийся трофей есть производное среды обитания животных, то не остается сомнений в том, что лучшие по экологическим критериям места и времена обитания благородных оленей в этой местности в далеком прошлом.

Восстановить былую пространственную и генетическую структуру популяций этих животных вряд ли возможно из-за исчезновения лесов, формирования агроландшафта и других неизбежных последствий становления европейской цивилизации. Вероятно, по этим же причинам не удастся взлелеять выдающихся трофейных животных многим европейским землевладельцам, не утратившим интереса к охоте и разведению благородных оленей.

Однако в том, что некоторых охотничьих животных можно выращивать до приобретения ими исключительных трофейных качеств, убеждает практика современного оленеводства. Типичный пример – разведение белохвостых оленей в Северной Америке с целью получения пантов и диетических мясопродуктов. Именно ради увеличения массы пантов десятилетиями проводился целенаправленный отбор белохвостых оленей с рогами наибольшей массы. В результате рога выращенных в искус-

ственных условиях содержания оленей отличаются большим количеством отростков и значительно большей массой. В такой ситуации вполне закономерно возникли проблемы их оценки по принятым среди охотников принципам. Внесла в этот спор свою лепту и природа. Самые большие и массивные рога, как правило, крайне асимметричны, а потому не привлекательны для охотников (Alsheimer, 2002; 2006).

О влиянии трофейной охоты на популяции североамериканских копытных дискутируют до настоящего времени. В США на примере 20-летних региональных наблюдений за результатами таких охот на белохвостых оленей замечено не только исчезновение искомым трофейных особей. Зарегистрировано достоверное снижение темпов воспроизводства популяций и даже выживаемости молодых особей. Причины усматривают в ухудшении генетической структуры популяций из-за потери носителей наиболее ценных генов в результате избирательных трофейных охот (Webb et al., 2012). К таким же выводам склоняются исследователи эксплуатируемых длительно с теми же целями популяций горных копытных в Британской Колумбии на территории Канады (Hengeveld, Festa-Bianchet, 2011).

В целом это не столько повод для продолжения дискуссии о проблемных последствиях трофейных охот, сколько доказательство необходимости развития охотоведения по аналогии с развитием так называемых точных наук. Именно трофейная охота побудила к измерениям добытых животных, к получению обширного материала для более точного сравнения и анализа. Если о популяциях охотничьих животных и среде их обитания рассуждать не как о чем-то абстрактном, а в большей мере характеризовать их соответствующими единицами измерения и языком цифр, то течение и последствия многих популяционных процессов вряд ли станут столь непредсказуемыми и неожиданными.

Рассматриваемые последствия трофейных охот наиболее четко отражают различия охотничьих животных по отношению к факторам изменения условий их обитания. Если есть различия, есть предпосылки рассматривать этих животных в разных категориях, по-разному трактовать возможности использования их ресурсов. Это повод задуматься над возможностями таких изменений в среде обитания, которые поспособствуют проявлению наиболее ценных морфофизиологических признаков животных.

Не только целенаправленное преследование зверей и птиц оказывает влияние на их поведение и изменение структуры их популяций. С ростом народонаселения на планете и вытеснения диких животных с обычных для них мест обитания давно, практически постоянно и в последние столетия масштабно действует так называемый фактор беспокойства. Этот термин прописан во многих современных экологических пособиях. В целом им определяется любая деятельность людей, нарушающая естественный ход жизненных процессов в популяциях диких животных. Из-за такой понятной, но весьма абстрактной трактовки это исключительно масштабное явление до сих пор не удостоено серьезного изучения, отсутствуют даже столь необходимые для его характеристики сопоставимые способы и единицы измерения.

Логично полагать, что влияние фактора беспокойства наиболее действенно в пределах территорий, прилегающих к местам массового проживания и активной хозяйственной деятельности людей. Однако в первую очередь, очевидно, люди обеспокоились не неизбежными в такой ситуации изменениями в животном мире, а изменениями, легко наблюдаемыми визуально. Трансформация и оскудение растительного покрова, опустынивание мест активного посещения, неприглядные картины последствий регулярного времяпровождения на лоне природы. Именно поэтому вполне закономерно определились темы и стали пополняться научным смыслом сравнения антропогенных и естественных ландшафтов, сопоставления их структуры, компонентов и элементов.

Со временем такого рода интересы выразились в содержании нормативных документов государственного уровня. Типичный пример – разработанный АН СССР и введенный в действие в 1987 г. межгосударственный стандарт «Охрана природы. Ландшафты. Термины и определения» (ГОСТ 17.8.1.01-86). В содержании этого документа, например, четко прописано, что «к природным компонентам ландшафта относят воздух, поверхностные и подземные воды, горные породы, почвы, растительный и животный мир». В соответствии с основным замыслом сформулированы и такие понятия как нагрузка на ландшафт, норма нагрузки на ландшафт, предельно допустимая нагрузка на ландшафт. В частности, последний термин расшифровывается как «нагрузка, при превышении которой происходит разрушение структуры ландшафта и нарушение его функций».

К сожалению, дальнейшая научная разработка, наполнение более глубоким содержанием понятий и терминов, указания к их практической применимости во многом не доведены до логического завершения. До настоящего времени конкретно не определены, например, критерии деградации ландшафта, включающие неблагоприятные изменения животного мира. Даже предельно допустимые нагрузки определяются количественно и выражаются по-разному: максимально возможным количеством присутствия человек на единице площади, на единице длины маршрута, за время суток или сезона и более сложными математическими расчетами (Казаков, 2007; Колбовский, 2007).

Причины логично объяснимы. Выразить количественно и точно соотношение нескольких множеств, конечно, сложно. Одних только заурядных целей появления людей на лоне природы обычно рассматривается более десятка, да и бессмысленно ожидать одинакового воздействия на окружающую природную среду людей разного возраста, разного характера и разного воспитания. Если даже установить какие-то нормативы рекреационной нагрузки, то исполнительное соблюдение их во многих случаях представляется проблематичным. Вряд ли возможен и повсеместный контроль вводимых норм и запретов.

В целом это лишь свидетельствует о том, как много еще надо сделать, чтобы более конкретно определиться с возможностями разумного использования территорий, прилегающих к местам проживания и хозяйственной деятельности людей. В данном случае следует правильно понимать, что обсуждаются проблемы использования окружающей человека среды, от состояния которой зависит не только его комфортное времяпровождение, но и здоровье. Не утратили актуальности давние призывы к планированию ландшафтов и их строгой охране со ссылкой на то, что история полна примеров разрушения ландшафтов, а затем и цивилизаций.

Плюс уже в том, что пришло осознание необходимости делать это, а не просто констатировать очередные признаки и стадии деградации природного окружения. Необходимы скрупулезные исследования, чтобы своевременно избегать известных из истории разных этносов ошибок. Изучение изменений в животном мире, происходящие по причине деятельности людей в ближайшем их окружении, остаются еще обширным полем для исследований биологам, экологам и, конечно, охотоведам.

Вероятно, многим оказавшимся на лоне природы людям известно некое чувство вины за нечаянно испуганную с гнезда птицу. Именно таким посылом можно пояснить часто упоминаемое в специальной охотничьей литературе с начала прошлого столетия негативное влияние фактора беспокойства дичи в период выведения потомства. В целом же логично полагать, что разные охотничьи животные неодинаково реагируют на исходящее от людей беспокойство. Множественность взаимодействий лишает возможности пунктуального анализа и формулировки каких-либо однозначных заключений. Лишь накопление конкретных научных результатов в большинстве случаев подтверждает, насколько заметные изменения происходят из-за деятельности людей в популяциях зверей и птиц.

В 2004 г. в Красноярском государственном университете рассматривалась диссертация Владышевского А.Д. на тему «Значение фактора беспокойства для диких птиц и млекопитающих». По наблюдениям автора на специально проложенных лесных маршрутах выявлена отрицательная корреляция между частотами встреч рябчиков и людей, посещающих лес даже не с целью охоты. На примере зайцев-беляков, рябчиков и речных уток отмечено, что дистанция их испугивания увеличивалась по мере частоты их преследования в осенний период охотничьего сезона. Неоднократно потревоженные животные удалялись от мест беспокойства на все большие расстояния. Обобщение обширного материала на примере оседлых и мигрирующих птиц позволило также отметить, что мигрирующие птицы чаще избегают встреч с человеком.

С целью организации более эффективной охраны птиц вблизи мест проживания людей в Шотландии проведено множество специальных наблюдений. Выбрано 25 видов наиболее часто встречающихся пернатых на водоемах, в полях и лесах. В периоды их гнездования и появления потомства регистрировались два расстояния, на которых птицы начинали явно проявлять беспокойство и улетали от приближающегося к ним человека. Видовые и межвидовые различия в поведении птиц оказались столь значительны, что сформулировать краткие и понятные для широкого круга лиц рекомендации для практического использования так и не удалось (A Review of Disturbance Distances in Selected Bird Species. A report from Natural Research Ltd to Scottish Natural Heritage. 2007. 181 p.).

Аналогичным образом были озадачены специалисты по охране ресурсов животного мира в США. Чтобы пояснить на законодательном уровне вызываемое появлением людей беспокойство у особо охраняемых орлов, в том числе и признанного национальным символом белоголового орла, пришлось рассматривать полдесятка специально предложенных определений (Final Environmental Assessment, Definition of “Disturb” as applied under the Bald and Golden Eagle Protection Act. 2007. 22 p.). Попытка выработать так называемое единое мнение оказалась несостоятельной, причиной чего логично рассматривать отсутствие результатов специальных научных исследований.

Небезынтересны результаты наблюдений за популяциями диких животных в пределах многочисленных ныне по всему миру национальных парках. Развитие так называемого экологического туризма, порой обоснованного с научной точки зрения, как правило, сопровождается незаметными вначале изменениями в поведении и образе жизни наблюдаемых животных. Привыкание к регулярному появлению людей в местах обитания зверей и птиц действительно изменяет проявление поведенческих реакций, что в ряде случаев оказывается роковым для животных, чья участь в дикой природе определяется элементарным понятием жертвы.

Примечателен пример с сурками в горах штата Вашингтон на западе США. Возможность быстро скрываться в норах при явной опасности, на первый взгляд, позволяла туристам без особых ограничений наблюдать за жизнью этих грызунов. Многолетнее сравнение демографических параметров популяции сурков в местах организованного посещения гор туристами и вне влияния этого антропогенного фактора убеждало в существенных различиях половозрастной структуры и темпах воспроизводства (Griffin et al., 2007). Изумительна одна из предполагаемых причин замеченных различий. Исследователи склонны признавать неопасных для сурков туристов виновными в изменении их защитного поведения, в результате чего они стали более уязвимы от нападений местных хищников.

Сложность такого рода исследований заключается еще и в том, что в результате неизбежного и продолжительного влияния факторов беспокойства у животных вырабатываются различные ответные реакции, закрепляющиеся со временем в качестве популяционных признаков. Вероятно, это длительный и сложный

процесс, специфичный для каждого вида зверей и птиц в виде адекватного для выживания ответа на тот или иной источник тревоги. Одним удается приспособиться к соседству с неподселимыми людьми, другие так и остаются неспособными обитать совместно с ними на одних и тех же территориях.

В настоящее время не удивительно, например, что на водоемах многих европейских городов можно увидеть стаи крякв. Они явно не боятся близости человека, но, очевидно, не до такой степени, чтобы их брали на руки, гладили и показывали детям. В некоторых местах такое поведение становится типичным и для лысух. В Северной Америке этим отличаются канадские казарки. Однако там, где на этих водоплавающих птиц активно охотятся, они не только не подпускают охотников на расстояние надежного выстрела, но и даже избегают мест регулярного беспокойства. То же самое произошло и с некоторыми млекопитающими. Наряду с белками в пределах городских территорий все чаще оказываются лисы, койоты, еноты полоскуны, барсуки, бобры.

В целом умозрительная трактовка фактора беспокойства для охотничьих животных явно требует уточнений, в том числе и учета мало значимых, на первый взгляд, аспектов. Например, для сельскохозяйственных ландшафтов Центральной Европы типичны косуля, кабан и лисица. Добыча их охотниками только в Германии в сезон охоты в 2010-2011гг. составила, соответственно, 1 138 593; 585 244 и 518 758 особей (DJV. Daten und Fakten. Jahresstrecken.). Недостижимость таких результатов охотниками в ряде других стран возможно и кроется в том, что явно неизбежные факторы беспокойства этих животных проявляются не так и не с такими же последствиями, как это происходит на немецкой земле. Нельзя исключать и изменений самих животных, самые пугливые из которых, вероятно, постепенно исчезали из популяций в агроландшафтах.

Возникает даже мысль о целесообразности оценки рассматриваемой ситуации с точки зрения формирования и развития культуры взаимоотношений людей и диких животных. В научном и практическом плане это очень интересное и перспективное направление исследований, необходимое для решения насущных проблем сосуществования людей и охотничьих животных. Если источник беспокойства человек, то именно его воспитанием, уровнем интеллекта и в итоге образом действий

предопределяются масштабы и последствия влияния на окружающих его диких животных. Поучительный пример с оценкой многолетних усилий на охрану уникальной природной среды на острове Мадагаскар. Учеными и чиновниками единодушно подержано заключение о том, что ключом к решению проблемы может быть только разумное поведение людей и соответствующее воспитание подрастающего поколения (Jones et. al., 2008).

С обсуждаемыми аспектами поведения людей и беспокойства ими диких животных столкнулись организаторы становящегося все более популярным международного туризма. Этой сферой деятельности уже охвачены территории всех материков. Ежегодно миллионы людей совершают путешествия по так называемым диким местам Африки, Азии, Европы, Северной и Южной Америки, Австралии и даже Антарктиды. Благородная и порой экономически оправданная деятельность не лишена проблем экологического и этического характера.

Как правило, сроки таких туристических поездок приурочены к периодам года, наиболее благоприятным для проживания людей. Часто такое время года оказывается сезоном размножения для животных, оказавшихся целью экологического туризма и никак не ожидавших излишнего беспокойства. Количество туристов, сроки и маршруты их продвижения по местам обитания зверей и птиц, привносимые ими шумы, запахи, микроорганизмы на фоне явного беспокойства из-за нежданного появления. Эти и многие другие аспекты деятельности туристов со временем оказались предметом спорных обсуждений ученых и организаторов этого ставшего популярным отдыха людей. Никто из них не отрицает, насколько неожиданны и неравнозначны реакции диких животных на вторжение людей.

Особенно отчетливо эти проблемы проявились там, где человек ранее был исключительно редким гостем, в частности, в Антарктиде. Там, где дикие животные смогли отстаивать свои жизненные интересы, не обошлось и без человеческих жертв. Нападениям львов, медведей и даже приматов подверглись люди, никак не ожидавшие по отношению к себе проявления чрезвычайной агрессии. Регулярные контакты с людьми послужили основой для формирования удивительных черт поведения животных, ранее не типичных для дикой природы. Изменения в среде обитания и популяциях диких животных, вызванные массовым экологическим туризмом, еще в конце прошедшего столетия нача-

ли серьезно обсуждаться на международном уровне и ныне приобрели масштабы отдельного направления экологических исследований. Уже обширная научная информация на эту тему регулярно обсуждается и обобщается (Higginbottom, 2004; Newsome, Dowling, Moore, 2005; Tapper, 2006; Zeppel, 2006; Weaver, 2008).

Масштабным изменением в жизни многих охотничьих животных в ближайшие десятилетия может стать неограниченное и неконтролируемое потребление в качестве корма генетически трансформированных организмов. В первую очередь такого рода достижения генной инженерии угрожают фитофагам. В настоящее время широко используются лишь немногие кормовые, пищевые и технические культуры с искусственно измененной наследственностью. Это соя, кукуруза, люцерна, рапс, сахарная свекла, картофель, томаты и сладкий перец. Среди технических культур первое место пока занимает хлопок, но явные перспективы приобретают древесные растения, над которыми генетики уже активно экспериментируют с целью увеличения масштабов получения и улучшения свойств востребованной во всем мире древесной продукции.

Если о пагубных последствиях потребления генетически трансформированных организмов человеком дискуссии лишь обостряются, то в отношении диких животных эта тема пока не наполнилась научным смыслом из-за явного дефицита результатов исследований (www.naturalnews.com/GMOnews, articles and information). Этот дефицит вряд ли преодолим учеными в ближайшее время из-за явных отличий в условиях жизни лабораторных и диких животных. Однако можно не сомневаться в реальности угроз при прогнозируемом неоднократном увеличении масштабов производства и использования такого рода продукции из научных лабораторий.

В 2011 г. генетически модифицированные растения официально выращивались в 29 странах мира на площади свыше 160 млн. га. Это близко сопоставимо с площадью такого государства как Монголия. Лидируют на этом поприще США, Бразилия и Аргентина, за ними следуют Индия, Канада и Китай. В США и Аргентине под такими культурами занято почти по 20% посевных площадей (ISAAA. Global Status of Commercialized Biotech/GM Crops. 2011). Однако потребление генетически измененных продуктов не ограничивается территориями этих стран. Уже мирового масштаба коммерческие замыслы логично

переплетаются с идеями гуманитарной помощи развивающимся странам мира, повышения продуктивности животноводства, увеличения масштабов производства самого разнообразного технического сырья. В такой ситуации распространение искусственно трансформированных растений и увеличение площади их посевов неизбежно, что и позволяет объективно рассматривать охотничьих животных в числе невольных их потребителей.

Необходимо особо отметить, что практика использования генетически модифицированных организмов исчисляется всего лишь несколькими десятками лет. Из них лишь в последнее десятилетие началось кратное увеличение масштабов использования, следовательно, ожидать результатов объективного анализа последствий еще просто рано. Однако перечень известных и вероятных угроз жизни людей, опекаемых ими животных и окружающей природной среде уже широко известен. Еще на стадии экспериментов было замечено, что постоянное использование генетически модифицированных организмов может вызывать нежелательные последствия у лабораторных животных и людей.

Это токсикологические и аллергические реакции, проявление физиологических расстройств непонятного происхождения, подавление жизненно важных функций, в том числе и функции воспроизводства новых поколений. Причем эти последствия во многом специфичны для разных представителей органического мира – от микроорганизмов до высших многоклеточных организмов и даже людей. Явно не без причин генетически модифицированные организмы образно названы нежными убийцами, а полемика на эту тему приобрела всемирную известность. За подробностями можно обратиться к доступным источникам информации на русском языке (Кузнецов, Куликов, 2008; Энгдаль, 2009).

С позиций автоэволюционизма образование новых форм материи неизбежно сопряжено с появлением новых функций, что в полной мере относится и к искусственному изменению структуры гена как результату формообразования. В данном случае проблематично все - от технического несовершенства современных методов так называемой геной инженерии, до неизвестности новых функций генетически модифицированных организмов. Самый примечательный процесс искусственного изменения структуры гена носит абсолютно случайный характер. Поразительно и то, что ни на одном этапе такого рода деятельности нет

точных методов контроля происходящего и получаемых результатов.

Логично полагать, что целенаправленные искусственные изменения в структуре гена способствуют синтезу новых белковых молекул и иных химических соединений, возможно, не встречающихся ныне в органическом мире. Химическая активность и физиологические свойства новых соединений при попадании в другие организмы явно непредсказуемы. Их влияние на исключительно сложные процессы метаболизма у разных представителей органического мира может быть также различным. Нельзя забывать, что сложившиеся системы химической регуляции жизненных процессов с последовательным синтезом множества ферментов и гормонов формировались и совершенствовались миллионы лет.

Одна из целей рассматриваемой биотехнологии – получение новых сортов растений, устойчивых к болезням и вредителям. Если искомые свойства таких пищевых и кормовых растений и проявились на уже бескрайних посевах, то на этом победоносное шествие новшеств вряд ли закончилось. Исчезновение тараканов и их беспозвоночных соседей в продуктовых супермаркетах и квартирах горожан, массовое распространение некоторых заболеваний именно в местах активного использования новомодной продукции можно не без оснований рассматривать продолжением воплощения благородной, на первый взгляд, идеи в повседневную жизнь.

Отдельная тема для дискуссии – загрязнение такими организмами окружающей среды. Процесс полового размножения в мире растений и животных предполагает исключительно высокую вероятность широкого появления и распространения самых различных помесей между индивидуумами с естественной и искусственно измененной наследственностью. Контроль распространения новоиспеченных генов в дикой природе явно затруднителен. О последствиях их появления в различных биоценозах сейчас можно лишь полемизировать. Можно уже не сомневаться в том, что происходящим в глобальном плане изменениям присуще эволюционное значение. Искусственные мутанты – не что иное, как новый материал для эволюционных процессов.

С такой точки зрения понятна озабоченность поборников чистоты окружающей среды и сохранения уникальных уголков природы на планете. Из уст защитников природы зазвучали при-

зывы – не допустить попадания генетически измененных организмов на заповедные территории (Bodiquel, Cardwell, 2009; Ferry, Gatehouse, 2009; Bartz et al., 2010). Естественным образом возникает вопрос о том, когда забеспокоится об этом охотничье сообщество, нередко ссылающееся на экологическую чистоту своей охотничьей продукции.

Нельзя упускать из виду и подзабытую проблему биологического загрязнения окружающей среды чужеродными видами. Охотники на этом поприще во многом преуспели, приложив огромные усилия для расселения охотничьих животных по территории разных стран на разных материках. Более трех десятков видов млекопитающих и птиц подверглось трансконтинентальному переселению ради увеличения видового разнообразия охотничьих ресурсов (IUNC. Species Survival Commission. Invasive Species... – www.issg.org). Из-за давности многих событий дискуссии заметно поутихли, но нельзя забывать о сделанных выводах и рекомендованных организационных мерах.

Намеренное вселение и распространение чужеземных животных осуждено мировым сообществом. Это отражено в «Конвенции по биологическому разнообразию» - международном соглашении, принятом 5 июня 1992 г. в Рио-де-Жанейро. Данное соглашение ратифицировано Российской Федерацией в 1995 г. В частности, в статье 8 этого соглашения конкретно указано: «Каждая Договаривающаяся Сторона, насколько это возможно и целесообразно... предотвращает интродукцию чужеродных видов, которые угрожают экосистемам, местам обитания или видам, контролирует или уничтожает такие чужеродные виды».

Проблема заключается в том, что чужеродные животные, как правило, оказываются причиной существенных изменений в биоценозах, создают конкуренцию и угрозу существования представителям местной флоры и фауны. Возникают проблемы социально-экономического характера из-за сопутствующего распространения болезнетворных организмов, в том числе опасных для человека, сельскохозяйственных и домашних животных. Типичные примеры масштабных трансформаций в отечественной фауне – распространение ондатры и норки американской (Чашухин, 2007, 2009).

Некоторые чужеземные звери остаются причиной серьезного беспокойства до настоящего времени. Показательный пример – продолжающееся распространение кабанов по территории

США. Недовольство фермеров не ограничивается тем, что эти размножившиеся копытные взрывают посевы и уничтожают урожай зерновых и кормовых культур, но и по мере расселения разносят такое заболевание как бруцеллез. Таковы результаты государственного мониторинга распространения чужеземных видов в этой стране (Pedersen et al., 2012). Не менее примечательны и выявленные проблемы с неконтролируемым распространением таких видов одомашненных животных как лошадь и осел, одичавших и свободно обитающих в пределах многих штатов. Численность одичавших лошадей только приблизительно оценивается более чем в 30 тыс. особей. Они на протяжении десятков лет формально остаются ничейным и никем неконтролируемым ресурсом, который уже логичнее признавать ресурсом дикой природы (Smith, 2010).

Среди инициируемых людьми проблем можно рассматривать и ненамеренное распространение ими некоторых заболеваний среди охотничьих животных. Острая современная тема для обсуждения – выявление и профилактика распространения африканской чумы свиней в России. Занесенная явно по вине людей инфекция уже оказалась поводом для превентивного уничтожения тысяч домашних свиней. Однако факты выявления этого заболевания среди свободно обитающих кабанов наводят на грустные размышления (www.fsvps.ru/fsvps/news/asf). Кабан в ближайшее время может оказаться в числе редких видов на огромных площадях охотничьих угодий.

Не исключена вероятность такого же сценария для масштабного недавнего исчезновения водоплавающей дичи на просторах европейской части страны. Если вирусы так называемого птичьего гриппа были привнесены в популяции диких птиц по вине человека, то последствия могли быть именно такими. Можно и оспаривать такое мнение. Однако факты неожиданного многократного снижения численности водоплавающих птиц, несмотря на течение событий пандемического характера, так и остаются не объясненными. Вполне очевидно, что такого рода угрозы для диких животных не только неизбежны, но и никак неконтролируемы людьми.

Нельзя умалчивать еще об одной проблеме, обостряющейся со временем и именно в результате активных охотничьих действий. Стрельба свинцовой дробью изначально рассматривалась как наиболее результативный процесс добывания мелкой дичи.

В местах массовой добычи водоплавающих птиц с годами в полном смысле слова происходило загрязнение водоемов свинцом, токсичные свойства которого известны с древности. Каждый из активных охотников, производивший по тысяче и более выстрелов за сезон охоты, невольно привносил в места обитания птиц десятки килограммов свинца. Вклад в этот процесс всех любителей охоты на водоплавающую дичь в пределах некоторых водных систем, вероятно, исчислялся тоннами в течение одного или всего лишь нескольких сезонов охоты.

Если учесть, что свинец обычно рассматривался в числе так называемых редкоземельных металлов, содержания которых в почве, растениях и поверхностных водах обычно мало, то неблагоприятное влияние охотников на окружающую природную среду становится очевидным. Например, среднее содержание свинца в океанических водах – $3 \cdot 10^{-9}$ %, ультраосновных породах – $1 \cdot 10^{-5}$ %, основных породах – $8 \cdot 10^{-4}$ %, осадочных породах – $2 \cdot 10^{-3}$ % (Наумов, 2010). В зонах техногенного загрязнения тяжелыми металлами окружающей среды содержание свинца в растениях и животных может превышать естественный фон более чем в тысячу раз. В почвах его содержание регистрируется на уровне свыше 4300 мг/кг, в кормах сельскохозяйственных животных – свыше 1300 мг/кг. Максимально допустимые концентрации этого металла в кормах сельскохозяйственных животных и пушных зверей в России определены в размере 5-10 мг/кг корма (Жуленко и др., 2010). С накоплением такого рода информации можно с пристрастием производить многочисленные сопоставления, но нельзя забывать о том, что в данном случае рассматривается длительный и на настоящий момент непрекращающийся процесс. Ситуация может только усугубляться, чем и подчеркивается актуальность обозначенной проблемы.

Наибольший интерес представляют результаты специальных исследований, в частности, информация из защищенных в прошедшем десятилетии диссертационных работ Сергеева А.А. (ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства, 2003) и Кирьякулова В.М. (Российский государственный аграрный заочный университет, 2009). Тематическое обобщение информации убеждает в том, что в местах массовой охоты на водоплавающую дичь в Европе, Северной и Южной Америке систематически регистрируются многочисленные случаи заглатывания свинцовой дроби обитателями водоемов, поиск корма которыми приурочен

к илистым отложениям на мелководьях. Отравление свинцом отдельных особей заканчивается летальным исходом, других – изменением поведения, в результате чего они чаще становятся добычей охотников. Экспериментально установлено, например, что после введения в пищеварительные тракты 2 г свинцовой дроби некоторые кряквы погибали на 3-4 сутки при достижении концентрации свинца в мышечной ткани уровня 200 мг/кг их сухой массы.

Необычно высокие концентрации свинца зарегистрированы в различных органах и тканях не только околородных, но и хищных птиц, специализирующихся, вероятно, на добыче не доставшихся охотникам подранков. Очевиден процесс накопления свинца в организме рыб, из которых хищники также оказываются в наиболее невыгодной для них ситуации. Призывы к решению проблемы на рубеже столетий активно звучали на уровне международных организаций (*The Agreement on the Conservation of African-Eurasian Migratory Waterbirds (AEWA)*. International Update Report on Lead Poisoning in Waterbirds. 2001. 76 p.). Информация о происходящем загрязнении водоемов свинцом в результате деятельности охотников и рыболовов регулярно обобщается и анализируется (Scheuhammer, Thomas, 2011).

Естественным образом возникают вопросы о возможности употребления в пищу дичи, добытой в загрязненных свинцом местах обитания. Для конкретных ответов нужны результаты химических анализов, которые могут оказаться не однозначными и непонятными по многим причинам. Содержание свинца в различных органах и тканях растений и животных разного вида и разного возраста не может быть одинаковым. Чтобы объективно ориентироваться в рассматриваемой ситуации, необходим дорогостоящий полномасштабный мониторинг, явно проблематичный из-за невозможности повсеместного осуществления. Противоречивым фактом выступает длительное проживание многих тысяч людей в местах выраженного техногенного загрязнения окружающей среды тяжелыми металлами.

Наиболее вероятны хронические интоксикации свинцом с накоплением его в отдельных органах и тканях, например, в костях. Последствия такого отравления проявляются постепенно и не всегда очевидно. В медицинской и ветеринарной практике известны нарушения в структуре и составе костного мозга, ухудшение иммунитета и воспроизводительной функции, повы-

шенная утомляемость, снижение продолжительности жизни. Скрытой таким образом опасностью свинцового отравления, конечно, нельзя пренебрегать.

В рассматриваемой ситуации логично избегать потребления тех объектов, которым свойственно наибольшее накопление этого токсичного металла. Может быть, во многих случаях бессмысленно призывать к отказу от потребления дичи, в частности, водоплавающих птиц, но трудно не согласиться с тем, что нужен поиск разумного решения проблемы. Вполне очевидно, что первоочередные действия должны предусматривать прекращение любого искусственного загрязнения свинцом окружающей среды, в том числе и охотничьих угодий.

Перечисленных примеров достаточно для того, чтобы убедиться, насколько следует быть предусмотрительными людям в реализации своих интересов к диким животным. В поисках ответов на вопросы, почему это произошло и как избежать возникновения такого рода ситуаций в ближайшем будущем, логично исходить из того, что эти проблемы порождены людьми, от сознания и действий которых и зависят возможности их решения.

ПРИЧИНЫ НЕРАЗРЕШИМОСТИ ПРОБЛЕМ

Останавливаться только на перечислении малоприятных событий в неизбежном взаимодействии людей и диких животных явно не логично. Любой здравомыслящий человек задумается над тем, как предотвратить или преуменьшить связанный с этим негативный для общества исход. Ситуация представляется закономерной и очень противоречивой. Чем дальше так называемое цивилизованное общество отходит от мира дикой природы, тем большую цену оно вынуждено платить за сохранение достопримечательностей былой окружающей среды.

Основные направления развития человеческого сообщества в ближайшее время вряд ли коренным образом изменятся. Будет увеличиваться численность народонаселения, продолжаться трансформация окружающей среды, изменяться в соответствии с этим среда обитания и состояние ресурсов диких животных. В такой ситуации сущность проблем сосуществования с миром дикой природы не может существенно измениться, а последующие поколения людей будут неизбежно обречены на разрешение уже известных проблем. Неразрешимость их, вероятно, предопределяется тем, что животные из естественной среды обитания не способны быстро реагировать и приспосабливаться ко многим антропогенным трансформациям, а люди не всегда способны всецело предопределить последствия производимых ими в окружающих их среде преобразований.

При неизбежной смене поколений исключительно актуален вопрос о преемственности накопленных знаний и опыта взаимодействия человека и диких животных. Если с такой точки зрения акцентировать внимание на охотничьих животных и первоначально ограничиться только отечественной практикой, то не трудно заметить несколько явных несообразностей. Охота с ее тысячелетним прошлым и не утраченным к ней интересом на настоящий момент вполне естественно предопределила развитие такого научного и образовательного направления деятельности как охотоведение. Современное охотоведение не что иное, как итог огромного мирового опыта взаимодействия людей и охотничьих животных. Именно на примере этого опыта стали проследиваться закономерности, положенные в основу развития некоторых ключевых разделов теоретической и прикладной эко-

логии. Без пополнения и практического использования экологических знаний в настоящее время немислимо преуспевание человека как биологического вида.

Главное достижение охотоведческой науки в том, что именно охота как процесс взаимодействия человека и диких животных оказывается наиболее действенным элементом целенаправленного его влияния на популяции этих животных. Как это ни странно, но именно это ключевое научное положение почему-то скрыто от российских школьников и большинства студентов. При внимательном чтении современных государственных образовательных стандартов по природоведению, естествознанию и обществоведению, на которые должны ориентироваться российские педагоги, можно заметить отсутствие в них положений, отражающих сложившуюся практику взаимоотношения людей с миром дикой природы, с животными в естественной среде обитания. Следовательно, об этом ничего не будет прописано в учебниках, несмотря на их множество и даже издание многих из них под грифом официальных государственных учебно-методических учреждений.

Нет соответствующей информации в учебниках, не может быть и соответствующих вопросов на разных уровнях контроля знаний учащихся. Вполне очевидно, что молодые люди, получившие гарантированное государством обязательное образование, так и остаются без понимания основных закономерностей современного сосуществования людей и диких животных. Естественно полагать, что они и не способны объективно рассуждать о сопутствующих этому роду деятельности человека проблемах. Если для кого-то из них на этом уровне закончится образовательный процесс, то вполне очевидно, что у него формально больше шансов стать браконьером, чем стать сподвижником такой деятельности как охота или хотя бы так называемым защитником природы.

Последующее образование добровольно. В государственных образовательных стандартах для подготовки большинства бакалавров и магистров также нет посылов для познания рассматриваемых положений и процессов. Студентам, решившимся получить профильное биологическое образование, может быть, удастся услышать кое-что об обсуждаемых проблемах из учебных курсов по экологии. Студентам же высших учебных заведений технического и гуманитарного профиля вряд ли об этом по-

ведает в рамках преподавания такой единственной учебной дисциплины как концепции современного естествознания, предусматривающей краткое знакомство с глобальными экологическими закономерностями и проблемами.

В настоящее время исключение из этой ситуации составляют лишь студенты, избравшие биологическое образование со специализацией в области охотоведения. Количество таких студентов в общей массе обучающейся российской молодежи представляется весьма малой величиной. Исход ситуации просто предсказуем. Как бы ни были профессионально активны квалифицированные охотоведы в последующей жизни, они во многом обречены на непонимание решаемых ими задач остальной частью общества. Без преувеличения можно утверждать, что это серьезная социальная проблема.

Истекает она именно из-за нарушения преемственности среди поколений людей, утрачивающих в глобальных процессах урбанизации былые связи с окружающей естественной средой, утрачивающих при возрастающих масштабах потребительского отношения к природным ресурсам былой опыт взаимодействия с окружающим миром животных и растений. Непонимание научных и практических основ взаимодействия с окружающим миром дикой природы, основ рачительного использования биологических ресурсов, перспектив организации и осуществления такой деятельности как охота гарантирует нескончаемую череду оплошностей и просчетов в социально-экономической деятельности общества.

Теоретически прогрессивное развитие общества должно быть обусловлено соблюдением разрабатываемых и принимаемых этим обществом законов. Истоки этих законов в современной жизни людей, во всей сложности их взаимоотношений и отношения их к окружающей природной среде. Очень сомнительно надеяться на процветание дикой природы в обществе, допускающем всеобщую безграмотность в вопросах разумного к ней отношения. От рядового гражданина до уполномоченного властью государственного деятеля. В такой ситуации рассуждения об охране и сохранении естественных биологических ресурсов, об эффективном их использовании еще долго будут оставаться лишь лозунгами, озвучиваемыми лишь ради того, чтобы не показаться отсталыми от той части человечества, которая гордится достигнутыми на этом поприще результатами.

Нелогичное отрицание того, что ранее образно называли родной природой, уже имеет значительные негативные последствия. Опыт некоторых стран Европы и Северной Америки убедительно свидетельствует о том, что общение с дикой природой, разумное пользование естественными биологическими ресурсами приносит обществу огромную пользу. Это не просто возможность объективного осознания гордости за величие природных достопримечательностей. Это целая индустрия, обеспечивающая социально-экономическое развитие внушительной части общества и сохранение естественных богатств для последующих поколений. Очевидно, не зря в конституции ФРГ (Grundgesetz, Artikel 20a) прописано, что государство возлагает на себя ответственность перед будущими поколениями за сохранение естественных основ жизни.

В связи с этим нельзя не обратить внимания еще на один немаловажный аспект. Россия одна из немногих стран, где производится специальное обучение такой профессии как охотовед. В настоящее время нет особых секретов в мировой практике организации и использования ресурсов охотничьих животных. Самые современные знания общедоступны, потому заявлять о недостаточной профессиональной подготовке таких специалистов как будто бы не логично. Однако ситуация с практическим использованием получаемых профессиональных знаний отчасти парадоксальна.

С одной стороны полученные знания не просто реализовать в полном объеме. Многообразие и изобилие дичи невозможно без соответствующих условий ее обитания, которые необходимо сохранять и при любой появившейся возможности даже улучшать. Когда вырубка лесов, распашка земель, изменение уровня поверхностных вод, крупномасштабные строительные работы производятся без учета ценности территорий для обитания охотничьих животных, ни о какой стратегии защиты профессиональных интересов охотоведов нет смысла рассуждать. То же самое при невозможности официально противодействовать браконьерству, беспокойству дичи не охотниками, при отлучении охотников от совместной деятельности придуманными материальными поборами за приписанные за ними гектары так называемых охотничьих угодий.

С другой стороны эти знания просто не востребованы. Для сравнения можно обратиться к документам, характеризующим

квалификацию специалистов и уровень организации использования ресурсов охотничьих животных за рубежом. Например, ежегодные доклады сотрудников соответствующей службы штата Пенсильвания в США (Pennsylvania Game Commission: Wildlife Management Annual Reports) о результатах охоты на копытных содержат не только сведения о размерах добычи и численности конкретных видов зверей. В частности, такой объект охоты как белохвостый олень характеризуется оценками половозрастной структуры населения, плодовитости, расчетами смертности, прогнозами численности на следующий сезон охоты с соответствующей математической оценкой достоверности расчетов. Все это с учетом влияния многих факторов, определяющих изменение численности этих оленей, включая охоту, смертность от хищников, от столкновения с транспортными средствами, от болезней и ожидаемых изменений условий обитания.

Примерно таким же образом характеризуются аналитические материалы по использованию ресурсов охотничьих животных в Германии. Не изменяя национальной педантичности, немецкие специалисты пытаются на примере некоторых земель представить полную картину современного состояния и тенденций изменчивости популяций охотничьих зверей и птиц. От куликов до фазанов, от зайцев до оленей. Любые расчеты с математическим обоснованием. Такого рода информация представлена на широком обозрении всем заинтересованным в ее получении лицам (Deutscher Jagdschutz Verband: Wildtier-Informationssystem der Länder Deutschlands).

На этом фоне российские эксперты со специальным высшим образованием выглядят заметно скромнее. Они официально отчитываются согласно административной подчиненности, но оперируют в основном иными показателями и не в таком объеме. Ни математической апробации результатов, ни прогнозов, ни широкого представления информации для охотников и общественности. До мелкой дичи интереса вообще нет, как будто бы уже ее и нет на обширных российских просторах.

Можно не сомневаться в том, что многие охотоведы отчетливо осознают, что обобщенные результаты их деятельности во многом разительно отличаются от показателей, характеризующих такого рода деятельность даже в соседних странах. Можно заниматься поиском причин такой несоизмеримости. Можно и предаться сомнениям в достоверности итоговых цифр, но в та-

ком случае следует признать некомпетентность специалистов и соответствующих служб. Хочется верить, что последнее мало вероятно. Верить в то, что профессиональная подготовка охотников позволяет им вполне объективно оценивать ситуацию с состоянием ресурсов многих охотничьих зверей и птиц. Если даже профессиональная подготовка остается не в полном объеме востребованной.

Исход такой ситуации очевиден. Ни от каких призывов и красивых фраз количество охотничьих животных в российских охотничьих угодьях не увеличится. Остается признать, что беззащитные ресурсы многих видов зверей и птиц просто расхищены, а среда обитания трансформирована не в пользу многочисленных в прошлом обитателей. Можно не сомневаться в том, что это результат процессов, которые продолжаются и ныне с молчаливого всеобщего согласия низов и верхов.

Показательный пример сравнения результатов использования ресурсов лося в научно-опытном охотничьем хозяйстве ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства и в целом в Кировской области, расположенной на европейском севере России. Плотность населения этого вида в особях на 1 000 га леса определена в 2010 г. по Кировской области величиной в 2,97, в то время как в научно-опытном хозяйстве – в 8,6. В 2009-2010 гг. официальная добыча лосей в пересчете выхода продукции с 1 000 га леса в Кировской области определена в пределах 0,12-13, а в том же научно-опытном хозяйстве – 0,88-1,0 (Глушков, Панкратов, 2011).

Научно-опытное хозяйство расположено на границе трех районов Кировской области, в любом из которых за пределами этого хозяйства немало лесопокрытых территорий, по которым можно пройти зимой с десятков километров и не встретить лосиного следа. Если в этом хозяйстве осуществляется целая система мер по увеличению численности и интенсивности добычи лосей, то за пределами этого хозяйства, вероятно, как раз то, что и происходит с молчаливого всеобщего согласия...

Вряд ли иначе складываются обстоятельства в других областях, краях и республиках. По одной из оценок размер браконьерского отстрела лосей в России определен на уровне свыше 60 тыс. особей, что составляет более 9% осенней численности вида и превышает почти в 4 раза размер ежегодной легальной добычи лосей (Глушков, 2012). Можно полагать, что не лучше

ситуация с использованием других видов копытных и даже медведей. Если официально охоты на них производятся по специальным разрешениям - лицензиям, то ситуация с использованием ресурсов так называемых не лицензированных видов зверей и птиц едва ли лучше.

Однако это не повод для уныния, а убедительное доказательство того, что охотоведы оказываются непонятыми в обществе, где игнорируется известный опыт в разумном построении и сохранении отношений к ресурсам охотничьих животных. Это доказательство того, как много надо сделать, чтобы Россия смогла действительно гордиться охотничьими достижениями. Очаги отечественной охотничьей цивилизации, к сожалению, единичны, но главное, что они не иссякли. Это тот уникальный потенциал, который еще не поздно реализовать в масштабах всей страны.

Необходимо заметить, что это не сугубо российская проблема. Рассматриваемая ситуация существенно зависит от уровня социально-экономического развития любой страны и региональных особенностей современного состояния охотничьих ресурсов. Типичный пример противоречий и противоположностей — страны Африки, где современное противостояние людей и диких животных выражено наиболее четко. В целом же в мире не так и много стран, в которых уделяется много внимания решению проблем взаимодействия с дикими животными. Но и в таких странах неизбежно возникает немало спорных ситуаций с неоднозначной социальной оценкой.

Выделяются даже во многом общие ситуации, истекающие из сложившихся основ построения иерархии в человеческом обществе. Давнее и типичное практически по всему миру противоречие в формировании государственных и общественных структур с функциями управления и исполнения. Карьеристы и профессионалы, назначенцы и выдвиненцы, работоспособные и нет и многие другие неравнозначные по происхождению и социальным оценкам типажи. Даже в США на примере решения проблем с дикими животными замечено, что на государственных и высокооплачиваемых должностях чаще оказываются люди, менее компетентные и более близкие к властным структурам, что в целом заметно сдерживает своевременное распределение средств, принятие необходимых решений и ликвидацию возникающих неурядиц (Smith, 2011).

На фоне глобальных процессов урбанизации изменяется отношение в обществе к охоте и к охотникам. Среди разных слоев населения и даже ученых разного профиля оно уже весьма противоречиво. Парадокс в неприятии обоснованных научных положений о роли охоты в регуляции отношений человека и диких животных и поддержания устойчивого состояния охотничьих ресурсов. Это следствие низкого уровня доверия охотничьему сообществу из-за разного стиля мышления людей, в том числе и ученых с базовым экологическим образованием, и представления охотничьих ценностей. Не удивительны в этом плане выводы аналитиков охоты как исторического социального явления, призывающие расширить информационно-пропагандистскую деятельность и диалог ученых с целью повышения уровня общественного понимания охоты и управления охотничьими действиями в мировом масштабе (Paulson, 2012).

Отмеченная ситуация вполне закономерна. В образном выражении новые поколения людей – порождение урбанизированной мировой среды, в которой уже нет очагов для формирования жизненного интереса к диким животным и охоте. Естественное продолжение многовековой преемственности охотничьего опыта и традиций становится воочию проблематичным. Дикие животные и необходимость разумного сосуществования с ними могут чаще оказаться поводом для размышлений лишь в случае неожиданных инцидентов, в которых диким животным предуготовлена лишь участь источников беспокойства. Такую ситуацию нельзя игнорировать из-за очевидных последствий. Многому из бывшего богатейшего опыта взаимодействия людей с миром диких животных грозит забвение.

Развития ситуации в этом направлении можно избежать лишь при одном условии. Прежде чем пытаться оставить в наследие будущим поколениям радовавшие человечество достопримечательности дикого мира природы необходимо позаботиться о том, чтобы обеспечить новые поколения соответствующими знаниями. В том, что незнание граничит с невежеством, почвой для процветания многих человеческих пороков и заблуждений, убеждает масса не только исторических фактов, но и современных событий.

Вполне обоснованны, например, рассуждения о необходимости подготовки специалистов по проблемам взаимодействия с дикими животными, по проблемам предотвращения наносимого

ими беспокойства и ущерба. В США эта идея поддерживается не только сотрудниками департамента сельского хозяйства, но и сотрудниками различных транспортных служб и страховых компаний (Tegt, Jones, West, 2010). Авторы справедливо замечают, что многочисленные неурядицы в современном сосуществовании людей и диких животных - это проблема не одной страны, а в целом цивилизованного мирового сообщества.

Разработка и реализация решений этой проблемы видится в русле развития общечеловеческой культуры, совершенствования процессов образования, формирования осознания неразрывности сосуществования людей и диких животных в предстоящем будущем.

ПОИСКИ РЕШЕНИЙ

Даже краткий обзор информации свидетельствует, что процесс взаимодействия людей и диких животных к настоящему времени становится все более многогранным. Причины этого кроются в непрекращающемся поиске решений защищать людей и избавлять общество от угроз и неприятностей, исходящих от свободно живущих зверей и птиц. Анализ этой деятельности может оказаться неполным, если не учитывать того, какими последствиями для людей и животных могут сопровождаться предпринимаемые и планируемые меры защиты.

Подробно оценить все многообразие действий и ответных реакций сложно. Это может быть целью отдельных специальных исследований. В то же время обсуждение наиболее массовых мероприятий, уже известных и явно предполагаемых последствий представляет несомненный интерес. В отношении некоторых событий высказаны противоречивые суждения, потому продолжение дискуссии не лишено познавательного замысла.

Опасные животные

На бессмысленный, на первый взгляд, вопрос о том, больше людей или хищников стало жертвами их естественного противостояния на планете, точно ответить невозможно. Однако многие тысячелетия сосуществования можно рассматривать весомым аргументом для логичного однозначного ответа. Лишь в последние тысячелетия опасные животные получили достойный отпор от людей, на стороне которых оказались коллективизм и металлические орудия нападения и защиты. Продолжающиеся случаи нападения крупных млекопитающих на людей, с такой точки зрения, не что иное, как современное отражение процесса свершения обыкновений дикой природы.

Причины и поводы нападения понятны и широко известны. Наиболее вероятные – самозащита, защита потомства и сородичей, добытой жертвы, обжитого места обитания. В числе других можно рассматривать спровоцированные неадекватным поведением человека действия, когда он выступает в роли раздражителя инстинктов нападения и преследования, в частности, порой напрасные попытки напугать животных или спастись бегством.

Нельзя исключать и предпосылки трофического характера, когда человек воспринимается хищником как потенциальная жертва. Нельзя забывать об этом и при содержании таких животных под опекой человека.

В настоящее время вряд ли ошибочно суждение о том, что в большинстве случаев в развитии такого рода трагических событий можно обвинять самих людей. Порой даже не жертв нападений, а тех, из-за которых другие оказались в опасной для них ситуации. Вероятность таких инцидентов напрямую связана с вероятностью встреч с опасными животными. В этом логично усматривать одно из первых и главных направлений в решении проблемы – избегать возникновения такого рода конфликтных ситуаций. Если же конфликтной ситуации не удалось избежать, то следующим разумным решением может быть только последовательность действий, исключающая нежелательные последствия.

В том, что нужны достоверная информация о местах нахождения опасных животных и знания того, как вести себя в сложившихся критических ситуациях с такими животными, не приходится сомневаться. Общество ближе к эффективному решению проблемы, если это заранее предусмотрено, то есть, организованы служба мониторинга дикой природы и пропаганда соответствующих знаний об опасностях, исходящих из этой дикой природы. Можно сформулировать очень простое заключение. Изначально и в целом решение проблемы должно базироваться на ликвидации невежественного отношения к опасным для человека животным.

Показательный пример – сложившееся отношение к медведям в Северной Америке. Бесчисленное число жертв нападений среди охотников, рыбаков, фотографов дикой природы, туристов, участников различных экспедиций и просто сельского населения послужили поводом для формирования в целом единой системы профилактики инцидентов с медведями в США и Канаде. Издано множество печатных инструкций и снято немало фильмов о том, как избежать встречи с медведями и как вести себя в чрезвычайных ситуациях с этими хищниками. В промышленном масштабе выпускаются специальные средства защиты, среди которых широко известны баллончики с отпугивающими аэрозолями. Проблема регулярно обсуждается в средствах массовой информации. Множество общедоступной ин-

формации представлено на самых различных интернет-сайтах (www.livingwithbears.org.; www.americanbear.org.; www.bear.org).

Пример показателен еще и тем, что отчетливо демонстрирует актуальность обсуждаемой проблемы. Несмотря, казалось бы, на обстоятельно организованную систему профилактики неприятные инциденты с медведями продолжают. В Канаде в провинции Британская Колумбия за период 2001-2008 гг. официально зарегистрировано 2 смертельных случая в результате нападения на людей черных медведей, 1 – в результате нападения гризли, а также 74 случая получения ранений в инцидентах с этими хищниками. При этом сотрудниками регионального министерства окружающей среды уточнено, что случаи ранений регистрируются лишь тогда, когда пострадавшим оказывается врачебная помощь в лечебном заведении не менее суток. С учетом этого обстоятельства высказывается предположение о том, что число людей, ежегодно терпящих неприятности от контактов с медведями исчисляется сотнями.

Несведущему человеку, вероятно, в это трудно поверить, но следующие факты могут изменить такое мнение. По официальной информации того же министерства только в период 2004-2009 гг. в Британской Колумбии было ежегодно убито около полутысячи черных медведей и около сорока медведей гризли из-за реальной или мнимой угрозы безопасности человека (www.env.gov.bc.ca/cos/info/bearaware/). Основные причины по-прежнему кроются в невежественном отношении людей к обитающим рядом медведям, которых естественным образом привлекают не утилизируемые надлежащим способом пищевые отходы.

Эти факты также убеждают в парадоксальном заключении. Даже намеренное уничтожение опасных животных – отнюдь не радикальное решение рассматриваемой проблемы. Хотя именно такие действия до настоящего времени общепризнанны безотлагательными для прекращения инцидентов с тиграми и львами людоедами, слонами убийцами и другими, ставшими явно опасными для людей животными в пределах конкретной территории.

На этом фоне российская практика отношения к таким чрезвычайным происшествиям, как нападения опасных охотничьих животных на людей, представляется заметно иной. Как правило, это лишь подходящий материал для местных средств массовой информации. Однако можно не сомневаться в былом и нынеш-

нем наличии самых разнообразных инструкций и указаний ведомственного характера для работников лесного хозяйства, геологов, топографов, туристов и прочего люда, который по роду своих занятий и увлечений не лишен вероятности встреч с опасными охотничьими животными в их естественной среде обитания. Очевидно, в каждом таком документе подчеркнута необходимость специальных знаний и навыков для того, чтобы избежать неблагоприятного развития событий и остаться живым и невредимым при чрезвычайных обстоятельствах с участием опасных животных.

В настоящее время логично придать такого рода наставлениям иной, более высокий социальный статус. Они могут быть учтены при преподавании учебных дисциплин, например, таких как обеспечение безопасности жизнедеятельности человека. Не лишено здравого смысла их опубликование массовым тиражом для очень широкого круга лиц, не потерявших жизненный интерес к дикой природе, как это сделано в ряде случаев за рубежом.

Примечателен в связи с этим лишь пример такого рода издания прошлых лет, в котором рассмотрены аспекты логичного поведения людей при встрече с медведями (Корытин, 1993). Заслуживает внимания и полезное по содержанию издание «Амурский тигр. Рекомендации по поведению людей и содержанию домашних животных в местах обитания тигра», но почему-то с неизвестной датой опубликования и с непонятным примечанием о том, что «данные рекомендации действуют на территории Приморского и Хабаровского краев...».

Может быть, именно поэтому отчасти досадно констатировать, как в настоящее время на многих русскоязычных интернет-сайтах представлены разные суждения и поучения по поводу встреч с тиграми и медведями без указания источников информации, без отображения авторских прав. Формальное доказательство невежественного отношения к людям, нежелания официально и компетентно решать непростые вопросы взаимодействия с опасными представителями дикой природы.

Об окончательном решении проблемы нападения на людей опасных диких животных нет смысла рассуждать. Это те представители животного мира планеты, которые только «с боем» сдают заполученные в дикой природе позиции перед чрезмерным натиском человеческой цивилизации. По такому непросто-

му поводу можно высказать очень простое по смыслу мнение. В возможных инцидентах с такими опасными животными самому большому риску подвержен безграмотный человек. Это явно потенциальная жертва. Только объективная оценка ситуации и соответствующие действия во избежание трагических последствий могут быть залогом к благополучному исходу такого рода инцидентов. Разумнее целенаправленно влиять на сознание людей, чем пытаться упорно противостоять законам выживания диких животных и жестоко им противодействовать.

Закономерен вопрос о контроле численности и использовании ресурсов опасных охотничьих животных. Не логично оспаривать суждение о том, что снижение их численности снижает вероятность трагических инцидентов. Однако численность многих из них в пределах отдельных территорий и в целом в пределах известного бывшего видового ареала и так сведена до критического для выживания уровня, а численность народонаселения на планете неуклонно растет. В такой ситуации едва ли можно всеобъемлюще ответить на этот вопрос. Легко поясняемая и широко ныне практикуемая тотальная охрана таких животных – консервативный подход к решению проблемы, а ситуация во взаимоотношениях явно динамична. Следовательно, логично полагать и о динамичных подходах к решению проблемы.

Во избежание трагических инцидентов и ради сохранения ресурсов таких животных, очевидно, требуется активное разумное вмешательство в процессы взаимодействия. Можно усматривать перспективы в достижении множества локальных компромиссов ради благоразумного решения проблемы в целом. Для этого цели охраны не должны исключать возможности использования ресурсов, а разрешенная официально практика использования ресурсов должна в большей мере соответствовать целям сохранения безопасности людей.

В то же время нельзя не заметить, что человечеством уже широко практикуется один из способов кардинального решения проблем сохранения исчезающих в дикой природе хищников. В последние десятилетия на разных континентах и в разных странах такие животные становятся все более массовыми объектами зоокультуры. Многие из них уже не в тесных клетках по одиночке, а в солидных по площади вольерах семейными группами, с гарантированным ветеринарным обслуживанием, с прописанными в несколько поколений родословными.

Следующая проблема – защита одомашненных животных от хищников из дикой природы. Истоки и сущность проблемы давно понятны из-за нескончаемых с исторических времен и почти повсеместных жертв нападений из числа сельскохозяйственных животных. Ничуть не утратившая злободневности тема при не уменьшающейся масштабности наносимого ущерба.

Историческая фигура пастуха, а нередко и в окружении пастушьих собак, демонстрирует одно из старых и доступных решений проблемы. Чабан, ковбой, гаучо и, вероятно, еще не один десяток не переведенных на русский язык названий профессии. Не без оснований можно полагать и о соответствующем количестве наименований помогающим пастухам собак. Отчасти это подтверждается использованием в настоящее время термина «пастушьи и скотогонные породы» в классификации пород собак, разработанной Международной кинологовической федерацией (Fédération Cynologique Internationale). Удостоиться внимания на столь высоком уровне можно только за неподдельное проявление сторожевых качеств и незаменимую помощь человеку.

В таком историческом решении проблемы появились интересные современные аспекты. В частности, использование пастушьих собак не только в качестве охранников и загонщиков скота, но и с целью сохранения редких видов хищных зверей. На юге Африки для предотвращения распространившегося намеренного уничтожения гепардов местными скотоводами для них специально завезли анатолийских пастушьих овчарок. Случаи нападения гепардов на сельскохозяйственных животных стали более редкими. Эту идею активно поддержал международный фонд защиты гепарда (Cheetah Conservation Fund).

Содержание чужеземных собак в иных условиях климата и людьми, не имеющими опыта собаководства, не обходится без проблем. Дрессировка, кормление, лечение и, конечно, разведение новоявленных помощников требуют новых знаний и накопления навыков. В то же время заметными темпами широко распространяется осознание того, что нашлось эффективное и безопасное средство противодействия диким африканским хищникам. Например, в отчете за 2011 г. указано, что сотрудниками фонда отслеживается судьба 146 анатолийских овчарок в Кении, Намибии и Южной Африке, выражается надежда на дальнейшее успешное распространение практики использования пастушьих собак ради сохранения гепардов в естественной среде обитания

(Cheetah Conservation Fund. 2011 Progress Report. Otjiwarongo. 2012. 99 p.).

Наиболее злободневна рассматриваемая проблема для овцеводов. Именно этот мелкий рогатый скот соблазнителен для большинства хищных зверей, что побудило к самым экстравагантным экспериментам в поисках надежной и удобной его охраны. На первый взгляд, может показаться очень странным, но опытным путем выявлены возможности использования для охраны овец от некрупных хищников таких же опекаемых человеком животных как лама, альпака, осел, кенгуру, страус и гусь. Способности этих животных предупреждать о приближении хищников и даже иногда отпугивать их от стада овец порой удивительны. Особенную популярность снискали ламы, взрослым самцам которых доверяют пасти стада овец в 250-300 голов в надежде на эффективную защиту от койотов и им подобных хищников. Аналогичным образом рекомендуется использовать ослов, быстро смыслящих, что на них возлагается роль вожака и защитника целого стада более мелких копытных животных ([www.sheep101.info/201/guardians.](http://www.sheep101.info/201/guardians))

Вероятность нападений на скот, как правило, возрастает в вечернее и ночное время суток. Спасением от хищников в такой ситуации с древнейших времен остается прочный забор, за который загоняется скот перед наступлением темноты. К настоящему времени ограждения такого рода стали широко использоваться и при выпасе сельскохозяйственных животных для распределения их нагрузки на пастбища. С развитием животноводства существенно менялись конструкции таких сооружений, а для их изготовления стали широко использовать не только камень и дерево, но и металл и пластмассы. Реакция многих хищников на такие преграды оказалась неожиданной. Подкоп ими грунта под любым искусственным барьером открывал возможности для продолжения хищнических устремлений.

Для предотвращения таких ситуаций стали использовать электрический ток. Отпугивающий электрический разряд неизбежен для любых животных при соприкосновении с металлическими частями ограждения. Благодаря этому так называемые электрические заборы помогают управлять и самим скотом. Перспективы использования электричества в этом деле с учетом современных возможностей производства всякого рода электронных охранных устройств, очевидно, не исчерпаны. Новинки

же такого рода доступны для приобретения и использования в животноводческих хозяйствах практически по всему миру (www.electricfencesystems.com; www.electricfencetips.com; www.afence.com).

В настоящее время не будет сенсационным обсуждение темы и о нападениях хищников на домашних питомцев. Пропажи не содержащихся на привязи собак после захода волков в какую-нибудь дальнюю деревню, исчезновение в местах обитания хищников охотничьих собак, а также их собратьев, просто взятых домочадцами на лесную прогулку. Почти что сказочные истории про лис, петухов и кроликов можно пополнить перечнем историй с участием таких персонажей как шакалы, койоты, хорьки, мангусты. Происходящие на бытовом уровне инциденты обычно не предаются широкой огласке и не систематизируются, возможно, из-за того, что нередко возникают сомнения в достоверности такого рода информации. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что все они имеют общую подоплеку, указывающую на принципиальное решение проблемы. Жертвы нападений не защищены надежно от нападающих хищников человеком, ответственным морально за их безопасность.

Немало хлопот и неприятностей доставляют и безопасные, на первый взгляд, растительоядные охотничьи звери и птицы. Европейским и североамериканским специалистам в сфере сельского и лесного хозяйства хорошо известно, что могут съесть, погрызть и затоптать лоси, олени, кабаны, гуси и даже мелкие птицы при высокой плотности их населения. В Африке и юго-восточной Азии в деструктивные трансформации сельскохозяйственных и лесных культур разнообразными и порой многочисленными копытными заметную лепту привносят опасные и для самих людей слоны. Предотвращение наносимого в таких случаях ущерба становится жизненной необходимостью, а стоимость затрат на противостояние такого рода вредителям достигает экономически значимых величин.

Очевиден отчасти антагонистический характер ситуации. Человек вынужден защищать от хищников одомашненных фитофагов, а от свободно живущих фитофагов вынужден защищать посевы и посадки пищевых, кормовых и древесных культур. Примечательно и в целом эффективное одинаковое решение этих проблем. Только четкая граница в виде прочного забора, разделяющего естественные и искусственные, созданные чело-

веком сообщества животных и растений. Противоречивость ситуации можно подчеркнуть иносказательно так, как будто бы человека, покидающего мир дикой природы, преследуют многие проблемы лишь потому, что он забыл запереть за собой проход.

Формально появление и последующее массовое сооружение заборов можно рассматривать результатом развития и воплощения в материальный мир собственных интересов человека. Функции охраны и защиты таких сооружений остались прежними, но со временем существенно изменилась их оценка как массовых объектов среды его проживания. Не удивительно, например, что к строительству разного рода ограждений в настоящее время во многих случаях предъявляют эстетические требования. Учитывают даже то, чтобы будущее сооружение как новый элемент ландшафта не вызывало отрицательных эмоций.

Особого внимания заслуживает многообразие целей, с которыми ныне сооружаются и эксплуатируются искусственные ограждения. Разграничение земельных владений. Охрана мест проживания людей и содержания домашних и сельскохозяйственных животных. Защита производственных, военных и других социально значимых объектов от проникновения посторонних лиц и животных. Предотвращение трагических инцидентов на авиа, авто и железнодорожных транспортных магистралях. Ограждение в местах проживания и рекреации строительных площадок, водотоков, крутых склонов и других мест, где люди и животные могут оказаться в угрожающей их жизни и здоровью ситуации.

Достижение многих целей неизбежно сопряжено с возникновением конфликтных ситуаций в отношениях между людьми. В частности, из-за разногласия между соседями из-за вида и размеров забора, затрат на его сооружение и эксплуатацию. Из-за ограничения доступа соседей к близлежащим территориям и объектам социального назначения. Из-за препятствования деятельности пожарных, полицейских, почтовых и других безотлагательных служб. Практически в каждом случае можно усмотреть аспекты ограничения свободы действий каких-либо лиц, почему истари во многих странах мира забор оказывается предпосылкой для разного рода неофициальных и официальных разбирательств, формирования норм общественного поведения и даже законодательства.

Типичный пример прошедшего десятилетия – реализация замысла о сооружении надежной преграды на границе США и Мексики с целью предотвращения нелегальной миграции населения и нелегальных потоков предметов потребления. Формально сооружение такого масштабного ограждения нарушало десятки действующих законоположений США, требовало учета ратифицированных межгосударственных соглашений. Ожесточенные дискуссии по этому поводу на разных уровнях законодательной и исполнительной власти и в средствах массовой информации продолжались не один год. Масса возмущений со стороны местного населения, землевладельцев, различного рода хозяйствующих субъектов, общественных деятелей, ученых и даже политиков.

В целом ситуация исключительно противоречива, но в то же время представляется вполне закономерной. Начавшаяся тысячелетия назад история масштабного разграничения территорий и народов искусственными барьерами продолжается. Великая Китайская стена исторически отражается в таких же по замыслу барьерах между США и Мексикой, Израилем и сектором Газа, многокилометровыми стенами в Северной Ирландии и стеной, еще недавно разделявшей Берлин. Современные прочные железобетонные сооружения высотой в 6 – 9 м отчетливо подчеркивают злободневность и необходимость именно такого решения возникших между людьми острых конфликтных ситуаций.

Некоторые актуальные проблемы социального плана из-за сооружения барьера на границе США и Мексики были со временем во многом разрешены (www.borderwallinthenews). Однако последствия трансформации окружающей среды надолго остались предметом для обсуждения экологами и фаунистами. Смысл заявлений о негативном влиянии столь значительного искусственного ограждения на окружающую среду можно вкратце выразить следующим образом.

Уничтожение лесорастительного покрова. Изменение стока поверхностных вод, вследствие чего начались эрозия почв, наводнения, заболачивание отдельных территорий. Фрагментация мест обитания обычных и редких, находящихся под особой охраной животных. Нарушение режима охраны природных объектов на заповедных территориях, в том числе и в пределах уникального заповедника в устье реки Тихуана в штате Калифорния. Все это в малой или значительной степени уже отрази-

лось на условиях произрастания и обитания множества видов растений и животных и, конечно, на условиях проживания людей (A Barrier to our Shared Environment..., 2007).

Типичное следствие – возобновление острых дискуссий по проблемам сохранения популяций ягуара, оцелота, пустынных черепах и не только этих уже редких в настоящее время животных. Главный повод к этому – ограничение возможностей передвижения животных, нарушение пространственной и генетической структуры популяций. Вероятно, возводимый человеком барьер надолго останется непреодолимым препятствием для большинства наземных позвоночных местной фауны. Нельзя забывать о масштабах задуманных преобразований. Может появиться искусственный барьер континентального масштаба, разграничивающий Северную Америку мертвой полосой в тысячи километров от берегов Тихого океана до берегов Мексиканского залива океана Атлантического.

В современном мире уже не привлекают внимания обывателя барьеры, явно в целом более протяженные и так же непреодолимые для людей и зверей, разделившие поверхность планеты по территории многих государств вдоль транспортных магистралей, искусственных водотоков и различного рода владений и учреждений. Вряд ли кто-то специально пытался оценить масштабы такого явления в мировом масштабе, но трудно не согласиться с тем, что современные миллионы километров искусственных преград – ранее не ведомое дикой природе обстоятельство, недооценивать влияние которого на условия обитания охотничьих зверей и птиц, конечно, нельзя. Проявившийся не естественным путем по воле человека и так масштабно фактор изоляции, вне сомнения, не лишен влияния на биологические процессы той же роли, какую оказывали естественные преграды в эволюционном развитии животного мира на планете (Fencing for Conservation..., 2011).

Нет никаких сомнений в том, что именно такое давнее и тривиальное сооружение как забор и в ближайшее время будет основным ключом в решении проблем сосуществования между собой людей с разными жизненными интересами и сосуществования людей и диких животных. Какими бы современными названиями не нарекали возводимые людьми преграды, сущность привносимых ими изменений в окружающую среду останется прежней.

Из прошлого и явно предполагаемого развития тенденций к разграничению территорий искусственными барьерами логично формулируется не очень утешительное для многих охотников предположение. Это неизбежность превращения планеты в глобальную систему разного рода зоопарков и зверинцев, где люди и охотничьи животные будут сосуществовать по разные стороны от искусственных преград, а название охотничьих зверей и птиц дикими будет утрачивать свой изначальный смысл.

Заразные болезни

Серьезную опасность для здоровья людей и одомашненных животных и экономическую проблему в случаях необходимого медицинского вмешательства представляют болезнетворные организмы из дикой природы. Если объективно понимать, что современное множество их видов – закономерное и неотъемлемое явление развития живой природы, то с такой точки зрения представляется очевидной бессмысленность устремлений к их тотальному уничтожению. В то же время в искусственно созданной и донныне расширяющейся среде проживания и хозяйствования людей биоценотические роли болезнетворных организмов явно утрачивают свое естественное значение.

Становятся актуальными проблемы противодействия, то есть проблемы организации деятельности людей, исключаяющей или существенно снижающей распространение любых заболеваний из дикой природы. В истории этого противодействия прослеживаются особенности и закономерности, которыми с большой вероятностью человечество воспользуется в развитии отношений с миром диких животных.

Ни в коем случае нельзя забывать, что современный рост народонаселения на планете не в малой мере предопределен целенаправленными усилиями по ослаблению негативного влияния инфекционных заболеваний. Деятельность в этом направлении продолжается и расширяется. В России, например, в 2011 г. одним из приказов Минздравсоцразвития утвержден так называемый национальный календарь профилактических прививок населения. Этим документом определены типы и сроки вакцинаций, проводимых бесплатно в массовом порядке в соответствии с государственной программой обязательного медицинского страхования. С первых часов после рождения и до 14-летнего

возраста каждому россиянину предоставлена возможность вакцинации против вирусного гепатита В, туберкулеза, дифтерии, коклюша, столбняка, полиомиелита, гемофильной инфекции, кори, краснухи, эпидемического паротита. Предусмотрена также бесплатная ревакцинация детей и взрослых против особо опасных инфекционных заболеваний.

Такие же государственные программы реализуются во многих развитых в социально-экономическом отношении странах мира. Широко распространилась практика добровольной медицинской помощи населению в развивающихся странах Азии, Африки, Центральной и Южной Америки. Это объективные предпосылки для расширения практики вакцинации населения и против других инфекционных заболеваний, распространению которых свойственен лишь региональный характер. Результаты такой деятельности неоспоримы - снижение детской смертности и предотвращение эпидемий глобального масштаба, еще типичных для не столь давней истории человечества.

Как показательный результат масштабной вакцинации не одного поколения людей на планете – завершение кампании по искоренению вируса натуральной оспы. Об этом Всемирная организация здравоохранения официально заявила в 1980 г. Еще несколько столетий назад от этого вирусного заболевания вымирали миллионы людей во времена эпидемий, охватывающих не только страны, но огромные территории континентов. В настоящее время образцами вирусов натуральной оспы официально обладают США и Россия, не соглашающиеся с неоднократными настояниями Всемирной организации здравоохранения по их уничтожению.

Таким же образом оказались защищенными домашние и сельскохозяйственные животные. Практика профилактики инфекционных заболеваний собак, кошек, кроликов, овец, свиней, крупного рогатого скота и птиц, вероятно, еще более обширна. Разные виды находящихся под опекой человека млекопитающих и птиц страдают от разных инфекционных заболеваний. Для сохранения их здоровья в современном мире производятся в промышленном масштабе десятки видов вакцин против соответствующего количества наиболее опасных недугов. Только в России для успешного разведения крупного рогатого скота и свиней рекомендуется использование почти тридцати видов вакцин, иначе ущерб от инфекционных заболеваний может сделать эти

отрасли животноводства экономически невыгодным занятием (Инфекционные болезни животных, 2007).

Масштабными усилиями ученых и ветеринаров разных стран мира удалось, например, практически избавиться от такого недуга как чума крупного рогатого скота. В мае 2011 г. Всемирная организация здравоохранения животных (World Organisation for Animal Health) уведомила о том, что это заболевание больше не регистрируется в 198 странах, а непонятная ситуация в оставшихся 8 странах не может быть угрожающей из-за надежных мер противостояния этому недугу. Можно надеяться, что развитие ситуации завершится таким же образом, как это произошло в случае противодействия возбудителям натуральной оспы.

Если профилактика инфекционных заболеваний человека и одомашненных животных представляется вполне осуществимым процессом, то о поголовной или, хотя бы, массовой вакцинации нарождающегося молодняка и уже половозрелых свободно обитающих охотничьих животных, конечно, не может быть и речи. Этим же выражением можно охарактеризовать и помыслы о ревакцинации одних и тех же особей в необходимые для этого сроки. Такое же заключение логично истекает из даже элементарного сопоставления обширных перечней опасных инфекционных заболеваний и видов охотничьих животных мировой фауны.

В то же время в эпоху экспансии возможностей человеческого рода не удивительны помыслы о том, что теряется смысл разделять проблемы сохранения здоровья людей и опекаемых ими животных и проблемы сохранения здоровья окружающих их диких животных. Ради благополучия первых логично приступать к искоренению источников наиболее опасных заболеваний и в дикой природе. Решение такой проблемы явно невыполнимо на уровне каких-либо индивидуальных устремлений, почему первых ожидаемых результатов удалось достичь лишь в результате масштабных коллективных усилий.

Исключительно показательны примеры решения проблем, вызываемых циркуляцией вируса бешенства в дикой природе, откуда он регулярно проникает в среду содержания одомашненных животных и среду проживания людей. Носителями вируса бешенства в естественной среде обитания зарегистрированы в основном плотоядные звери, например, типичные для российской территории волки, лисы, шакалы, а также летучие мыши.

Предполагается о существовании нескольких разновидностей этого вируса, что соотносится с видом его носителя и особенностями территориального распространения. Наиболее опасна для людей предрасположенность к этому заболеванию собак и кошек, миллионы которых ежедневно контактируют с детьми и взрослыми в самых разных частях планеты. Заболевание людей и животных бешенством официально зарегистрировано более чем в 150 странах мира, то есть на большей части территории планеты (www.who.int/ru/index.html).

Согласно обобщаемой Всемирной организацией здравоохранения информации за последние десятилетия в мире ежегодно от заболевания бешенством умирало 50-55 тыс. человек. В последние годы ежегодно свыше 20 млн. получали вакцину от бешенства в случае неожиданных укусов собаками. Наиболее неблагоприятная ситуация сохраняется до сих пор в Индии и Китае и в целом в Азии и Африке. Стоимость полного курса лечения при подозрении на заражение вирусом бешенства составляет примерно 100 долларов США, в то время как вакцинация одной собаки обходится всего лишь в половину доллара. Именно вакцинация домашних питомцев и была признана наиболее доступной и эффективной мерой предотвращения заболевания людей бешенством.

В Шри-Ланке, например, регулярная вакцинация собак сопровождалась снижением смертности людей от бешенства более чем с 350 случаев в 1973 г. до 50 случаев в 2010 г. Аналогичные результаты достигнуты в Таиланде, где смертность людей от бешенства снизилась со 170 случаев в 1991 г. всего лишь до 7 случаев в 2011 г. Такие достижения даже послужили поводом для разработки в некоторых странах Юго-Восточной Азии, Центральной и Южной Америки государственных программ ликвидации заболеваний бешенством людей до 2015 или до 2020 гг.

Наряду с этим особо отмечается, что случаи смертельного исхода от бешенства при контакте людей с дикими животными повсеместно регистрируются очень редко. В то же время именно млекопитающие в естественной среде обитания остаются неконтролируемыми переносчиками вируса. Неожиданная для людей опасность распространения заболевания всегда остается. Замысел о вакцинации диких животных против бешенства начал обсуждаться во второй половине прошедшего столетия, тогда же начались явно не лишённые авантюризма эксперименты.

В Германии, например, в середине прошедшего столетия возникла серьезная проблема с распространением вируса бешенства, в котором обвинялись преимущественно лисы. Ни интенсивный отстрел этих хищников, ни попытки их уничтожения ядами не приводили к значительному улучшению ситуации. Лишь промышленное производство приманок с вакциной против бешенства и применение авиации для оперативной обработки мест обитания плотоядных зверей позволили достичь желаемых результатов. О масштабах предпринятых усилий красноречиво свидетельствует тот факт, что только в 1995 г. приманками с вакциной была обработана территория площадью в 215 тыс. кв. км.

Доказательством эффективности многолетних целенаправленных действий рассматривают изменения в количестве регистрируемых случаев заболевания бешенством. Если официально в 1983 г. было отмечено 10 484 таких случая, то в 1999 г. – всего лишь 56. Последние единичные неприятности с бешенством произошли в 2006 г., после чего было заявлено, что Германии удалось искоренить бешенство как зоонозное заболевание, начальным источником которого были плотоядные дикие звери (Freuling et al., 2008). Однако кампания по очищению окружающей среды от вирусов бешенства не была свернута. Накопленный опыт было решено использовать в противодействии распространению бешенства летучими мышами.

Масштабные мероприятия против распространения вируса бешенства в окружающей среде ежегодно предпринимаются в США. С 2005 по 2010 гг. действия огромного числа заинтересованных в этом деле людей координировались в рамках специально разрабатываемых национальных программ (USDA Rabies Management National Program). В этот период ежегодно использовалось от 6,5 до 9,5 млн. приманок с вакциной в 15 восточных штатах, где ситуация с заболеванием сельскохозяйственных и домашних животных и людей бешенством была признана наиболее неблагоприятной. Целевым природным объектом был выбран енот-полоскун, для которого была подобрана пищевая приманка с вакциной и разработаны способы ее круглогодичного применения. Небезынтересно заметить, что окончательный вариант приманки был протестирован на 60 видах млекопитающих, но не был рекомендован к использованию для вакцинации собак и кошек.

Об окончательном или скором разрешении проблемы пока умалчивается, но подсчитывается, во что в целом обходится кампания по противодействию распространению вируса бешенства по территории страны. С учетом прямых и многочисленных сопутствующих затрат, среди которых и затраты на образовательные мероприятия, ежегодные издержки определяются на уровне 300 млн. долларов (www.aphis.usda.gov/publications/oral-rabies_2011).

Известные из-за рассматриваемых проблем территории обширны в мировом масштабе, а Германия и США не единичны в современном перечне стран, в которых предпринимались активные действия по искоренению бешенства. Именно поэтому не будет преувеличением суждение о том, что подобная практика в ближайшие десятилетия будет совершенствоваться и расширяться за пределы Европы и Северной Америки. Не избежать этой участи и России, хотя бы потому, чтобы не оставаться естественным источником столь опасного вирусного заболевания.

Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора информирует, например, что в 2011 г. в России было официально зарегистрировано 13 случаев заболевания людей бешенством, а за первые шесть месяцев 2012 г. - еще 4 случая. Это весьма малая величина в сравнении с количеством регистрируемых случаев бешенства среди животных. В частности, за период 2000-2009 гг. более чем по 5 тыс. таких случаев произошло в 2005 и 2007 гг. В числе 5 503 случаев регистрации заболевания бешенством в 2007 г. было 2 647 диких зверей, 1 479 собак и кошек и 1 377 сельскохозяйственных животных. В целом это типичное для десятилетнего периода наблюдений распространение заболевания среди разных животных. Более половины регистраций было приурочено к территории Центрального и Приволжского федеральных округов (Сургучева, Литвинов, Боровой, 2011).

Известна официальная реакция на такие события. В постановлениях Главного государственного санитарного врача РФ за последние годы прописан ряд обязательных для исполнения организационных и профилактических мер, в числе которых и мероприятия по иммунизации против бешенства диких плотоядных животных. Покровский завод биопрепаратов во Владимирской области начал производство вакцин для оральной иммунизации диких плотоядных животных против бешенства. О при-

менении этой продукции в охотничьих угодьях некоторых областей и республик, в частности, от Тверской области до Хакасии, можно было узнать из средств массовой информации.

В то же время невозможно ответить на логически возникающие вопросы. На положительный результат по опыту зарубежных стран можно надеяться только в случае многолетнего и масштабного применения вакцины в пределах одних и тех же, но больших по площади территорий. Это должно быть соотносено с особенностями хранения, транспортировки и применения вакцины, а также со сроками ее профилактического действия в организмах плотоядных животных. В данном случае особенно настораживает требование к хранению отечественной вакцины при отрицательной температуре, что, вероятно, существенно ограничивает возможности ее эффективного применения.

Вполне очевидно, что для осуществления многолетних и масштабных мероприятий необходима четкая программа действий, которой предусмотрено финансирование всего объема работ. Нельзя забывать о российских просторах, одном из явных препятствий к достижению цели. Неупорядоченность уже предпринятых действий, истекающая, вероятно, в первую очередь из российских особенностей финансирования субъектов в регионах, изумляет. Это отчасти сравнимо с тушением большого лесного пожара разрозненными и недостаточно подготовленными группами людей. Может быть, когда-то и придет осознание того, что зоонозные заболевания такого рода не проблема отдельных территорий, а для ее решения необходимы волевые усилия федерального масштаба.

В целом же мировой опыт противодействия распространению вируса бешенства отчетливо демонстрирует новые возможности вмешательства человека в глобальные биологические процессы. Заимствованный из медицинской практики метод вакцинации уже невозможно отрицать в качестве перспективного направления действий для защиты диких животных от широко распространенных инфекционных заболеваний. Перечень известных для умеренных широт инфекций, таких как бруцеллез, туберкулез, туляремия, сибирская язва, заметно пополняется и характерными для тропических широт болезнями. Не сложно представить ближайшее будущее заинтересованных в решении этих проблем ученых, явно уже помышляющих о совершенствовании состава вакцин и способов их применения.

Можно акцентировать внимание на перспективах создания различных поли или мульти вакцин, направленных одновременно на противодействие разным инфекционным началам. Можно уповать на достижения генной инженерии, изобретение всевозможных синтетических вакцин, нановакцин, ДНК-вакцин. Можно рассуждать о перспективах таких научных подходов и к избавлению диких животных от широко распространенных хронических недугов. Не приходится сомневаться в перспективах разработки технических решений внедрения вакцин в организмы животных, среди которых уже обсуждаются возможности использования для этого системы органов дыхания.

Однако это всего лишь теоретические рассуждения. В действительности же проблема чрезвычайно сложна, а логические подходы к ее решению не всегда сопровождаются ожидаемыми результатами. Типичный пример – бруцеллез, от которого одинаково страдают дикие и сельскохозяйственные животные и контактирующие с больными животными люди. По информации Федерального центра гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора в 2011 г. в России было официально зарегистрировано 198 случаев заболевания людей бруцеллезом и только за первые шесть месяцев 2012 г. - 196 случаев. Вполне очевидны многократно большие масштабы распространения недуга среди сельскохозяйственных животных, а масштабы его распространения в дикой природе вряд ли известны вообще.

Основной ущерб животноводы терпят из-за неизбежного прекращения беременности коров, овец и свиней в случае заболевания определенными формами бруцеллеза. Таким же образом можно оценивать влияние бруцеллеза на состояние популяций диких копытных, естественному воспроизводству которых создается непреодолимое и длительное препятствие на весь период распространения заболевания. В этом, например, убедились американские исследователи, пытающиеся взять под контроль ситуацию с распространением возбудителей бруцеллеза в национальном парке Йеллоустон на обширной территории штатов Вайоминг, Монтана и Айдахо на северо-западе США.

Выборочное обследование бизонов на территории этого национального парка до сих убеждает в том, что около половины из них - скрытые носители возбудителей бруцеллеза. Аналогичная картина вырисовывается и при обследовании оленей. Это исключительно нежелательное явление для соседствующих с

парком скотоводов, а также явная потенциальная опасность распространения бруцеллеза в дикой природе мигрирующими из парка бизонами и оленями. По этой причине, например, в неблагоприятную для копытных зиму 1996-97 гг. было целенаправленно уничтожено 1 079 бизонов, вышедших из-за бескормицы с территории парка. Совершенствование вакцин и сильная непрекращающаяся вакцинация копытных в пределах национального парка до сих пор рассматриваются перспективными мероприятиями. Однако для радикального решения проблемы уже предлагается искусственная замена всего паркового поголовья бизонов на здоровых животных из других популяций (www.aphis.usda.gov/animal_health/.../cattle-bison).

Ситуация с заболеваемостью людей и животных бруцеллезом признается критической, например, в Индии. В прошедшем десятилетии в штате Пенджаб было специально проведено обследование местного скота с целью выяснения уровня заболеваемости бруцеллезом. Из 345 обследованных животных в 32 сельских поселениях примерно каждое шестое животное было признано больным или переболевшим бруцеллезом. Высказано предположение, что это типичный сценарий для сельской местности, из-за чего бруцеллез до настоящего времени можно рассматривать в числе наиболее опасных зоонозных заболеваний в пределах большей части территории страны (Aulakh et al., 2008).

С неизбежным решением проблем с инфекционными болезнями столкнулись сторонники развития сети национальных парков и различного рода резерватов с целью сохранения диких животных в Африке. Они были серьезно озадачены высокой смертностью травоядных и плотоядных зверей, причиной чего были практически нескончаемые проявления инфекционных заболеваний. Никому из них не удалось обойтись без привлечения квалифицированных ветеринарных врачей. Не безынтересны в этом отношении некоторые события, происшедшие, например, в конце истекшего столетия в Кении.

В заповеднике Масаи Мара, входящем в систему охраняемых территорий национального парка Серенгети, в 1995 г. около 300 львов, что оценено почти в 40% их общей численности, вымерли от чумы плотоядных. За два предыдущих года в национальном парке Цаво свыше 6 тысяч буйволов стали жертвами чумы крупного рогатого скота. Потери среди антилоп куду от этой ин-

фекции были оценены на уровне 90%. Не без оснований было выражено серьезное беспокойство за судьбу редких, находящихся на грани исчезновения копытных. До 2011 г. в пределах кенийских природоохранных территорий периодически регистрировалось заболевание диких животных сибирской язвой, очевидно, так остающееся неразрешимой проблемой для ветеринарных специалистов. Ситуацию за пределами охраняемых территорий контролировать практически невозможно.

В настоящее время кенийское правительство выделяет внушительные по объему средства для масштабной вакцинации диких животных. Это было бы невозможно без такого стабильного финансового источника как экологический туризм. Такова неоднозначная цена здоровья африканских зверей. Примечательно, например, что стало возможным даже регулярное использование авиации для отгона стад диких буйволов и других крупных травоядных от стад домашнего скота масаев с той же самой целью препятствования распространению инфекционных заболеваний (www.kenya-wildlife-service.org).

Вероятно, именно Африка в настоящее время стала грандиозным плацдармом для испытаний и масштабного использования вакцин и технических средств для их введения в организмы диких животных. Уникальны методы и достижения своеобразной дистанционной вакцинации посредством стрельбы шприцами-дротиками из различного оружия с вертолетов, машин и в результате наземного преследования самых разных африканских животных от слонов до некрупных копытных и хищников. Не исчерпаны возможности оральной вакцинации. Удивительны и цели. Во многих случаях это уже не отдельные особи, а целые стада или группы животных. На вакцинацию стада буйволов из 20 особей, если оно не скрыто в зарослях буша, опытные пилот вертолета и стрелок затрачивают лишь около 10 минут (www.cvet.co.za/view/wildlife).

Так называемым ветеринарам дикой природы в Африке предоставлены широкие возможности для совершенствования профессиональной деятельности. Именно ими получена информация, позволяющая по-иному оценивать многие происходящие в мире африканских животных события. Только в парке Крюгера в Южной Африке с начала столетия ими выявлены очаги распространения сибирской язвы, ящура, бруцеллеза и туберкулеза, на основании чего сформулировано заключение о

явно недооцениваемой роли болезнетворных организмов в регуляции численности взятых под охрану диких животных. Ситуация с распространением сибирской язвы, например, признана уникальной из-за переноса возбудителей многочисленными перенатыми падальщиками, которые не подвержены этому заболеванию. Организация мер профилактики в такой ситуации остается исключительно сложной проблемой даже для опытных специалистов (www.sanparks.org/conservation/investigations).

Наряду с этим нельзя не заметить, в какой необычной ситуации оказываются ветеринарные специалисты зоопарков по всему миру. Совместное содержание животных разных видов в пределах небольших по площади территорий при не ограничиваемом количестве посетителей, в том числе и туристов из зарубежных стран, существенно увеличивает риск распространения инфекционных заболеваний. Всемирная ассоциация зоопарков и аквариумов (WAZA) координирует деятельность учреждений, под опекой которых находится около тысячи видов мировой фауны. Более сотни видов редких и исчезающих животных включены в различные международные программы по искусственному разведению. Вклад зоопарков в сохранение биологического разнообразия на планете в настоящее время трудно переоценить, но невозможно недооценивать и накапливающийся профессиональный опыт и заслуги ветеринаров, сдерживающих распространение заболеваний среди столь разнообразного населения животных из дикой природы.

Именно ими решается нестандартная задача профилактики заразных болезней среди животных, которые не исследованы в таком плане как домашние питомцы и массовый на разных континентах скот. Их не удивляет неэффективность применения некоторых известных современных медикаментозных средств в практике взаимодействия с чужеземными и экзотическими животными. Понятны заинтересованность этих специалистов в обмене опытом и их способность к творческому поиску новых профессиональных решений.

Не удивительно, например, что с 1946 г. в США ветеринарные специалисты зоопарков начали сотрудничество, вылившееся в создание Американской ассоциации ветеринаров зоопарков (American Association of Zoo Veterinarians – AAZV). В настоящее время ими обобщается информация и совершенствуются руководства для профилактики и лечения более сотни трансмис-

сивных заболеваний, свойственных животным в дикой природе (www.aazv.org).

Несколько иная, но не менее сложная ситуация с противодействием распространению инвазионных заболеваний. Гельминты во внутренних органах и тканях, клещи, блохи, кожееды и пуходеды на наружных покровах – множество мелких многоклеточных существ, выживающих за счет энергии и питательных веществ, как правило, более крупных, заполучивших извне их организмов. Паразитический образ жизни свойственен сотням представителей самых разных систематических групп беспозвоночных. Сообразны этому вероятности, масштабы и особенности их распространения среди одомашненных животных и даже людей.

В докладе «О санитарно-эпидемиологической обстановке в Российской Федерации в 2007 году» отмечено, что паразитарная заболеваемость зарегистрирована на среднем уровне в 548, 408 и 370 случаев на 100 тыс. населения в 2004, 2006 и 2007 гг. В то время как детская паразитарная заболеваемость в 2006 и 2007 гг. отмечена в 1 675 и 1 535 случаев на 100 тыс. детей до 17 лет. Перечни наиболее распространенных паразитов включают более десятка видов, а гельминтозы, например, были включены специальным Постановлением Правительства Российской Федерации в 2004 г. в категорию заболеваний, представляющих опасность для окружающих. В целом же ситуация в России не так удручающа на фоне паразитарной заболеваемости населения во многих странах Африки и Юго-Восточной Азии, в чем убеждают итоги мониторинга этого явления Всемирной организацией здравоохранения.

Озадачены проблемами противодействия паразитам и обладатели многочисленных сельскохозяйственных животных. В 2011 г., например, в перечень нозологических единиц, вносящих основной вклад (более 80%) в неблагополучие и заболеваемость крупного и мелкого рогатого скота, свиней и лошадей в пределах российской территории, включены нематодозы, цестодозы и трематодозы. Случаи заражений гельминтами каждого вида животных исчисляются тысячами, что можно признается типичным явлением в современной практике отечественного животноводства (Эпизоотическая ситуация в Российской Федерации в 2011 г. ФГБУ ВНИИЗЖ. 2012). С учетом этого понятны требования российских специалистов об ограничении импорта мяс-

ной продукции из многих азиатских и даже европейских стран, где рассматриваемая ситуация по некоторым параметрам значительно хуже.

Несложно представить, насколько раздольнее паразитам в неконтролируемой человеком дикой природе и, в частности, среди охотничьих животных. О масштабах их распространения можно судить по отдельным примерам. Показательны в этом отношении результаты находок различных иждивенцев у ондатры. Этот чужеродный для отечественной фауны грызун при переселении из Северной Америки привнес в водные биоценозы Евразии 5 новых видов гельминтов и такое же количество видов клещей. В целом же перечень его паразитов включает около сотни видов, среди которых более 30 видов трематод, 11 видов цестод, 15 видов нематод, акантоцефалы, скребни и десятки видов клещей, блох и прочих эктопаразитов (Ондатра..., 1993).

Не менее впечатляющая ситуация прослеживается на примере волка с таким же циркумполярным распространением в северном полушарии. Одних только гельминтов у этого хищника обнаружено свыше 80 видов. Среди них более 30 видов нематод, за которыми в убывающем порядке следуют цестоды, трематоды, скребни и многие другие виды гельминтов (Волк..., 1985). Можно полагать, что это вполне типичная картина распространения паразитизма в дикой природе. Не вызывает сомнения необходимость и сложность объективной оценки масштабов этого явления.

Существенным отличием воздействий паразитов на организмы животных в первую очередь следует рассматривать то, что они более продолжительны во времени и реже сопровождаются летальным исходом. Не зря зараженных паразитами людей и животных причисляют к категории больных из-за явно наносимого вреда их здоровью. Ухудшение самочувствия и снижение работоспособности, понижение продуктивности, риск заражения окружающих людей и животных. Актуальность решения этих проблем отрицать, конечно, невозможно.

Накопленный человечеством опыт противодействия паразитам во многом иной, чем в случае с вирусами, бактериями и болезнетворными одноклеточными организмами. Испытанный метод вакцинации против распространения многих инфекционных заболеваний в этом случае не эффективен. При инвазионных заболеваниях паразитические организмы обычно уничтожаются

соответствующими химическими реагентами, а меры профилактики сводятся в основном к предотвращению попадания паразитов в организмы людей и одомашненных животных. Если в среде проживания и хозяйствования человек приобрел навыки эффективного противодействия распространению паразитических организмов, то возможности его влияния на их распространение в дикой природе можно признать ничтожными.

В то же время нельзя отрицать некоторых достижений, истоки которых кроются в поисках способов противостояния инфекционным заболеваниям. В первую очередь заслуживают внимания возможности применения тех же технических решений, что отработаны в практике вакцинации диких животных. Идея проста - замена вакцины на препараты для уничтожения паразитических организмов. Возможности дистанционного воздействия, вероятно, не с меньшим эффектом могут быть реализованы для введения в организмы диких животных веществ для избавления их от паразитов. Именно таким образом, например, начали решать задачу дегельминтизации носорогов в некоторых заповедниках Кении (www.kenya-wildlife-service.org).

Примечательно, как в реализации общей стратегии сохранения редких животных в естественной среде обитания уже начинают решаться частные проблемы охраны их здоровья. Более широкий взгляд на такое развитие событий позволяет заметить, как возрастающий медицинский опыт человечества становится все более востребованным в решении проблем сосуществования людей и диких животных.

В этом случае настолько широк фронт проявления интеллектуальных способностей человека, настолько оригинальны уже найденные решения, что некоторые ученые начали рассуждать о глобальном контроле зоонозных заболеваний (Artois et al., 2011). Конечно, эти устремления благородны, да и невозможно порицать воодушевление и энтузиазм пусть даже от единичных побед против безмерного изобилия болезнетворных организмов в дикой природе. Однако такие рассуждения чреваты появлением непродуманных и преждевременных рекомендаций, наставлений и приказов соответствующего содержания и бюрократического толка.

Наукообразные поучения уже прописаны в российском законодательстве об охоте, последовали утверждения так называемых ветеринарно-профилактических и противоэпизоотических

мероприятий по защите охотничьих животных от болезней. Действия чиновников понятны. Они осведомлены о прогрессивных медицинских технологиях и достижениях в противостоянии трансмиссивным заболеваниям. Но почему-то свои наказы адресуют управленцам, владельцам охотничьих угодий, охотникам, вероятно, забыв о том, что известные из мировой практики эффективные профилактические мероприятия осуществлялись специалистами с профессиональным врачебным образованием и не были бы реальны без соответствующего материального обоснования.

В благородной с общечеловеческой точки зрения масштабной деятельности против болезнетворных организмов можно усматривать опасность проявления неожиданных последствий. Пояснить это можно на примере кампании против вируса бешенства. Сам факт получения в процессе разработки вакцин массы новых биологически активных веществ, в том числе и на основе патогенных вирусов, настораживает. В основном исследовались возможности их влияния на организмы плотоядных млекопитающих. После в полном смысле слова бесконтрольного рассредоточения в окружающей среде сотен миллионов порций неведомых природе веществ возникают вопросы о возможном их негативном влиянии и на других микро и макро представителей органического мира.

Нарекут ли такого рода деяния очередной формой загрязнения окружающей среды или нет, но вполне очевидно, что в настоящее время вряд ли кто-то серьезно вознамерится сдерживать уже раскрученный в мировом масштабе механизм противостояния болезнетворным организмам из дикой природы. Этому направлению деятельности ученых и практиков не противоречит кабинетная идея оздоровления охотничьих зверей и птиц. Не утраченный к охотничьим животным интерес явно будет подкрепляться новыми заботами о сохранении их благополучия.

Загрязнение свинцом окружающей среды

На нежелательные последствия стрельбы из охотничьих ружей свинцовой дробью серьезное внимание обратили не так давно. Экологи быстро разобрались с тем, в каких компонентах водных биоценозов стал накапливаться свинец, какими оказались дальнейшие пути распространения этого токсичного метал-

ла в окружающей среде. Охотники невольно оказались очевидными виновниками так называемой кризисной экологической ситуации. Целесообразность отказа от использования свинцовой дроби на охоте во многих случаях уже не вызывает никаких сомнений.

Свинец действительно токсичный и тяжелый металл. На настоящий момент поиск его заменителей в производстве охотничьей дроби завершился использованием различных сплавов железа с оловом, вольфрамом, никелем, висмутом. За рубежом расширяются масштабы производства так называемой стальной нетоксичной дроби, рассматриваются возможности использования полимеров в этом процессе. Переход на использование более легкой дроби неизбежно сопровождается соответствующими изменениями в снаряжении патронов и результативности стрельбы.

Официально региональные запреты на использование свинцовой дроби начались, например, с 1991 г. в США, после чего этому примеру последовали в Канаде и многих европейских государствах. В настоящее время снаряженные не свинцовой дробью патроны успешно реализуются в некоторых странах Южной Америки, Африки, Азии, а также в Австралии и Новой Зеландии, что свидетельствует о понимании сущности проблемы многими рядовыми охотниками.

Возможность решения этой проблемы очевидна. Однако для масштабных действий нужны социальные поддержки и гарантии. Департаментом природных ресурсов штата Миннесота в США, например, недавно проведен опрос почти 5 тыс. случайно выбранных охотников, из которых уже большинство позитивно отнеслось даже к такому радикальному решению как официальный повсеместный запрет на использование свинцовой дроби (Schroeder et al., 2012).

Незамедлительный и повсеместный запрет в настоящее время на производство и использование свинцовой дроби едва ли уместен. Где и какой дробью стрелять охотникам, следует объективно решать в каждой стране соответствующим органам местного управления. Необходимость запрета очевидна там, где ежегодно из охотничьих ружей производятся тысячи выстрелов, в частности, на стрелковых стендах, в предпочитаемых местах охоты на массово мигрирующих птиц. Преуменьшать актуальность рассматриваемой проблемы ни в коем случае нельзя.

Можно лишь подчеркнуть, что предприняты только первые, но очень важные действия в обеспечении экологической безопасности использования охотничьего оружия, а начавшийся процесс не представляется фатальным для охоты и охотников. Однако в целом это уже явно прогрессивный шаг в цивилизованное будущее без загрязнения охотниками окружающей среды токсичным свинцом.

Генетически модифицированные организмы

Историческое место активного обсуждения проблемы влияния генетически модифицированных организмов на среду обитания и состояние здоровья охотничьих животных, вероятно, в недалеком будущем. В настоящее время все еще в разгаре полемика о пользе и вреде таких растений и животных для человека и его подопечных питомцев. Ситуация лишь усугубляется. Пока продолжаются споры, количество и масштабы распространения по планете генетически модифицированных организмов продолжают возрастать.

До настоящего времени результаты экспериментов с искусственным изменением генетических основ воспроизводства организмов носят случайный характер. Никто не может точно запрограммировать процесс и ожидаемый итог манипуляций с генетическим материалом потому, что контроль перемещения и физиологической активности отдельных вирусов и целенаправленная искусственная трансформация каких-либо внутриклеточных структур остаются лишь пределом мечтаний современных исследователей. От использования многих полученных результатов ученые сознательно отказались из-за явно негативных последствий их влияния на различные лабораторные биологические объекты. Наиболее четко это прослежено на примере влияния на организмы беспозвоночных, в частности, насекомых со сложными циклами развития.

В отличие от лабораторных животных в планируемых и контролируемых экспериментах свободно обитающие охотничьи звери и птицы не могут быть четкими индикаторами влияния на них генетически модифицированных организмов. Аллергические реакции, ослабление иммунитета и воспроизводственных функций, изменения в процессах кроветворения у них могут быть вызваны и иными причинами. Однако экологические

угрозы распространения генетически модифицированных организмов с такими последствиями неминуемы для охотничьих животных. В первую очередь для обитающих в пределах агроландшафтов и получающих обильную подкормку в виде генетически трансформированных растений.

Мнением противников получения и использования генетически модифицированных организмов не следует пренебрегать. Некоторые из отечественных ученых попытались четко определить свою позицию в текущих спорах, понятны их устремления к совершенствованию отечественного законодательства с целью обеспечения безопасности здоровья населения страны (Кузнецов, Куликов, 2005). Трудно не согласиться и с их рассуждениями и доводами о неизбежном изменении экологической ситуации из-за широкого распространения по странам и континентам искусственно измененного генетического материала. Чужеродные белки в процессах перекрестного опыления растений и формирования структуры пищевых цепей в биоценозах не могут быть бесследными. Не исключено, что новые биологические формы предопределяют и новые, пока еще неизвестные биологические функции.

Особенно настораживают многочисленные манипуляции с вирусами в попытках трансформации генетического материала и получения вакцин. Экологические последствия масштабного распространения такого рода ингредиентов в биоценозах не могут быть предсказуемы. В связи с этим, например, заслуживают внимания факты оскудения фауны насекомых опылителей и массовой гибели пчелиных семей на юго-востоке США.

Эти события по срокам совпадают с неоднократным увеличением площадей посевов генетически модифицированных сельскохозяйственных культур и масштабным распространением вакцин в среде обитания диких животных с целью профилактики бешенства и других заболеваний. Причины очевидной и ужасающей массовой элиминации медоносных пчел так и не выяснены, несмотря на привлечение к решению проблемы многочисленных исследователей из университетов и специализированных служб (Colony Collapse Disorder Annual Progress Report 2012 – www.ars.usda/.../ccdreports).

Эпизоотический характер наблюдаемых процессов наводит на соответствующие размышления об их сугубо биологических причинах. Будут ли вовлечены в такие опустошительные для

природы процессы охотничьи звери птицы или нет, но сам факт пусть даже временной невозможности объяснения очевидных событий указывает на логическую подсказку. Не исключено, что эти причины порождены в биологических экспериментах с непредсказуемыми последствиями. Экспериментами, охватившими не только отдельные страны, но и континенты. Возникают вопросы, поиски ответов продолжаются.

Браконьерство

Из элементарного толкования браконьерства как незаконного использования естественных биологических ресурсов истекают простые, но логичные по смыслу суждения. Меры противодействия этому социальному изъятию логично определять по возможностям исключения основных порождающих его причин, которые можно условно разделить на две части – истекающие из намерений людей к нарушению законов и истекающие из несовершенства этих законов.

Как бы высоко ни оценивать современные достижения цивилизации и ни гордиться культурным наследием отдельных народов, но современное человеческое сообщество так и не избавилось от таких социальных явлений как ложь, воровство, насилие и даже посягательство на человеческую жизнь. Практически в каждой стране действуют всевозможные учреждения правопорядка, а преступность сознается негативным нескончаемым явлением. Если существующие нравственные принципы и законы претупает так много людей, то такую множественность нарушений можно рассматривать своеобразным коллективным решением части общества. Это заключение в полной мере относится и к рассматриваемой проблеме браконьерства.

С такой точки зрения браконьерство можно рассматривать просто как воровство, к которому до сих пор склонна немалая часть общества вне зависимости от прописанных законов. Если какие-то материальные ценности от воров уберігают заборы, стены, двери, замки и даже вооруженная охрана, то свободно живущие охотничьи животные от криминальной части человечества формально ничем и никем не защищены. Различного рода егерей, охотоведов, специальных охранников в заповедниках и национальных парках на все множество и разнообразие охотничьих животных в естественной среде их обитания, конеч-

но, не напасть. Проблема охраны охотничьих ресурсов становится еще более очевидной.

Добыть нелегально охотничье животное вдали от населенных пунктов и без явных свидетелей гораздо проще, чем что-либо похитить в среде проживания и хозяйствования людей. Это очень существенная предпосылка для формирования такого рода преступности как браконьерство. Не удивительно поэтому, что браконьерство массовое явление, а истинные масштабы этого явления в любой стране мира вряд ли известны. Вероятно, по этой же причине к нему причастны не только сельские жители, но и горожане и даже высокопоставленные чиновники, забирающиеся на нелегальную охоту подальше от мест своего проживания. При таких обстоятельствах прямое физическое противодействие браконьерству повсеместно организовать невозможно. Остается лишь предполагать, что масштабы нелегальной охоты пропорциональны масштабам несознательности части общества, проявляющей меркантильный интерес к охотничьим ресурсам.

Следовательно, наиболее перспективный путь к искоренению браконьерства – добиваться увеличения доли сознательных и законопослушных граждан. Это едва ли возможно в условиях всеобщей малограмотности, непонимания того, что такое охотничьи ресурсы и что такое охота с точки зрения сохранения и разумного использования природного богатства. Эти прописные для ученых-охотоведов истины должны быть включены в цикл обязательного образования для подрастающего поколения, регулярно позиционироваться в средствах массовой информации, а браконьерство в этом случае должно оцениваться не только как незаконная охота, но и как расхищение национального достояния.

Из обрисованной ситуации очевидно следует, что современная мировая практика противодействия браконьерству не может быть высокоэффективной. Какие бы строгие законы и охранники не были на защите диких животных, как бы ни пресекалась торговля продукцией незаконной добычи, тенденции к расхищению ресурсов дикой природы нескончаемы на протяжении веков. Однако иных мер непосредственного противодействия браконьерству на настоящий момент нет, потому актуальной задачей остается лишь результативное их применение.

Осознание ситуации сопровождается применением даже так называемых крайних мер борьбы с браконьерством. Типичный

пример – специализированная вооруженная охрана многих заповедников и национальных парков в Африке. Стрельба по браконьерам на поражение, когда ими оказывается сопротивление при задержании, гибель самих сотрудников охраны, высочайшее эмоциональное напряжение оказываются неизбежной платой за спасение носорогов, слонов, редких видов копытных, численность которых в последние десятилетия продолжает заметно снижаться. Можно обратиться к конкретному примеру. Только в 2011 г. в пределах природоохранных территорий Кении задержано 2 638 нарушителей режима охраны, произошло 30 огнестрельных столкновений с браконьерами, в результате которых трое рейнджеров были убиты и двое ранены. Именно благодаря вооруженной охране браконьерская добыча слонов и носорогов зарегистрирована вчетверо ниже, чем за пределами природоохранных территорий (Kenya Wildlife Service. Annual Report and Financial Statements 2011).

Браконьерство же остается распространенным явлением и явно потому, что воровство как средство получения материальных благ свободно бытует и не только среди африканского населения. В моральном плане нет разницы в том, как африканцы нелегально пытаются извлекать материальные выгоды из остатков окружающего их мира диких животных, а сельские жители на средиземноморских островах с той же целью и также нелегально отлавливают и отстреливают на своих землях тысячи перелетных птиц. Одинаковы проблемы и в правовом отношении. Вполне очевидно, что существующие законы легко, безнаказанно и практически повсеместно нарушаются.

Вряд ли это свидетельство несовершенства законодательства. Проблема, вероятно, в большей мере в том, что прилагается недостаточно усилий для его исполнения. Там, где общество проявляет интерес к сохранению и разумному использованию охотничьих ресурсов, как правило, и ощутимы результаты такой деятельности. В этом убеждают миллион добываемых ежегодно косуль в Германии и миллионы ежегодно добываемых оленей в США. Там, где общество равнодушно и не препятствует тому, как расхищаются охотничьи ресурсы, нет смысла ожидать патетичных отзывов о так называемой охотхозяйственной деятельности.

Правомерен взгляд на браконьерство и как на соблазн завладеть дикими животными. Логика суждений в данном случае та-

кова, что этот социальный порок, возможно, будет преуменьшен, если такой соблазн в какой-то степени официально будет удовлетворен. Это реально при увеличении численности охотничьих зверей и птиц и соответствующем увеличении возможностей для официально разрешенной охоты. Это реально даже через удовлетворение соблазна посредством отстрела охотничьих животных при искусственном их разведении. Многие российские богатеи и чиновники уже ощутили прелесть таких услуг, стреляя кабанов и фазанов невдалеке от кормушек с зерном. Даже организованная на различных стендах стрельба по силуэтам диких животных, в том числе и в соревновательном плане, может оказаться существенным отвлекающим маневром для части потенциальных браконьеров.

Заявлять о возможном искоренении браконьерства в ближайшее время бессмысленно. Это своеобразный, с глубокими корнями, хронический социальный недуг. Необходимость постоянного противодействия ему бесспорна. Ни в коем случае нельзя забывать о том, что главным поводом для развития охотничьего законодательства было зримое оскудение ресурсов охотничьих зверей и птиц. Безусловна и необходимость совершенствования методов противодействия браконьерству. Это широкое поле деятельности не только для юристов, защитников дикой природы, специалистов охотничьего хозяйства, но и всех тех, кто формирует общественное сознание. Следует особо подчеркнуть, что это широкое поле деятельности, а не созерцания того, как криминальной частью общества продолжают расшищаться общественные ценности.

Человек как фактор беспокойства и содействия

В данном случае логично ограничиться охотничьими животными и теми действиями людей, которые существенно изменяют условия обитания охотничьих зверей и птиц. Самыми ощутимыми последствиями для охотничьих животных характеризуется масштабная трансформация среды их обитания, что уже подробно рассмотрено ранее (Чашухин, 2010). Наряду с этим и многие не масштабные деяния людей нарушают ритмы жизни зверей и птиц. Объективное понимание и своевременное предотвращение причин излишнего беспокойства – задача, решение которой может сделать последующее сосуществование людей и

охотничьих животных менее проблематичным для обеих сторон.

Логичны суждения о том, что можно многого из не желаемого избежать, если выработать и соблюдать своеобразные правила сосуществования с охотничьими животными. Рассчитывать на соблюдение дикими животными прописанных человеком требований или просто пожеланий, конечно, нельзя, поэтому такие правила должны главным образом предопределять действия самих людей, формировать культуру отношения к окружающей природной среде. Разумеется, с учетом естественных закономерностей обитания охотничьих зверей и птиц, с учетом параметров пространства и времени.

Вдали от мест проживания и хозяйствования людей охотничьи животные в меньшей степени подвержены беспокойству с их стороны. Изоляция расстоянием, относительная недоступность для людей позволяют этим животным существовать преимущественно по эволюционно сложившимся законам природы. Из-за быстрого роста народонаселения в последние столетия таких мест на планете становится все меньше, а инциденты с потесненными людьми дикими животными становятся все чаще.

Там, где ситуация для людей становится наиболее неприемлемой, естественная изоляция расстоянием заменяется ими радикально на изоляцию искусственными ограждениями, причем без учета необходимых для формирования популяций параметров пространства и времени. Длина и надежность такого рода барьеров продолжают ежегодно возрастать. При многих минусах для животных в такой ситуации есть существенный плюс. Люди во многих случаях также не могут преодолевать эти барьеры и беспокоить животных своим присутствием.

Вопрос о том, сколько же требуется таких ограждений для сосуществования без особых проблем, остается без ответа, следовательно, без выработки правил, своеобразных виртуальных ограждений, едва ли можно обойтись. В то же время из-за многообразия фауны диких животных можно чрезмерно увлечься этим процессом, сформулировать множество требований, соблюдение которых постоянно и повсеместно будет мало реальным. Однако необходимость действовать именно в этом направлении очевидна. К этому явно обязывает соглашение мирового сообщества о сохранении видового разнообразия на планете.

В отношении большинства видов охотничьих животных такие правила в некоторых странах уже сложились, оправдывают себя на практике и во многом достойны подражания. В основном они сводятся к тому, чтобы оставить за охотничьими животными возможности обитания в естественных и близким ним условиях, а также всячески приумножать такие возможности. Минимизировать воздействие человека на среду обитания и на самих животных без охотничьих целей. Не оставлять ситуацию без контроля состояния популяций наиболее ценных и массовых видов охотничьих животных. Несмотря на логичность и доступность понимания изложенных пожеланий повсеместная их реализация вряд ли возможна из-за значительных современных различий в социально-экономическом развитии стран и даже так называемых слоев населения.

Сохранение естественной среды обитания и минимум воздействия на животных обычно гарантируются лишь в пределах заповедных территорий. Сохранять уникальные и типичные части биосферы для будущих поколений и в целом для продолжения такого глобального явления как жизнь на планете – неоспоримо благородная и гуманная цель. В пределах же остальных территорий, даже официально закрепленных за различными охотничьими организациями, сохранение среды и прочих условий обитания охотничьих животных обычно не гарантируется. Это типично, например, и для российских охотничьих угодий.

Беспокойное обитание зверей и птиц практически всюду, куда проникают неугомонные люди, особенно не осознающие оказываемого влияния на окружающих их диких животных. Нельзя не заметить, что в современном мире помимо сугубо хозяйственной деятельности людей стали исключительно масштабны всевозможные рекреационные мероприятия. Контроль состояния популяций охотничьих животных при таких обстоятельствах явно необходим. На не праздный вопрос о том, кто и как его должен исполнять, преимущественно один, на первый взгляд, вполне осмысленный ответ. Ответственность за состояние популяций охотничьих животных возлагается обычно на охотников.

Сложившаяся ситуация отчасти не логична и противоречива.

Среда обитания до масштабной трансформации ее людьми была естественным местом реализации эволюционного потенциала охотничьих животных. В настоящее время наиболее круп-

ные по размерам и массе фитофаги и хищники обычно встречаются там, где плотность населения людей и антропогенная нагрузка на ландшафты минимальны. Целесообразность развития законодательства, предусматривающего сохранение и формирование наиболее подходящих для охотничьих животных мест обитания очевидна. Возможные примеры для подражания – США, Германия, где разработка и осуществление различного рода национальных программ и проектов для сохранения условий для обитания охотничьих животных именно в целях охоты исчисляется многими десятилетиями при непосредственном государственном содействии.

Следует еще раз акцентировать внимание на том, что развитие деятельности по сохранению и эффективному использованию ресурсов охотничьих животных не может быть успешным только за счет усилий владельцев охотничьих угодий и охотников. Ни один масштабный проект или хотя бы значительное по объему мероприятие не могут не касаться целенаправленных изменений в среде обитания зверей и птиц, не осуществимы без существенных материальных затрат. Без содействия государственных органов управления такого рода замыслы обречены на неудачу. Только в функции государства решать вопросы взаимодействия между различными пользователями и определять специфику режимов использования земель, лесов, водоемов, целенаправленные изменения в которых могут изменять условия обитания и состояния ресурсов охотничьих животных.

Решения проблем преодоления изоляции охотничьих животных многокилометровыми искусственными преградами в ФРГ рассматриваются с участием представителей не только охотничьего сообщества. Предложенные в последнее десятилетие охотниками проекты (DJV-Projekt: Lebensraumkorridore für Mensch und Natur, Überwindung von Barrieren) учтены в реализации государственных программ строительства десятков так называемых зеленых мостов через автомобильные и железные дороги. В начале 2012 г. утверждена государственная программа (Bundesprogramm Wiedervernetzung), предусматривающая переоборудование сети искусственных водотоков с целью расширить возможности миграций не только сугубо наземным, но и околоводным животным.

В США при государственном учреждении «U.S. Fish and Wildlife Service» функционирует отдел «Strategic Habitat

Conservation», который активно сотрудничает с рабочей группой «Landscape Conservation Cooperatives», функционирующей при поддержке министерства внутренних дел. Единомышленники среди сотрудников федеральных служб, университетов, неправительственных организаций, представителей племен, фермеров, охотников подготавливают самые разнообразные проекты по защите целых ландшафтов как естественных условий для обитания диких животных. В числе последних инициатив этой группы проекты по сохранению прерий и уникальных водных систем, причем не в узко региональном плане, а в пределах страны и прилегающих территорий (www.doi.gov/lcc/index.cfm).

В числе объективных характеристик среды и условий обитания охотничьих животных правомерно признаются оценки состояния их ресурсов, выражаемые обычно в удобно применимых и пунктуальных единицах измерения - особях. Кабинетные логики сблизилась во мнении, что зверей и птиц в охотничьих угодьях следует регулярно пересчитывать. Определяемая таким образом численность животных, как будто бы, и есть основа для планирования и расчета рационального использования их ресурсов.

Вопросы о том, где, когда, кого и как считать, до настоящего времени остаются в центре нескончаемых дискуссий. Непонимание того, что в пределах больших по площади территорий абсолютной численности любых видов животных никогда не узнать, обрекает увлеченных этой идеей людей на разные предположения и допущения. Как это ни странно, но именно эти домыслы оказываются исходными положениями для последующего разрешения некоторых видов отечественной охотхозяйственной деятельности, а обязанности проведения учетов численности зверей и птиц с неизбежными и немалыми материальными затратами возложены на самих владельцев охотничьих угодий.

Замысел об оценке численности охотничьих животных в целом отрицать нельзя. Однако более бесспорной мерой можно признать поддающееся достоверному учету количество добываемых животных каждого вида. Челюсти, шкурки, перья, лапки и прочие части добытых животных – неопровержимые доказательства их добычи и необходимый материал для анализа эксплуатируемых охотой популяций зверей и птиц. Чтобы ресурсы не истощались по причине чрезмерного использования, нужна всего лишь регуляция охотничьих действий.

Охота как выслеживание и добыча охотничьих зверей и птиц логично распадается на массу действий по способам их осуществления и видам охотничьих животных. Места обитания охотничьих животных и места проведения охот настолько разнообразны и изменчивы, что даже изначально характеризуются не в единственном числе. Изменились заметно сущность и цели охоты. В настоящий момент охота в большинстве случаев далеко не средство выживания. Цели и режимы использования ресурсов отдельных видов и отличающихся по обилию ресурсов охотничьих угодий могут быть самыми разнообразными. Явно назрела необходимость отображения элементов этого многообразия новыми понятиями и терминами в соответствии со сложившейся действительностью.

Перспективны в этом плане идеи оптимизации использования ресурсов некоторых охотничьих зверей. В результате целенаправленного применения и сравнения известных способов охоты, например, разработаны своеобразные унифицированные технологии добычи пушных зверей (Козлов, 2010). Внедрение унифицированных технологий в практику освоения ресурсов пушных зверей соответствует известному теоретическому замыслу оптимизации любых технологических процессов. Примечательно, что в таком случае открываются возможности более доступного регулирования охотничьего воздействия на популяции охотничьих животных с минимальным по срокам посещением охотниками среды их обитания.

Совершенствование взаимодействия с охотничьими животными, как и в целом любых социально-экономических процессов, невозможно без инициатив, без научных разработок, без обсуждений, без координации и реализации решений. Когда управление подменено функциями надзирательства, когда вместо программных действий довлеет выжидательная позиция, рассчитывать на прогресс в развитии отношений людей и охотничьих животных не приходится. Лишь немногие государства достигли прогресса в сохранении и приумножении ресурсов охотничьих животных, но даже их пример до настоящего времени во многом остается невостребованным.

Почти столетие назад в Северной Америке на примере результатов активной охоты на массовые виды зверей и птиц обнаружено, что в популяциях некоторых животных в такой ситуации начинает действовать скрытый ранее механизм компенса-

ции активным охотничьим усилиям. Воспроизводство их ресурсов происходит другими, более быстрыми темпами. Это перспективное для охотников удивительное биологическое явление до сих пор не находит достойного широкого отражения в организации использования охотничьих ресурсов и развитии охотничьего законодательства многих стран мира (Paulson, 2012).

Охотничьи животные часто оказываются невольными виновниками беспокойства людей в среде их проживания и хозяйствования при стечении непредвиденных обстоятельств. Немалое количество зверей и птиц попадает в бедственное положение при попытках преодолеть возведенные людьми ограждения и даже в случае удачного преодоления таких преград. В различных ограждениях из металлической проволоки и синтетических волокон нередко запутываются некрупные млекопитающие и крупные птицы. Многие водоплавающие и околоводные птицы залетают на водоемы и располагаются на их берегах в местах проживания и отдыха. Крупные животные, например, слоны, олени, антилопы упорно проламывают ограждения в одних и тех местах во время сезонных миграций.

Необходимость участия людей в разрешении такого рода ситуаций бесспорна. Там, где общество в целом не равнодушно к судьбам диких животных, естественным образом возникли всевозможные общественные организации. Различного рода службы, центры, фонды, ассоциации спасения и реабилитации диких животных (Wildlife Rescue Service, Wildlife Rescue Center, Wildlife Rescue Foundation, Wildlife Rehabilitation) функционируют со второй половины прошедшего столетия в США, Великобритании, Южной Африке, Австралии. Определились и не перевелись спонсоры такой благотворительной деятельности, которая со временем в некоторых странах, например, в США и Австралии стала объектом официального лицензирования.

О целесообразности этой деятельности можно судить по некоторым конкретным фактам. Например, в отчете службы спасения диких животных штата Техас в США за 2011 г. указано, что только в центр реабилитации диких животных в Сан Антонио было доставлено 7 012 особей млекопитающих, птиц и рептилий, из которых 1 649 особей погибли в течение первых суток. Большинство животных после оказания ветеринарной помощи выпущено в прежние места обитания. На конец года в этом центре содержалось 228 диких млекопитающих и 147 диких птиц.

Причины такой ситуации по заключению сотрудников службы не только в том, что дикие животные не адаптированы к урбанизированной среде, но и в неумении людей ориентироваться в инцидентах с дикими животными, включая попытки их содержания в домашних условиях (www.wildlife-rescue.org).

В руках сотрудников Австралийской службы спасения диких животных (Australian Wildlife Rescue Organization), действующей первоначально только в самом населенном штате Новый Южный Уэльс, а затем и в соседних штатах Квинсленд и Виктория, в 2010 г. побывало более чем 50 тыс. млекопитающих, птиц, рептилий и амфибий. По этому поводу получено более 100 тыс. телефонных звонков от местных жителей. По оценке сотрудников этой службы в том году в пределах этих трех австралийских штатов в дорожно-транспортных происшествиях погибло свыше 2,5 млн. животных, в среднем более чем по 7 тыс. в сутки. Они особо обеспокоены неосведомленностью австралийцев о том, какие проблемы истекают из их современного сосуществования с дикими животными (www.wires.org.au).

Несколько иначе ситуация складывается там, где заранее предпринимаются мероприятия по снижению конфликтных ситуаций с дикими животными. В Англии, Шотландии и Уэльсе, например, в последние десятилетия сложилась практика найма землевладельцами сталкеров для селекционного отстрела оленей и других охотничьих животных с целью предотвращения ущерба сельскому и лесному хозяйству и сохранения окружающей среды. Во многих случаях этим занимаются специально подготовленные сотрудники отдела по управлению популяциями оленей из общественной британской ассоциации (British Association for Shooting and Conservation - BASC). Эта организация с давней и сложной историей в настоящее время признана в этой стране наиболее компетентной для решения проблем с охотничьими животными.

С каждым годом функционирования такого рода организаций накапливается соответствующий опыт, который уже около четверти века обобщается и доводится до сведения общественности, чиновников, ученых и, конечно, коллег по решению проблем с дикими животными. В США уже опубликовано 25 томов издания «Wildlife Rehabilitation» и распространяется уже четвертое издание так называемых минимальных стандартов для реабилитации диких животных (Minimum Standards for Wildlife

Rehabilitation). Ведущие специалисты в этой сфере благотворительной деятельности не в меньшей мере озадачены и тем, что решение проблем сосуществования с дикими животными остается уделом узкого круга людей при массовом недопонимании происходящих событий.

С учетом такой ситуации в обществе было специально подготовлено и издано руководство «Wildlife in Education: A Guide for the Care and Use of Program Animals» (Buhl, Borgia, 2004). В нем на конкретных примерах обоснована необходимость образовательных мероприятий любого уровня с целью профилактики и разрешения конфликтных и непредвиденных ситуаций с дикими животными. Типичное следствие урбанизации – формирование окружающей человека среды, в которой ему почти ничто не напоминает о дикой природе. Длительное пребывание в условиях такой среды, а для многих с самого детства, вырабатывает соответствующий стиль мышления и миропонимания, в котором теряется осознание взаимосвязей человека с миром дикой природы.

Ознакомление с ситуацией на примере отдельных стран позволяет хотя бы примерно представить происходящие события и мероприятия в глобальном масштабе. Количества ежегодно страдающих и бесцельно гибнущих диких животных из-за непреднамеренных действий людей огромны. Это объективный повод для формирования нового и широко планового направления деятельности людей, пока добровольно взявшихся решать проблемы сосуществования с дикими животными. Особого внимания заслуживает не только их активная социальная позиция, но и их воззрения на возможности изменения ситуации в ближайшем будущем.

В реализации замысла управления популяциями диких животных они отчасти воспользовались иными, чем охотники, мерами. Для снижения численности некоторых зверей успешно апробирован и широко применяется способ, в основу которого положена давно и широко практикуемая в быту стерилизация кошек и собак. В отношении свободно живущих животных доступна дистанционная стерилизация посредством стрельбы шприцами-дротиками с соответствующим наполнителем. Не оставлены без внимания возможности введения целевых химических реагентов в организмы диких животных посредством пищевых приманок. Гуманность таких мер воздействия на живот-

ных представляется более очевидной, чем любого охотничьего воздействия.

Ими не игнорируются достижения научно-технического прогресса, в частности, возможности оснащения диких животных различными электронными устройствами. Из передовой практики содержания одомашненных животных позаимствованы электронные чипы, из средств слежения за движущимися объектами – всевозможные электронные регистраторы. Стали реальными точная прижизненная идентификация возраста, выявление некоторых особенностей физиологического состояния, места положения и особенностей передвижения отдельных особей. Это перспективы целенаправленного влияния на популяции отдельных видов животных, учета специфики их перемещения в среде обитания при планировании трансформации ландшафтов, а также контроля состояния и использования их ресурсов.

Если оценивать в целом развитие рассматриваемых событий, то нельзя не обратить внимания на выраженную их приуроченность к развитым в социально-экономическом плане странам. Нет никаких сомнений в том, что это своевременное решение насущных общественных проблем, это поддержание высокого уровня нравственности во взаимодействии людей и диких животных, это новая зарождающаяся частица культуры будущей цивилизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенных фактов и суждений достаточно для осознания того, что охотничьи животные в современном мире заслуживают немало внимания не только по такому поводу как охота. Многие из них причиняют людям явное беспокойство и наносят значительный ущерб в ситуациях, о которых можно предполагать, но которые не всегда возможно предотвратить. Проблемы сосуществования с охотничьими животными знакомы в той или иной мере народам в большинстве стран мира, но современное решение этих проблем и даже отношение к их решению значительно различаются.

В целом же явно прослеживаются тенденции сохранения охотничьих животных как биологических видов и биологических ресурсов и отчуждения их от мест проживания и хозяйствования людей. При невозможности управлять дикими животными человечество чрезвычайно широко воспользовалось древнейшим способом обособления от них посредством искусственно создаваемых преград. Однако практика изоляции от мира дикой природы всевозможными искусственными барьерами без понимания того, что за ними происходит, убеждает в том, что это едва ли разумный выход из сложившейся ситуации.

К настоящему времени для решения такого рода проблем задействованы огромные человеческие и материальные ресурсы, востребованы самые современные научные и технические разработки, предприняты эксперименты такого масштаба, последствия которых остаются еще во многом не познанными. Появилось множество поводов для дискуссий, для выработки решений, реализация которых возможна лишь при совместной деятельности государственных, коммерческих и общественных учреждений. Бессмысленно игнорировать или преуменьшать значение происходящих событий.

Охотничьи животные были и остаются богатством и гордостью любого народа, а использование их сохранившихся ресурсов в большинстве стран мира еще не утратило социально-экономического значения. В то же время нельзя не замечать, как разрастается сфера отношений к диким животным, в том числе и к охотничьим, в которой становится все меньше возможностей для сохранения традиционного охотничьего наследия.

Особый интерес представляют усилия по выяснению и устранению причин возникновения конфликтных ситуаций с участием охотничьих зверей и птиц. Результаты специальных исследований убеждают в том, что современные поколения людей оказываются во многом несведущими в актуальных проблемах взаимоотношения и взаимодействия с дикими животными из окружающей их природной среды. Это вполне закономерное следствие современных процессов урбанизации, в результате которых миллиарды людей лишаются возможностей созерцания и понимания природных достопримечательностей. О необходимости уделять больше внимания этим проблемам при воспитании и обучении подрастающих поколений начинают утверждать уже не только общественные деятели.

Масштабность проявления проблем, причастность к ним огромного числа мыслящих людей можно рассматривать объективным доводом для того, что крепнущие пожелания и требования к благоразумному сосуществованию с миром дикой природы, к сохранению естественных богатств для последующих поколений будут учтены в образовательных процессах и достойно отражены в конституциях государств, народам которых не безразлично оскудение окружающего их органического мира.

ЛИТЕРАТУРА

Баскин Л. Ничто не предвещало беды. //Национальный охотничий журнал. 2010. № 10. С. 12-13.

Вайсман А. Россия браконьерская. //Национальный охотничий журнал. 2009. № 9. С. 10-11.

Вачугов Д.Д. Некоторые аспекты современной практики по делам о нарушениях правил охоты и незаконной охоте. Государственное управление ресурсами. /Специальный выпуск: Охота и охотничьи ресурсы Российской Федерации. 2011. С. 215.

Волк: происхождение, систематика, морфология, экология. М.: Наука. 1985. 609 с.

Глушков В. «Черная дыра», в которую утекают ресурсы, труд охотоведов и надежды охотников. //Национальный охотничий журнал. 2012. № 4. С. 4-7.

Глушков В.М., Панкратов А.П. От теории к практике: управление поголовьем охотничьих животных. //Национальный охотничий журнал. 2011. № 5. С. 30 -33.

Данилкин А.А. Биологические основы охотничьего трофейного дела. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2010. 150 с.

Друп А., Фрезе В. На Ставрополье. //Национальный охотничий журнал. 2008. № 7. С. 32-33.

Дунишенко Ю.М., Куликов А.Н. Амурский тигр. Хабаровск. 1999. 96 с.

Желваков Э.Н. Проблемы уголовной ответственности за незаконную охоту и совершенствования законодательства о сохранении охотничьих ресурсов. Государственное управление ресурсами. /Специальный выпуск: Охота и охотничьи ресурсы Российской Федерации. 2011. С. 208-214.

Жуленко В.Н., Таланов Г.А., Смирнова Л.А. Токсикология. М.: КолосС. 2010. 351 с.

Инфекционные болезни животных. М.: КолосС. 2007. 671 с.

Казakov Л.К. Ландшафтоведение с основами ландшафтного планирования. М.: Издательский центр «Академия». 2007. 336 с.

Козлов В.М. Оптимизация использования охотничьих ресурсов. Киров: Вятская ГСХА. 2010. 197 с.

Колбовский Е.Ю. Ландшафтоведение. М.: Издательский центр «Академия». 2007. 480 с.

Корытин С.А. Человек и медведь: как вести себя при встрече с опасным хищником. Киров: Вятское слово. 1993. 40 с.

Кузнецов В.В., Куликов А.М. Генетически модифицированные организмы и полученные из них продукты: реальные и потенциальные риски. //Российский химический журнал. 2008. Т. XLIX. № 4. С.70-83.

Ляпустин С.Н., Фоменко П.В., Вайсман А.Л. Незаконный оборот диких видов животных и растений на Дальнем Востоке России. Издание WWF. 2007. 108 с.

Наумов Г.Б. Геохимия биосферы. М.: Академия. 2010. 384 с.

Ондатра: морфология, систематика экология. М.: Наука.1993. 542 с.

Слободенюк В.Б. Охотничьи дела (Хроника судебного опыта). Киров: Дом печати Вятка. 2006. 558. с.

Слободенюк В.Б. Охотничьи дела (Хроника судебного опыта). Киров: Дом печати Вятка. 2010. 636. с.

Сургучева Л.М., Литвинов О.Б., Боровой В.Н. Мониторинг эпизоотической ситуации по бешенству животных на территории Российской Федерации. //Ценовик. Ветеринария. 2011. № 1. С. 91-93.

Твердохлебова Т.Н., Васерин Ю.И., Раманенко Н.А. Совершенствование системы эпидемиологического надзора за трихинеллезом на юге России. //Медицинская паразитология и паразитарные болезни. 2008. № 4. С. 3-6.

Чашухин В.А. Человек и охотничьи животные: развитие отношений. Киров: ГНУ ВНИИОЗ. 2006. 207 с.

Чашухин В.А. Ондатра: причины и следствия биологической инвазии. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2007. 133 с.

Чашухин В.А. Норка американская. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2009. 102 с.

Чашухин В.А. Человек и охотничьи животные: изменение среды обитания. Киров: ГНУ ВНИИОЗ. 2010. 142 с.

Энгдаль У.Ф. Семена разрушения. Тайная подоплека генетических манипуляций. Спб.: Нестор-История. 2009. 320 с.

A Barrier to our Shared Environment. The Border Fence between the United States and Mexico. Mexico. 2007. 208 p.

Alsheimer C.J. Quality Deer Management: The Basics and Beyond. Krause Publications. 2002. 208 p.

Alsheimer C.J. Strategies for Whitetails. Krause Publications. 2006. 192 p.

Artois M., Blancou J., Dupeyroux O., Gilot-Fromont E. Sustainable control of zoonotic pathogens in wildlife: how to be fair to wild animals? //Rev. sci. tech. Off. int. Epiz. 2011. Vol. 30. Iss. 3. P. 733-743.

Asheim L.J., Myrsterud I. Economic Impact of Protected Large Carnivores on Sheep Farming in Norway. //Sheep & Goat Research Journal. 2004. Vol. 19. P. 89-96.

Athreya L. Is Relocation a Viable Management Option for Unwanted Animals? The Case of the Leopard in India. //Conservation and Society. 2006. Vol. 4. No. 3. P. 419-423.

Aulakh H.K., Patil P.K., Sharma S., Kumar H., Mahajan V., Sandhu K.S. A Study on the Epidemiology of Bovine Brucellosis in Punjab (India). //Acta Vet. Brno. 2008. Vol. 77. P. 393–399.

Bartz R., Heink U., Kowarik I. Proposed Definition of Environmental Damage Illustrated by the Cases of Genetically Modified Crops and Invasive Species. //Conservation Biology. 2010. Vol. 24. Iss. 3. P. 675 -681.

Berger K.M. Carnivore-Livestock Conflicts: Effects of Subsidized Predator Control and Economic Correlates on the Sheep Industry. //Conservation Biology. 2006. Vol. 20. Iss. 3. P. 751-761.

Bergeron D.H., Pekins P.J., Jones H.F., Leak W.B. Moose browsing and forest regeneration: a case study in northern New Hampshire. //Alces. 2011. Vol. 47. Iss. 1. P. 39 -50.

Bodiquel L., Cardwell M. The Regulation of Genetically Modified Organisms: Comparative Approaches. Oxford University Press. 2009. 430 p.

Buhl G, Borgia L. Wildlife in Education: A Guide for the Care and Use of Program Animals. National Wildlife Rehabilitators Association. 2004. 162 p.

Chapman T., Sims C., Mawson P. Minimising Disease Risk in Wildlife Management. Standard operating procedures for fauna translocation, monitoring and euthanasia in the field. Western Australia Department of Conservation and Land Management. Denham. 2005. 46 p.

Charoo S.A., Sharma L.K., Sathyakumar S. Asiatic black bear–human interactions around Dachigam National Park, Kashmir, India. //Ursus. 2011. Vol. 22. Iss. 2. P. 106-113.

Clark J.E., Manen F.T., Pelton M.R. Survival of nuisance American black bears released on-site in Great Smoky Mountains National Park. //Ursus. 2003. Vol. 14. Iss 2. P. 210-214.

Decker D.J., Wild V.A., Riley S.R., Siemer W.F., Miller M.M., Leong K.M., Powers J.G., Rhyan J.C. Wildlife Disease Management: A Manager's Model. //Human Dimensions of Wildlife. 2006. No 11. P. 151–158.

Delahay R.J., Smith G.C., Hutchings M.L. Management of Disease in Wild Mammals. Springer. 2009. 284 p.

Distefano E. Human-Wildlife Conflict worldwide: collection of case studies, analysis of management strategies and good practices. FAO. Room. 2010. 32 p.

Doyle S., Groo M., Sampson C., Songer M., Jones M., Leimgruber P. Human-Elephant Conflict – What Can We Learn from the News? //Gajah. 2010. Vol. 32. P. 14-20.

Enzlin G.J. Sheep and Cattle Driving Dog Breeds from Around the World. Melrose Books. 2008. 200 p.

Fahrig L., Rytwinski T. Effects of roads on animal abundance: An empirical review and synthesis. //Ecology and Society. 2009. Vol. 14. No 1. P. 16-21.

Fencing for Conservation: Restriction of Evolutionary Potential or a Riposte to Threatening Processes? Springer. 2011. 320 p.

Ferry N., Gatehouse A. Environmental Impact of Genetically Modified Crops. CABI. 2009. 424 p.

Forman R.T. Road ecology: science and solutions. Island Press. 2003. 481 p.

Freuling C., Selhorst T., Kliemt A., Conraths F., Müller T. Deutschland ist tollwutfrei! Erfolgreiche Tierseuchenbekämpfung im Wildtierbereich /Forschungs Report. Die Zeitschrift des Senats der Bundesforschungsinstitute. 2008. N 1. S. 34-38.

Frump R. The Man-Eaters of Eden: Life and Death in Kruger National Park. The Lyons Press. 2006. 240 p.

Gregorich L. J. Poaching and the Illegal Trade in Wildlife and Wildlife Parts in Canada. Ottawa: Canadian Wildlife Federation. 1992. 117 p.

Griffin S.C., Valois T., Taper M.L., Mills L.S. Effects of Tourists on Behavior and Demography of Olympic Marmots. //Conservation Biology. 2007. Vol. 21. Iss. 4. P. 1070-1081.

Hampson K., Lembo T., Bessell P., Auty H., Packer C. et al. Predictability of anthrax infection in the Serengeti, Tanzania. //Journal of Applied Ecology. 2011. Vol. 48. Iss. 6. P. 1333-1344.

Hanophy W. Fencing with Wildlife in Mind. Colorado Division of Wildlife. Denver. CO. 2009. 36 p.

Härkönen S., Pulkkinen A., Heräjärvi H. Wood quality of birch (*Betula* spp.) trees damaged by moose. //Alces. 2009. Vol. 45. P. 67-72.

Harrington J.L., Conover M.R. Characteristics of ungulate behavior and mortality associated with wire fences. //Wildlife Society Bulletin. 2006. Vol. 34. No 5. P. 1295-1305.

Hedlund J.H. Methods to Reduce Traffic Crashes Involving Deer: What Works and What Does Not. Diane Publishing. 2003. 20 p.

Hengeveld P.L., Festa-Bianchet M. Harvest regulations and artificial selection on horn size in male bighorn sheep. //Journal of Wildlife Management. 2011. Vol.75. Iss. 1. P. 189-197.

Herrero S., Higgins A., Cardoza J., Hajduk L., Smith T. Fatal attacks by American black bear on people: 1900–2009. //Journal of Wildlife Management. 2011. Vol. 75. Iss. 3. P. 596-603.

Higginbottom K. Wildlife tourism: impacts, management and planning. Common Ground Publishing. 2004. 277 p.

Holman J. A Guide to Road Ecology in Ontario. Ontario Road Ecology Group. Toronto. 2010. 56 p.

Hone J., Donnelly C.A. Evaluating evidence of association of bovine tuberculosis in cattle and badgers. //Journal of Applied Ecology. 2008. Vol. 45. Iss. 6. P. 1660-1666.

Hörnberg S. Changes in population density of moose (*Alces alces*) and damage to forests in Sweden. //Forest Ecology and Management. 2001. Vol. 149. Iss. 1-2. P. 141-151.

Hromas I.J., Nolens N.M. Strongest trophies. CIC. 2000. 182 p.

Human-Elephant Conflict Mitigation Measures Practiced in South Asia (AREAS Technical Support Document Submitted to World Bank). Published by WWF. 2008. 50 p.

Husheer S.W., Hansen Q.W., Ulrich S.C. Effects of red deer on tree regeneration and growth in Aorangi Forest, Wairarapa. //New Zealand Journal of Ecology. 2005. Vol. 29. No 2. P. 271-277.

Husheer S.W. Introduced red deer reduce tree regeneration in Pureora Forest, central North Island, New Zealand. //New Zealand Journal of Ecology. 2007. Vol. 31. No 1. P. 79-87.

Jones J., Andriamarivololona M., Hockley N. The importance of taboos and social norms to conservation in Madagascar. //Conservation Biology. 2008. Vol. 22. Iss. 4. P. 976-986.

Karhu R., Anderson S. The effect of high-tensile electric fence designs on big-game and livestock movements. //Wildlife Society Bulletin. 2006. Vol.34. No. 2. P. 293-299.

Kilpatrick A.M., Gillin C.M., Daszak P. Wildlife–livestock conflict: the risk of pathogen transmission from bison to cattle outside Yellowstone National Park. //Journal of Applied Ecology. 2009. Vol. 46. Iss. 2. P. 476-485.

Kissui B. Livestock predation by lions, leopards, spotted hyenas, and their vulnerability to retaliatory killing in the Maasai steppe, Tanzania. //Animal Conservation. 2008. Vol.11. P. 422-432.

Laursen L., Bekoff M. *Loxodonta africana*. //Mammalian Species. 1978. No 92. P. 1-8.

Lembo T., Hampson K., Haydon D.T., Craft M., Dobson A. et al. Exploring reservoir dynamics: a case study of rabies in the Serengeti ecosystem. //Journal of Applied Ecology. 2008. Vol. 45. Iss. 4. P. 1246-1257.

Loweridge A.J., Packer G., Dutton A. Science and the Recreational Hunting of Lions. /Recreational Hunting, Conservation and Rural Livelihoods: Science and Practice. Blackwell Publishing Ltd. 2009. P. 108 -124.

Löe J., Röskaft E. Large Carnivores and Human Safety: A Review. //Ambio. 2004. Vol. 33. No. 6. P. 283-288.

Marchini S. People and jaguars: a guide for coexistence. San Paulo: Amazonarium Press. 2010. 52 p.

Mastro L.L., Conover M.R., Frey S.N. Deer–vehicle collision prevention techniques. //Human–Wildlife Conflicts. 2008. Vol. 2. Iss. 1. P. 80-92.

Mattson D., Logan K., Sweanor L. Factors governing risk of cougar attacks on humans. //Human–Wildlife Interactions. 2011. Vol. 5. Iss. 1. P. 135-158.

Montgomery S. Spell of the Tiger: The Man-Eaters of Sundarbans. Chelsea Green Publishing. 2009. 215 p.

Newsome D., Dowling R.K., Moore S.A. Wildlife Tourism. Channel View Publications. 2005. 299 p.

Nyhus P.J., Tilson R.L., Tomlinson J.L. Dangerous Animals in Captivity: Ex Situ Tiger Conflict and Implications for Private Ownership of Exotic Animals. //Zoo Biology. 2003. Vol. 22. Iss. 6. P. 573–586.

Nyhus P.J., Tilson R.L. Characterizing human-tiger conflict in Sumatra, Indonesia: implications for conservation. //Oryx. 2004. Vol. 38. Iss. 1. P. 68-74.

Packer C., Ikanda D., Kissui B., Kushnir H. Conservation biology: lion attacks on humans in Tanzania. //Nature. 2005. Vol. 436. P. 927-928.

Paige C. A Landowner’s Guide to Wildlife Friendly Fences. How to build fence with Wildlife in mind. Montana Landowner/Wildlife Resource Program. Helena. MT. 2008. 44 p.

Palmeiraa F.B., Crawshaw P.G., Haddad C.M., Ferrazd K.M., Luciano M., Verdadee L.M. Cattle depredation by puma (*Puma concolor*) and jaguar (*Panthera onca*) in central-western Brazil. //Biological Conservation. 2008. Vol. 141. P. 118 -125.

Parker G.E., Osborn F.V., Niskanen H., Niskanen L.S. Human-Elephant Conflict Mitigation. A Training Course for Community-Based Approaches in Africa. Participant’s Manual. IUCN/SSC African Elephant Specialist Group. 2007. 76 p.

Patterson B.D., Kasiki S.M., Selempo E., Kays R.W. Livestock predation by lions (*Panthera leo*) and other carnivores on ranches neighboring Tsavo National Parks, Kenya. //Biological Conservation. 2004. Vol. 119. P. 507-516.

Paulson N. The place of hunters in global conservation advocacy. //Conservation and Society. 2012. Vol. 10. Iss. 1. P. 53-62.

Pedersen K., Bevins S.N., Schmit B.S., Lutman M.W., Milleson M.P., Turnage C.T., Bigelov T.T., Deliberto T.J. Apparent prevalence of swine brucellosis in feral swine in the United States. //Human–Wildlife Interactions. 2012. Vol. 6. Iss. 1. P. 38–47.

Pinter-Wollman N., Isbell L.A., Hart L.A. Assessing translocation outcome: Comparing behavioral and physiological aspects of translocated and resident African elephants (*Loxodonta africana*). //Biological Conservation. 2009. Vol. 142. P. 1116-1124.

Pittiglio C. Analysis of crop damage in Lolkisale, Naitolia and Loborsoit villages (Monduli and Simanjiro Districts - Tanzania). FAO. Room. 2010. 49 p.

Renna C.H. Herding Dogs: Selecting and Training the Working Farm Dog. Kennel Club Books. 2008. 160 p.

Robertson D. On the road ecology: memoirs of Eco-Human. Gorman Printing. 2008. 225 p.

Safe Passages: Highways, Wildlife and Habitat Connectivity. Island Press. 2010. 396 p.

Scheuhammer A.M., Thomas V.G. Elimination Lead from Recreational Shooting and Angling: Relating Wildlife Science to Environmental Policy and Regulation in North America. //Wildlife Ecotoxicology: Forensic Approaches. Springer. 2011. P. 359 - 382.

Schroeder S.A., Fulton D.C., Penning W., Doncarlos K. Using persuasive messages to encourage hunters to support regulation of lead shot. //Journal of Wildlife Management. 2012. Vol.76. Iss. 8. P. 1528-1539.

Seiler A. Predicting locations of moose-vehicle collisions in Sweden. //Journal of Applied Ecology. 2005. Vol. 42. Iss. 2. P. 371-382.

Sifuna N. Use of illegal methods in Kenya's rural communities to combat wildlife damage: a case study of Laikipia. //Human-Wildlife Interactions. 2011. Vol. 5. Iss. 1. P. 5-8.

Smallwood K.S., Thelander C. Bird Mortality in the Altamont Pass Wind Resource Area, California. //Journal of Wildlife Management. 2008. Vol. 72. Iss. 1. P. 215-223.

Smith C.A. The role of state wildlife professionals under the public trust doctrine. //Journal of Wildlife Management. 2011. Vol. 75. Iss. 7. P. 1539-1543.

Smith J.T. Wild horses and BLM management issues: what to do with 30 000 symbols of the American West. //Human-Wildlife Interactions. 2010. Vol. 4. Iss. 1. P. 7-11.

Somers M.J., Hayward M.W. Fencing for Conservation: Restriction of Evolutionary Potential or a Riposte to Threatening Process? Springer. 2011. 320 p.

Species fact sheet: human-animal conflict. Gland (Switzerland): WWF International. 2006. 4 p. (www.panda.org/species).

Spencer R.D., Richard A., Beausoleil R.A., Martorello D.A. How agencies respond to human-black bear conflicts: a survey of wildlife agencies in North America. //Ursus. 2007. Vol. 18. Iss. 2. P. 217-229.

Stewart G.B., Pullin A.S., Coles C.F. Poor evidence-base for assessment of windfarm impacts on birds. //Environmental Conservation. 2007. Vol. 34. Iss. 1. P. 1 -11.

Tapper R. Wildlife Watching and Tourism: A Study on the Benefits and Risks of a Fast Growing Tourism Activity and Its Impact on Species. UNEP/Earthprint. 2006. 65 p.

Tegt J.L., Jones P.D., West B.C. A needs assessment for continuing education of federal wildlife damage management professionals. //Human-Wildlife Interactions. 2010. Vol. 4. Iss. 1. P. 118-129.

Vercauteren K.C., Lavelle M.J., Hygnstrom S. Fences and Deer-Damage Management: A Review of Designs and Efficacy. //Wildlife Society Bulletin. 2006. Vol. 34. Iss. 1. P. 191-200.

Wambuduh O. Interactions between Humans and Wildlife: Landowner Experiences Regarding Wildlife Damage, Ownership and Benefits in Laikipia District, Kenya. //Conservation and Society. 2007. Vol. 5. Iss. 3. P. 408-428.

Ward J.S., Williams S.C. Effectiveness of deer repellents in Connecticut. //Human-Wildlife Interactions. 2010. Vol. 4. No 1. P. 56-66.

Ware G.W. Complete guide to pest control: with and without chemicals. Meister Pro Information Resources. 2005. 434 p.

Weaver D. Ecotourism. Wiley. 2008. 360 p.

Webb S.L., Demarais S., Strickland B.K., De Young R.W., Kinghorn B.R., Gee K.L. Effects of selective harvest on antler size in white-tailed deer: A modeling approach. //Journal of Wildlife Management. 2012. Vol.76. Iss. 1. P. 48-56.

Whisson D.A., Holland G.J., Carlyon K. Translocation of overabundant species: Implications for translocated individuals. //Journal of Wildlife Management. 2012. Vol.76. Iss. 8. P. 1661-1669.

Wilson S.M., Madel M.J., Mattson D.J., Graham J.M., Burchfield J.A., Belsky J.M. Natural landscape features, human-related attractants and conflict hotspots: a spatial analysis of human-grizzly bear conflicts. //Ursus. 2005. Vol. 16. Is. 1. P. 117-129.

Woodford J. The Dog Fence: A Journey across the Heart of Australia. Melbourne: Text Publishing Company. 2004. 272 p.

Yom-Tov Y. Poaching of Israeli wildlife by guest workers. //Biological Conservation. 2003. Vol. 110/3. P. 1-10.

Zeppel H. Indigenous Ecotourism: Sustainable Development and Management. CABI. 2006. 308 p.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Проблемы, порождаемые охотничьими животными	4
Социальные проблемы сосуществования с охотничьими животными	26
Инициированные человеком проблемы	46
Причины неразрешимости проблем	66
Поиски решений	75
Опасные животные	75
Заразные болезни	86
Загрязнение свинцом окружающей среды	100
Генетически модифицированные объекты	102
Браконьерство	104
Человек как фактор беспокойства и содействия	107
Заключение	117
Литература	119

Научное издание

Чащухин Виктор Александрович

**Человек и охотничьи животные:
проблемы сосуществования**

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом

ГНУ ВНИИОЗ

Оригинал-макет автора